

ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

Л

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

ИЗ МИФОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

*Рассказала для детей
Вера Смирнова*

МОСКВА

"Детская литература"

1988

ББК 82.3(0)
Г 39

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Рисунки И. Архипова

Г $\frac{4800000000-214}{M101(03)-88}$ 448-88

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много-много веков назад на Балканском полуострове поселился народ, который впоследствии стали называть греками. В отличие от современных греков, мы называем тот народ древними греками, или эллинами, а их страну Элладой.

Эллины оставили народам мира богатое наследство: величественные здания, которые до сих пор считаются красивейшими в мире, прекрасные мраморные и бронзовые статуи и великие произведения литературы, которые люди читают и сейчас, хотя они написаны на языке, на котором давно уже никто не говорит на земле. Это «Илиада» и «Одиссея» — героические поэмы о том, как греки осаждали город Трöю, и о скитаниях и приключениях одного из участников этой войны — Одиссея. Эти поэмы пелись бродячими певцами, и созданы они были около трёх тысяч лет назад.

От древних греков остались нам их предания, их древние сказания — мифы.

Греки прошли длинный исторический путь; понадобились века, прежде чем они стали самым образованным, самым культурным народом древнего мира. Их представления об устройстве мира, их попытки объяснить всё

происходящее в природе и в человеческом обществе нашли своё отражение в мифах.

Мифы создавались тогда, когда эллины ещё не знали грамоты; складывались постепенно, в течение нескольких веков, передавались из уст в уста, из поколения в поколение и никогда не были записаны как единая, цельная книга. Мы знаем их уже из произведений древних поэтов Гесиода и Гомера, великих греческих драматургов Эсхила, Софокла, Еврипида и писателей более поздних эпох.

Вот почему мифы древних греков приходится собирать из самых разных источников и пересказывать их.

По отдельным мифам можно воссоздать картину мира, как представляли его себе древние греки. Мифы рассказывают, что сначала мир населяли чудовища и великаны: гиганты, у которых вместо ног извивались огромные змеи; сторукие, громадные, как горы; свирепые циклопы, или циклопы, — с одним сверкающим глазом посреди лба; грозные дети Земли и Неба — могучие титаны. В образах гигантов и титанов древние греки олицетворяли стихийные могучие силы природы. Мифы рассказывают, что впоследствии эти стихийные силы природы были обузданы и покорены Зевсом — богом неба, Громовержцем и Тучегонителем, который установил порядок в мире и стал владыкой вселенной. На смену титанам пришло царство Зевса.

В представлении древних греков боги были похожи на людей и отношения между ними напоминали отношения между людьми. Греческие боги ссорились и мирились, постоянно вмешивались в жизнь людей, принимали уча-

стие в войнах. Каждый из богов занимался каким-то своим делом, «заведовал» определённым «хозяйством» в мире. Эллины наделяли своих богов человеческими характерами и склонностями. От людей — «смертных» — греческие боги отличались только бессмертием.

Как у каждого греческого племени был свой вождь, военачальник, судья и хозяин, так среди богов греки считали вождём Зевса. По верованиям греков, семья Зевса — его братья, жена и дети делили с ним власть над миром. Супруга Зевса, Гера, считалась хранительницей семьи, брака, домашнего очага. Брат Зевса, Посейдон, властвовал над морями; Гадес, или Аид, правил подземным царством мёртвых; Деметра, сестра Зевса, богиня земледелия, ведала урожаями. У Зевса были дети: Аполлон — бог света, покровитель наук и искусств, Артемиды — богиня лесов и охоты, Афина Паллада, родившаяся из головы Зевса, — богиня мудрости, покровительница ремёсел и знаний, хромой Гефест — бог кузнец и механик, Афродита — богиня любви и красоты, Арес — бог войны, Гермес — вестник богов, ближайший помощник и наперсник Зевса, покровитель торговли и мореплавания. Мифы рассказывают, что эти боги жили на горе Олимп, всегда закрытой от глаз людей облаками, питались «пищей богов» — нектаром и амброзией, и все дела решали на пирах у Зевса.

Люди на земле обращались к богам — к каждому по его «специальности», воздвигали им отдельные храмы и, чтобы умилостивить их, приносили дары — жертвы.

Мифы рассказывают, что, кроме этих главных богов, вся земля была населена богами

и богинями, олицетворявшими силы природы.

В реках и ручьях жили нимфы Наяды, в море — Нереиды, в лесах — Дриады и Сатиры с козлиными ногами и с рожками на голове; в горах жила нимфа Эхо.

В небе царствовал Гелиос — солнце, каждый день объезжавший весь мир на своей золотой колеснице, запряженной огнедышащими конями; утром въезд его возвещала румяная Эос — заря; ночью над землей грустила Селена — луна. Ветры олицетворялись разными богами: северный грозный ветер — Борей, теплый и мягкий — Зефир. Жизнью человека распоряжались три богини судьбы — Мойры: они пряли нить человеческой жизни от рождения до смерти и могли оборвать ее, когда хотели.

Кроме мифов о богах, у древних греков были мифы о героях. Древняя Греция не была единым государством, она вся состояла из маленьких государств-городов, которые часто воевали между собой, а иногда вступали в союз против общего врага. У каждого города, у каждой области был свой герой. Героем Афин был Тезей, отважный юноша, защищавший родной город от завоевателей и победивший в поединке чудовищного быка Минотавра, которому отдавались на съедение афинские юноши и девушки. Героем Фракии был знаменитый певец Орфей. У аргивян героем был Персей, убивший Медузу, один взгляд которой превращал человека в камень.

Потом, когда постепенно произошло объединение греческих племен и греки стали созывать себя единым народом — эллинами, появился герой всей Греции — Геракл. Был создан миф о путешествии, в котором участвова-

ли герои разных греческих городов и областей, — о походе аргонавтов.

Греки с давних времён были мореплавателями. Море, омывающее берега Греции (Эгейское), было удобно для плавания — оно усеяно островами, большую часть года спокойно, и греки быстро его освоили. Перебираясь с острова на остров, древние греки скоро добрались до Малой Азии. Постепенно греческие мореплаватели стали осваивать и земли, лежащие севернее Греции.

В основе мифа об аргонавтах лежат воспоминания о многих попытках греческих мореходов пробраться в Чёрное море. Бурное и без единого острова на пути, Чёрное море долго пугало греческих моряков.

Миф о походе аргонавтов интересен для нас ещё и потому, что речь в нём идёт о Кавказе, о Колхиде; река Фазис — это теперешний Рион, и там действительно в древности находили золото.

Мифы рассказывают, что вместе с аргонавтами в поход за золотым руном отправился и великий герой Греции — Геракл.

Геракл — это образ народного богатыря. В мифах о двенадцати подвигах Геракла древние греки рассказывают о героической борьбе человека с враждебными силами природы, об освобождении земли от страшного господства стихий, об умиротворении страны. Воплощение несокрушимой физической силы, Геракл является в то же время образцом мужества, бесстрашия, воинской отваги.

В мифах об аргонавтах и о Геракле перед нами встают герои Эллады — смелые мореходы, открыватели новых путей и новых земель,

борцы, освобождающие землю от чудовищ, которыми её населил первобытный ум. В образах этих героев выражены идеалы древнего мира.

В древнегреческих мифах запечатлено «детство человеческого общества», которое в Элладѣ, по словам Карла Маркса, «развивалось всего прекраснее и обладает для нас вѣчной прелестью». В своих мифах эллины проявили замечательное чувство красоты, художественное понимание природы и истории. Мифы Древней Греции много веков вдохновляли поэтов и художников всего мира. В стихах Пушкина и Тютчева и даже в баснях Крылова мы не раз найдѣм образы из мифов Эллады. Если бы мы не знали древнегреческих мифов, многое в искусстве прошлого — в скульптурѣ, живописи, поэзии — было бы нам непонятно.

Образы древнегреческих мифов сохранились и в нашем языкѣ. Мы не верим теперь, что существовали когда-нибудь могучие великаны, которых древние греки называли титанами и гигантами, однако мы и сейчас называем великие дела гигантскими. Мы говорим: «мучи Тантала», «сизифов труд» — и без знания греческих мифов эти слова непонятны.

Сами по себѣ древнегреческие мифы — народные сказанья, пришедшие к нам из далекой древности, — полны поэзии и глубокого смысла. Свободолюбивый Геракл, очищающий землю от чудовищ, смелые открыватели новых земель — аргонавты, Прометей, восставший против богов и давший огонь человечеству, — все эти образы стали достоянием мировой литературы, и каждый культурный человек должен их знать.

АРГОНАВТЫ

БАРАН С ЗОЛОТЫМ РУНОМ

Когда-то, в давние-давние времена, рассказывали греки, над городом Орхоменом проплывала высоко в небе туча. Воздушная нимфа Нефела (что и значит по-гречески «туча») увидела на горе над городом красивый дворец с белыми колоннами и широкими террасами. Ей захотелось узнать, кто там живёт, и она спустилась вниз, на каменные ступени дворца.

Навстречу Нефеле вышел хозяин дворца — орхоменский царь Афамант. Он приветствовал красавицу нимфу и пригласил её войти.

Нефела вошла во дворец и осталась там жить. Нимфа любила человека и стала его женой.

Прошло несколько лет. У царицы Нефелы родились близнецы — мальчик и девочка, Фрикс и Гелла. Царь Афамант радовался рождению детей. В Орхомене был весёлый праздник, жители города целый день толпились у дворца, чтобы приветствовать новорождённых.

Только Нефела была тревожна и нерадостна. Часто стала она задумываться, скучала, подолгу стояла на самой высокой дворцовой террасе и смотрела в небо. Душно, тесно ей стало в прекрасном дворце, её потянуло в небесные просторы, на волю. Однажды вечером

она увидела в небе тучи, засмеялась от радости, поднялась к ним, позабыв обо всем на свете, и ветер унес её далеко от Орхомэна.

Напрасно плакали во дворце маленькие Фрикс и Гелла и звали мать — нимфа Нефела больше не вернулась на землю.

Пусто и печально стало во дворце без царицы. Дети росли без матери.

В это время пришла к Афаманту просить приюта одна царевна, по имени Ино; её семью изгнали из города, где она раньше жила, родные её все умерли, и она осталась совсем одна, без крова и пищи, без всякой помощи.

«Одна ушла, не простясь, другая пришла без зова», — подумал царь Афамант и оставил у себя царевну. Он решил жениться на ней, чтобы она заменила детям мать.

Скоро Ино стала полной хозяйкой во дворце Афаманта. Царь полюбил её, и люди в Орхомэне привыкли к ней — ведь она была не нимфа, а такой же человек, как они. Ино была приветлива со всеми, каждому старалась понравиться. Она ласкала Фрикса и Геллу, но они чувствовали, что она не любит их.

Потом у Ино родился сын, а через год — второй. Она уже не обращала больше внимания на пасынка и падчерицу и совсем перестала заботиться о них.

Годы шли. Афамант сильно состарился, и все ждали, что скоро Фрикс станет царём в Орхомэне.

«Что же будет со мной и с моими сыновьями, когда сын Тучи сделается царём в Орхомэне?» — думала Ино.

Царица решила избавиться от Фрикса, но она знала, что боги наказывают за убийство,

и не хотѣла навлекать на себя гнев боговъ. Ино придумала коварный план.

Каждую весну орхомѣнцы засеваѣли свой поля, а семенá для посѣва получáли из кладовых царя. В тот год люди, как всегда, пришлѣи к царю за семенáми. Ино поджарила зѣрна и выдала народу семенá, негодные для посѣва.

Пришлó время, и зазеленѣли поля вокруг Орхомѣна, но то был не хлеб, а сорные травы. Семенá царицы Ино не дали никаких всходов. В странѣ начался голод.

Люди не знали, отчего случилось несчастье, и думали, что боги гнѣваются на них. Решѣли обратиться к оракулу — предсказателю, который мог отгадывать все тайны прошедшего, настоящего и будущаго. Царица Ино взялась спросить оракула, за что разгнѣвались боги. Но она никого не стала спрашивать и сама приготовила отвѣт.

Вот что сказала Ино народу:

— Боги разгнѣвались на то, что в Орхомѣне была царицей нимфа Нефѣла, которая самовольно покинула небо и стала женой человека. Боги не хотят, чтобы сын Нефѣлы стал царём в Орхомѣне. Убейте его — и тогда ваши поля будут снова давать вам хлеб. Такова воля боговъ.

Со страхом выслушали орхомѣнцы эту злую вѣсть. Жаль им было погубить ни в чём не повиннаго царевича, но люди были покорны богам. И вот назначили день, когда торжественно, перед всем народом, на горе, при восходе луны должны были принести в жертву Фрикса.

Настал этот день. Рано утром брат и сестра стояли одни на высокой террасе дворца и печально смотрѣли на небо.

Гёлла обнимала брата, плакала и звала мать:
— Помогите своим покинутым детям!

Мрачный стоял рядом с ней Фрикс и молчал — он думал, что мать забыла про них.

Вдруг далеко в чистом небе появилась тучка. Это нимфа Нефела, скитаясь по воздушным пространствам, услышала жалобный зов дочери и прилетела на помощь. Тучка приблизилась, опустилась — и мать обняла своих детей. Вместе с нимфой появился перед ними баран с золотыми рогами, с длинной золотой шерстью.

— Дети, — сказала нимфа, — я не могу вас взять с собою — людям не дано жить на небе. Но я дарю вам золоторунного барана. Он перелетает через горы, как птица, плавает в воде, как тритон, и бежит по земле быстрее ветра. Смело садитесь к нему на спину, и он унесет вас отсюда. Доверьтесь ему. Он переплывёт с вами три моря и отнесёт вас в царство Ээта,

сына Сѡлнца. Эѡт приютит вас и бѡдет вам вмѡсто отцѡ. Прощѡйте! Спешите!

И нѡмфа вмѡсте с тѡчей опѡть поднялась в нѡбо и умчѡлась вдаль.

Фрикс и Гѡлла сѡли нѡ спину золоторѡн-ного барѡна, и он унѡс их от злой мѡчехи. Он перелетѡл с ними чѡрез гѡры, добежѡл до мѡря, брѡсился в вѡду и поплѡыл. Мѡре бѡло спокѡйно, и барѡн с детьмѡи бѡстро плыл по волнѡм. Дѡти крѡпко держѡлись за егѡ золотѡю шерсть и друг за другѡ и не боялись. Так переплѡбли онѡи пѡр-вое мѡре, и вѡлны внесли их в ѡзкий, длѡн-ный пролѡв, котѡрым ѡто мѡре соединѡлось с другѡим. Здѡсь дул сѡльный вѡтер, и течѡние бѡло такѡе бѡстрое, что вѡлны окѡтывали их с ног до головѡы. Гѡлла со стрѡхом смѡтрѡла на пѡнистые грѡбни волн; у неѡ замѡрѡло сѡрд-це и кружѡлась головѡа.

— Крѡпче держѡсь за менѡя,— говорѡил Фрикс сестрѡ.

Но Гёлла дрожала и вдруг, вскрикнув, выпустила руку брата и соскользнула с барана в воду.

— Гёлла! — успел только крикнуть Фрикс.

Но девочка уже исчезла в водовороте. Закрыв глаза, Фрикс поплыл дальше один — прочь от этого страшного места.

А люди потом называли ту часть моря, где утонула Гёлла, Геллеспонтон — «морем Геллы».

Чудесный баран с золотым руном миновал второе море и по другому проливу выплыл в широкое бурное Чёрное море. Долго он плыл вдоль берегов, мимо чужих земель, не похожих на Грецию. Наконец он добрался до устья большой светлой реки, впадавшей в море, и дальше поплыл вверх по реке. На берегу с одной стороны был густой, тёмный лес с могучими, высокими деревьями — это была священная роща Ареса, бога войны. Вдали поднимались в небо вершины гор, покрытые снегом. На другом берегу реки виднелся большой город — столица Колхиды, Этова царства.

Золоторунный баран вынес Фрикса на берег. Фрикс вошёл в город и направился во дворец царя Ээта. Держа за рог золоторунного барана, сын Тучи явился к сыну Солнца.

Ээт принял Фрикса ласково и поселил у себя во дворце. Чудесного барана закололи в честь бога Зевса, а золотое руно повесили на священном дубе в роще Ареса. Царь приставил страшного дракона стеречь дуб, чтобы никто не мог украсть золотое руно.

С тех пор стало богатеть царство Ээта. Земля в изобилии приносила людям свой плод, и люди жили в довольстве.

Путешественники, побывавшие в Колхиде,

разнесли по всему свету весть о чудесном золотом руне, приносящем богатство. Много смельчакóв в ближних и дальних странах мечтали отпра́виться в Колхиду, чтобы хитростью или силой добыть золотое рунó. Но это было опасное и трудное дело, и долго никто не отваживался на него.

ЧЕЛОВЕК В ОДНОЙ САНДАЛИИ

В Фессалии, на берегу залива, был когда-то богатый и прекрасный город Иóлк. В нём царствовал старый Эзón. Младший брат его, Пелий, человек крутой и властолюбивый, свёргнул Эзона и сам стал править Иóлком. Эзón покорился Пелию, но не захотел покинуть родной город и остался жить в Иóлке как простой гражданин, а своего маленького сына Язónа он, боясь Пелия, отослал в лес, на гору Пелиón.

На склонах Пелиónа в лесу жило дикое племя кентавров. Это полулюди-полукони: у них человеческая голова и торс человека на конском туловище с четырьмя ногами. Кентавры были свирепы и наводили ужас на мирных жителей страны, когда порой, как дикий табун, вихрем спускались с гор, топчá посевы и губя под своими копытами всё живое.

Но среди этих диких существ был один старый кентавр Хирón, который славился мудростью. Ему-то и отдал Эзón на воспитание своего сына.

Много лет прожил Язón в горной пещере у Хирона. Старый кентавр закалил его тело, сделал юношу сильным и ловким, научил его владеть копьем и мечом, открыл ему многие

Стáрый кентавр сдéлал юношу сýльным и лóвким,
научил егó владéть копьём.

тайны природы и учил быть хитрым в борьбе с врагами.

Пелий царствовал в Иёлке. Ничто не угрожало царю в подвластном ему городе, но смутная тревога постоянно мучила Пелия. Часто обращался он к оракулам — предсказателям, спрашивая их, долго ли он будет жить и кто помешает его царствованию.

Однажды он спросил оракула, откуда ждать ему опасности. Оракул ответил:

— Бойся человека, обутого на одну ногу.

Пелий запомнил это и с тех пор, встречаясь с незнакомым человеком, прежде всего смотрел на его ноги.

Когда Язону исполнилось двадцать лет, он почувствовал себя сильным и крепким, готовым ко всем испытаниям жизни, и захотел вернуться домой. Он простился с Хироном, вышел из Пелионского леса, спустился с горы и направился по дороге в Иёлк.

На пути ему встретила маленькая горная речка, разлившаяся от весенних дождей. Ни моста, ни даже бревнышка, перекинутого через поток, не было видно. Язон подобрал шкуру леопарда, которая служила ему плащом, и смело ступил в воду, решив перейти речку вброд.

Вдруг он услышал — кто-то зовёт его. Он оглянулся и увидел: на камне у потока сидит старая женщина и со страхом смотрит на бующую воду.

— Помогй мне перейти на тот берег, — сказала старуха Язону, — я уже давно сижу здесь и жду, и никто до сих пор не помог мне, старой.

Язón, не говоря ни слова, взял старúху на руки и, осторóжно ступáя по каменíстому дну, перенёс её чéрез рéчку. По дорóге развязáлась у него сандáлия на лéвой ногé, и вода унеслá её. Выйдя на бéрег, Язón бéрежно опустил жéнщину на зéмлю и хотёл продолжáть свой путь, как вдруг услýшал сýльный, звýчный гóлос: — Спасíбо, Язón, я не забúду тебя!

Он живо обернулсá, но никогó ужé нé было óколо него. Удивýлся Язón и пошёл дáльше, раздúмая, кто былá éта старúха и как она узнала его íмя.

Вскóре Язón пришёл в Иóлк и очутýлся на большóй торгóвой плóщади, где бýло мнóго нарóду.

Все с удивлénием смотрéли на незнакóмца, молодóго и красíвого, с длínными, как у дéвушки, волосáми, с пёстрой шкúрой на плечáх и в однóй сандáлии.

Юноша стал расспрáшивать, как ему пройти к дóму отцá.

Вдруг застучали копыта, загремели колёса, и на площади в великолёпной колеснице, запряжённой прекрасными фессалийскими конями, появился правитель Иёлка — Пёлий. Толпа расступилась, и Язён остался один перед колесницей царя. Пёлий задрожал всем телом, когда увидел перед собой человека, обутого на одну ногу.

Царь остановил коней и спросил, нахмурившись:

— Скажи, кто ты, откуда ты родом и что тебе нужно в Иёлке?

— Я не чужой здесь, — отвечал Язён, — я родился в Иёлке. Я сын царя Эзона и пришёл получить обратно владение моего отца, отнятое у него насильно. Укажите мне дом моего отца, я хочу скорее его увидеть.

Загремела колесница и мгновенно умчала перепуганного Пёлия. А жители Иёлка, любившие старого Эзона, приветствовали юношу и проводили его к дому отца.

Старый Эзон заплакал от радости, увидев, каким могучим и прекрасным стал его сын. Весёлый пир был в этот день в доме Эзона, все родные и друзья праздновали возвращение его сына. Только одного Пелия не было на празднике. Мрачный сидел он в своём дворце, с беспокойством ожидая прихода Язона и думая, как бы погубить его.

Язон пришёл к Пелию с родными и друзьями, и это ещё больше напугало правителя.

Язон сказал Пелию:

— Я не буду биться с тобой. Мы не чужие, мы одной крови: ты брат моего отца, ты мне родной. Я не хочу мечом разрешать наш спор, хочу кончить дело миром. Верни мне добровольно власть, которую ты захватил силой, и я оставлю тебе всё твоё богатство, всю землю, с которой ты собираешь урожай, и все твои стада и табуны коней, и твою колесницу, и твой дворец, и твои богатые одежды. Ты будешь доживать свой век в довольстве и покое, и я не трону ни тебя, ни твоих детей.

Но хитрый Пелий так отвечал Язону:

— Ты прав, сын Эзона, и я согласен отдать тебе то, на что ты имеешь право. Но справедливо ли, что ты хочешь получить это даром. Ведь я двадцать лет правил в Иёлке и за эти годы тоже приобрёл право на него. Как же ты хочешь, чтобы я отдал тебе его без всякой отплаты с твоей стороны? Ты молод и полон сил, Язон, ты мог бы оказать мне услугу. Уже давно камнем лежит на мне кровная родовая обида, а ведь ты сам сказал: мы не чужие...

— Приказывай! — вскричал Язон гордо. — Обещаю сделать всё, что ты велишь.

— Слушай! — сказал Пелий. — Знаешь ли ты про золотое руно? Знаешь ли ты, что отец Фрикса и твой дед были братья, как твой отец и я? Знаешь ли ты, что стало с Фриksom в Колхиде?

И Пелий рассказал Язону, что сначала царь Ээт любил Фрикса, выдал за него свою старшую дочь Халкиопу и сделал его своим наследником. Но потом Ээт вновь женился сам, и новая жена родила ему сына Аписрта. Тогда царь приказал Фриксу уйти прочь из Колхиды. Фрикс потребовал, чтобы царь вернул ему золотое руно. Услышав об этом, Ээт пришел в бешенство и в безумном гневе убил своего зятя.

— Тень Фрикса не даёт мне покоя, — с приторной печалью говорил Пелий Язону, — она является мне по ночам и молит и требует, чтоб я отправился в Колхиду и отнял у Ээта золотое руно. Но я стар, и нет у меня сил на такое далёкое путешествие... Это должен исполнить ты, Язон! Добудь золотое руно, и ты отомстишь за Фрикса и сделаешь родной край богаче всех стран на свете, а я с радостью отдам тебе власть над Иолком.

Так говорил Язону коварный Пелий, а сам думал про себя:

«Отправляйся искать своей гибели! Где-нибудь ты найдёшь её — в бурном ли море, на чужом берегу или в гостях у коварного Ээта, — всё равно ты погибнешь, сын Ээона. Не видать тебе Иолка, как не добыть и золотого руна!»

Язон стал собираться в опасный и трудный путь.

Чтобы переплыть три моря и добраться до Колхиды, нужен был большой корабль, быстро-

ходный и прочный, какого ещё не было в Греции. А чтобы совершить далёкое путешествие на большом корабле и силой или хитростью добыть золотое руно, Язону нужны были отважные и сильные товарищи — моряки и воины.

Полный раздумья, отправился Язон в Пелионский лес — искать дерево, которое могло бы стать основанием для его корабля. Скоро у подножия горы нашёл он огромную сосну и принялся рубить её. Вдруг он услышал звучный голос:

— Я помогу тебе, Язон. У тебя будет корабль, какого ещё не бывало у людей. Я дам тебе в товарищи лучших героев Греции и сама поведу вас сквозь бури и туманы, и ты добудешь золотое руно.

Язон узнал голос, благодаривший его за услугу, когда он перенёс через поток старуху. Это была сама богиня Гера, жена великого Зевса, которая решила помочь Язону. Она приказала ему доверить постройку корабля иолакскому строителю Аргу и упросила дочь Зевса Афину Палладу, покровительницу учёных и ремесленников, руководить работой. А пока строился корабль, Язон объехал всю Грецию, собирая себе спутников для дальнего плаванья.

ОТПЛЫТИЕ

Из большой пелионской сосны, срубленной Язоном, сделали основание корабля. Приделали ему сосновые рёбра, скрепили их толстыми брёвнами; на них настлали палубу. Обшили корабль досками; в борту сделали круглые отверстия для весел и обшили их кожей. Посреди корабля

поставили высокую, тонкую сосну с перекладинами и на них укрепили холщовый парус. В корму корабля вставили кусок священного дуба из рощи Додонской. Этот дуб был волшебный: в шелесте его листьев люди могли слышать свою судьбу. Строители корабля надеялись, что этот кусок додонского дуба укажет мореплавателям, что им делать в трудный час. На носу корабля вырезали из дерева прекрасную голову богини Геры, покровительницы отважных путешественников, и покрыли её золотом: пусть сияет и блещет она впереди корабля, пусть издали видят все, что сама Гера ведёт корабль Язона.

Много времени прошло, пока наконец был построен корабль, осмолён, оснащён и спущен на воду.

И вот настал день, когда в гавани Иолка встал у причала чудо-корабль, лёгкий на ходу, устойчивый на волнах, окрылённый парусом, быстрый и красивый. Его называли «Аргó» — в честь мастера, построившего его.

Шумно и весело было в Иолке. Пятьдесят отборных греческих юношей, цвет и сила всей Греции, съехались сюда, чтобы на «Аргó» отправиться в далёкую Колхиду за золотым руном. Здесь были: могучий Геракл со своим юным другом Гиласом, братья-близнецы Кастор и Полидевк, никогда не разлучавшиеся, братья Пелей и Теламон из Фессалии, афинский царь Эгей, Лаэрт — царь острова Итаки, юный Адмет — родственник Язона, силач Идас и мудрый Амфиарай, умевший угадывать будущее; пришёл со своей кифарой¹ знаменитый греческий певец

¹ К и ф а р а — музыкальный струнный инструмент.

Орфэй; прилетели на могучих крыльях два сына бога ветра Борей — Калайд и Зет. И много других героев собралось в назначенный день в Иолке. Главным в походе был Язон, кормчим¹ корабля — искусный и опытный моряк Тифис, его помощником — дальноторкий Линкей, который видел всё, даже глубоко под землёй. Распределили места для гребцов, а на кормовое весло назначили двух самых сильных — Геракла и Анкея. Погрузили на «Арго» запасы еды, вина и пресной воды, чтобы не было в пути недостатка в питье и пище.

Последнюю ночь аргонавты — так называли они себя — провели на берегу моря, около своего корабля. Они пировали, слушали рассказы бывалых людей и чудесные песни Орфея и долго не могли уснуть.

Когда же занялась заря, Тифис поднял всех: пора было взойти на корабль. Гребцы сели на весла, кормчий стал у руля.

Язон налил полную чашу вина.

— За счастливое плавание! — воскликнул он и вылил вино в море — таков был обычай моряков перед отплытием.

Гребцы налегли на весла, и «Арго» понёсся по тихому заливу.

За Пелионским мысом, войдя в открытое море, аргонавты поставили парус. Дул попутный ветер, и лёгкий корабль быстро поплыл вдоль гористых берегов Фессалии.

Вот кони Гелиоса вынесли на небо солнечную колесницу — взошло солнце. Радостными криками приветствовали аргонавты первый день своего плаванья.

¹ Кормчий — рулевой.

Зазвенели золотые струны, и сильный голос Орфея
заглушил плеск волн.

Небо было безоблачно, море спокойно. Сердца были полны ожидания и надежды, верной спутницы мореходов.

Зазвенели золотые струны, и сильный голос Орфея заглушил плеск волн за бортом корабля.

Услышав песню Орфея, на поверхность моря выплыли дельфины и рыбы и поплыли за «Аргó», как стадо, послушно идущее за пастухом.

НА ОСТРОВЕ ЛЕМНОС

Аргонавты долго плыли вдоль берегов Греции, потом обогнули последний выступ Халкидского полуострова и вышли в широкое море.

Однажды вечером они увидели впереди на море огненно-красный остров. Сначала они подумали, что это заходящее солнце так окрасило высокие горы на острове. Но пришла ночь, всё потемнело вокруг, а неизвестный остров словно пылал в темноте перед ними, и чем ближе подплывал к нему «Аргó», тем ярче было зарево. Вдруг из вершины горы, возвышавшейся над островом, вырвался столб огня, поднялся высоко в небо и с шумом и треском, рассыпая миллионы искр и раскалённых камней, обрушился в море.

Аргонавты столпились на палубе, любуясь величественным зрелищем, и спрашивали друг друга, что значит этот пожар среди моря.

Наступило утро, и огонь на острове погас, только густой дым шёл из горы, как идёт дым из трубы, когда в доме топится печь.

«Аргó» приблизился к берегу. Чтобы волны не унесли корабль, аргонавты спустили на дно — оно было здесь неглубоко — большой камень, обвязанный крепким канатом. Другой такой

канат был укреплен на корме: конец его сбросили на берег, и один из гребцов зацепил его за выступ скалы и завязал узлом.

Медленно сходили на берег аргонавты. Страшно было ступать на землю, внутри которой тайлся огонь: она казалась им горячей и зыбкой. Осмотревшись, они увидели вдали городские стены и направились к городу, чтобы узнать, как зовется этот остров и что за люди здесь живут.

Прибытие аргонавтов было уже замечено в городе: едва они отошли от берега, где остановился «Аргон», как из городских ворот появился большой вооруженный отряд и, грозно подняв оружие, двинулся им навстречу.

Аргонавты на всякий случай тоже построились в боевой порядок и приготовились к бою. Но дальноркий Линкей вдруг засмеялся и сказал:

— Остановитесь, друзья, опустите ваши мечи и копья: это женщины.

В самом деле, это были женщины в военных доспехах и с оружием в руках.

Аргонавты остановились и с удивлением рассматривали необыкновенных своих противников. Увидев, что пришельцы не собираются нападать на них, женщины тоже остановились и, посоветовавшись между собой, выслали вперед вестницу — узнать, что это за люди и зачем они высадились на острове.

Аргонавты сказали, что путь их лежал мимо острова, что они не замышляют ничего дурного, и просили разрешения осмотреть чудесный остров и заставить пищу и водой.

От вестницы они узнали, что это был остров Лемнос.

Здесь, в огнедышащей горе Мосихл, была кузница бога Гефеста, вечно горел священный огонь в горне. А когда у божественного мастера было особенно много работы и его одноклазые подмастерья — киклопы — сильно раздували огонь, искры летели высоко в небо и весь остров дрожал и сотрясался от подземных ударов могучего молота. Отсюда когда-то унес титан Прометей маленькую искру, чтобы подарить людям огонь.

С удивлением узнали аргонавты, что на острове совсем нет мужчин.

В городе жили одни женщины; сами работали в поле и в мастерских, выполняли всякую мужскую работу. Охранять остров от нападений должны были тоже женщины.

Управляла этим женским царством молодая царица Ипсипила.

Когда вестница передала ей просьбу аргонавтов, царица велела всем женщинам собраться на площади, где они обычно обсуждали свои дела, и сказала:

— Милые сестры! Дадим чужеземцам хлеба, плодов и сладкого лемносского вина. Отнесем им на корабль наши подарки. Но пусть они скорее уплывають прочь, пусть не входят в наш город. Они могучи, эти чужеземцы, и мы не знаем, что у них на уме.

Но старая нянька царицы, седая Поликсо, возразила на это:

— Посмотрите на меня: я седая, я старая, я скоро умру. Когда старухи умрут, а молодые состарятся, кто будет впрягать быков в ярмо и пахать землю, и сеять хлеб, и срезать колосья в поле? Кто охранит город от нападения воинственных соседей и вас от тяжелого рабства? Кто

починит старýй дом и пострóит нóвый? Кто бóдет жить пóсле нас? Сáми бóги послáли нам ýтот корáбль и на нём пятьдесят отвáжных и сýльных герóев. По всемý вóдно, что ýто не злые лóуди. Послúшайте моего совéта: позовíte их к себé жить, пусть онý останутся на Лéмносе, пусть прáвят гóродом, пусть вýберут себé жён и жёны родя́т дете́й, пусть стáнут пришéльцы вам родными и бóдут вáшей опóрой во всяком дéле и защýтой от всех врагóв.

Так говорýла старáя Поликсó, и жéнщины, подúмав, согласýлись с ней.

Жýиво запрягли конéй в колесни́цу, нагрузýли её корзýнами с плодáми и кувшýнами с винóм и послáли вéстницу к аргонáвтам — передáть им дары и пригласýть их на пир к царýце Ипси́пиле.

Аргонáвты с рáдостью прýняли приглашéние, разоделýсь в лúчные одéжды и отпра́вились в гóрод. Тóлько Герáкл с юношей Гýласом, Амфиарáй и певéц Орфéй остáлись сторожýть корáбль.

Привéтливо встречáли жéнщины герóев на ýлицах гóрода, широко открывáли пéред нými двéри.

Язóна отвелý во дворéц царýцы, и она́ сказа́ла емý:

— Мы рáды тебé и твоým товáрищам. Бóдьте гостя́ми у нас на прáзднике. Прослáвим влады́ку нáшего óстрова божéственного Гефéста и женý его́ — богýню Афродýту!

Аргонáвты разошлýсь по всемý гóроду, и начался весéлый пир.

Во врéмя пýра царýца сказа́ла Язóну:

— Вóдишь, как прекрáсен наш óстров, как обýльна нáша земл́я. Полюбý ýту зéмлю и, ёсли

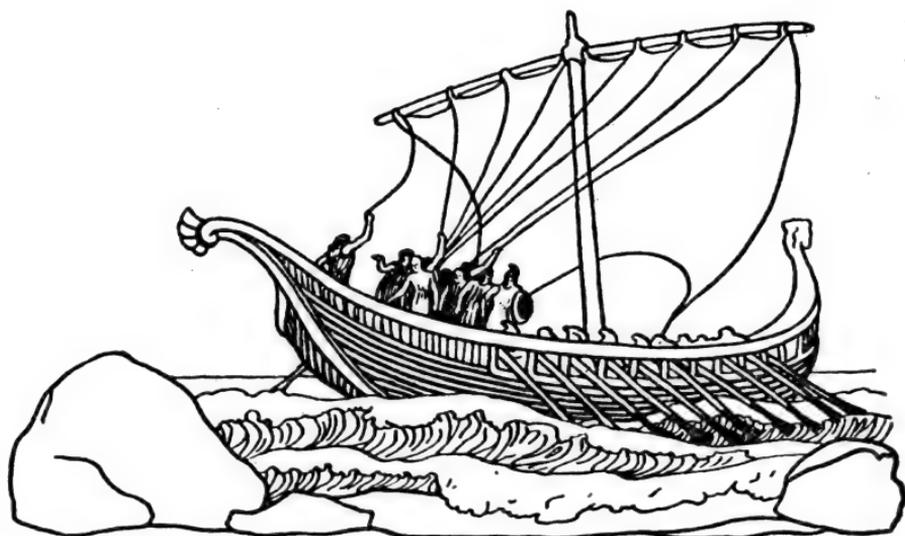
хóчешь, остáнься с нáми, живи́ в э́том дворце́ и будь царём в нáшем гóроде. И товáрищам своим прикажи́ остáться на Лёмносе.

— Цари́ца,— сказа́л Язón,— благодарю́ за лáсковый приём, за дóброе сло́во, но я не могу́ остáться и быть царём на Лёмносе, как ни прекра́сен твой óстров и твой гóрод. Мой путь далёк и дóлог, и я дóлжен испóлнить то, что обеща́л. Я дóлжен добы́ть золотбе́ рунó.

Но опечáленная цари́ца гляде́ла на Язónа так лáсково, и так вéсело звуча́ли пёсны в гóроде, и так беззабо́тно пляса́ли краси́вые де́вушки на площа́дях и перекрёстках, а ста́рая Поликсó так доброду́шно ворча́ла: «Куда́ торопи́ться? За́чем спешить за ги́белью? Пусть опа́сность сама́ ищет герóя...»

Пиры́ сменя́лись пира́ми. Проходи́ли часы́, и дни, и но́чи, а аргона́вты и не думали возвра́щаться на свой кора́бль.

Дóлго ждал их Гера́кл, наконец отпра́вился

сам в город и стал бранить своих беспечных товарищей:

— Для того разве построен наш «Аргó», чтоб волны били его о лемносский берег? Для того разве собирал нас Язón со всей Греции, чтоб пировать в гостях у женщин? Попутный ветер толкает корму «Аргó», сильно натянут причальный канат, вот-вот оборвется. Кто не хочет быть неженкой и нахлебником у женщин — вперед, в путь за золотым руном! В путь, аргонавты!

Пристыженные, словно с похмелья, собрались снова вместе аргонавты и стали готовиться к отъезду.

Лемносские женщины принесли им на корабль всего, чем богат был остров, и плакали, провожая гербов, потому что успели уже их полюбить и не хотели расставаться с ними.

— Желаем вам счастья и в плавании и в вашем опасном деле, — сказала Язону царица

Ипси́пила и тѣхо прибáвила: — Если ты добú-дешь золотѣ руно́ и захóчешь вернúться на Лѣмнос, я отдам тебѣ гóрод, и власть, и свою́ любóвь. Пóмни обо мне.

Но слѣзы б́ыли у неѣ на глазáх, потому́ что она́ предчúвствовала, что аргонáвты никогда́ не вернúтся на Лѣмнос.

Герáкл пóднял со дна кáмень, удѣрживавший на волна́х корáбль. Отвязáли от лѣмносской ска-лы́ причáльный канáт, и, свернúвшись змеѣй, он послу́шно лѣг у ног кóрмчего.

Гребцы́ б́ыли все на местáх.

Язóн дал знак — враз взлетѣли вѣсла, и «Ар-гó» снóва дв́инулся в путь.

МЕДВЕЖЬЯ ГОРА

Аргонáвты пл́ыли прýмо на востóк и дóлгое врѣмя ничегó не в́идели вокрúг, крóме мóря и нѣба. Потóм вперед́и показáлся бѣрег. Мѣжду двумя́ грядáми невысо́ких прибре́жных холмо́в засинѣла úзкая полосá прол́ива. Вóлны с шúмом тесн́лись в прол́иве, и бѣлая пѣна б́илась у берего́в.

Аргонáвты прибли́жались к томú мѣсту, где утонúла Гѣлла, упáв с золотóго барáна.

— Геллеспóнт! — сказа́л кóрмчий Т́ифис.

Быстрохóдному, лѣгкому «Ар-гó» не страшн́ы б́ыли ни водоворóты, ни б́ыстрое течѣние, и аргонáвты дóлго пл́ыли по úзкому, дл́нному прол́иву, с любопы́тством разѓлядывая бл́зкий бѣрег. Миновáв прол́ив, он́и реш́или сдѣлать останóвку, прѣжде чем плыть чѣрез Пропонт́иду — второѣ мóре, котóрое лежáло на их пут́и. Он́и прибли́зились к бѣрегу.

Перед ними была низкая зелёная равнина, покрытая сочной травой. Море глубоко вдавалось в эту равнину и образовало тихий залив. Узкая дорожка, словно земляной мостик, шла вверх, на высокую тёмную крутую гору, похожую на большого взъерошенного медведя.

Тихо и мирно было всё на берегу. Стадо жирных овец бродило по пастбищу; у самого моря сушились на солнце рыбацьи сети.

Аргонавты направили свой корабль в залив, нашли удобное место и причалили. Люди, жившие на берегу, встретили их приветливо. Это были долионы, простодушное и мирное племя.

Долионы рассказали аргонавтам, что ведут свой род от бога морей Посейдона, что Посейдон — их покровитель и защитник от всех врагов. Они показали на высокую гору, нависшую над заливом, и сказали, что это Медвежья гора. На ней живут шестирюкие великаны; они могучи и свирепы, но боятся Посейдона и потому не трогают долионов.

Скоро явился на берег и царь долионов. Он был очень молод, почти мальчик, безусый и нежный. Его звали Кизик, как и землю, на которой он царствовал. Кизик почтительно приветствовал героев и пригласил их на пир. Пир был очень прост — зажарили самых жирных баранов из царского стада и принесли плодов и вина. Юный царь был весел, повёл гостей на Медвежью гору — посмотреть на море, рассказал им, как лучше плыть, показал им свой луга и сады и подарил десяток лучших овец на дороге.

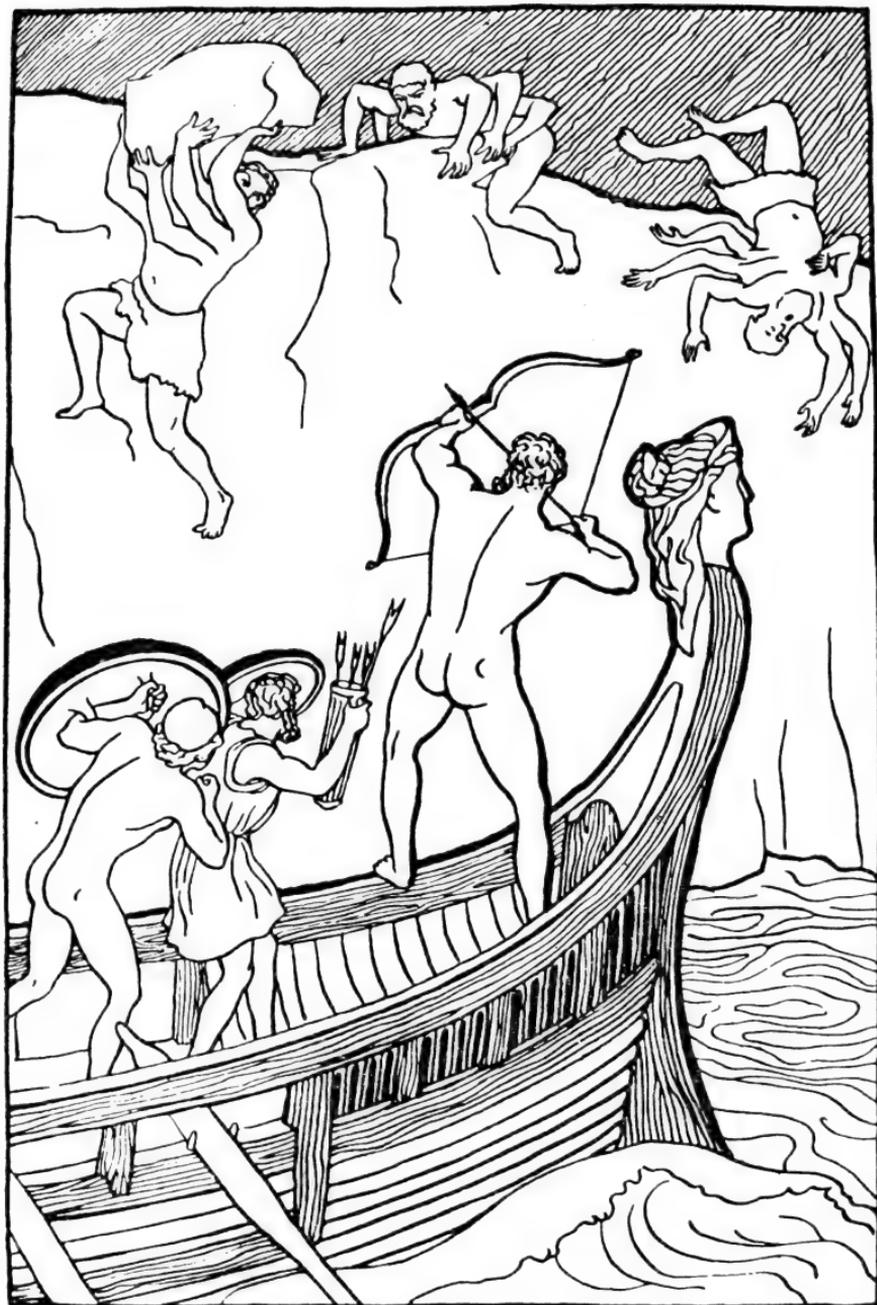
Переночевав у гостеприимных долионов, аргонавты на следующее утро собрались в путь, простились с Кизигом и взошли на корабль.

Вдруг огромные камни словно сорвались с

Медвѣжьей горы, полетѣли в воду около «Аргó»; слышался дѣкий рѣв, и путешественники увидели великанов. Онѣ были вышиной с молодую сосну, и у каждаго, как сучья у дерева, торчали шесть длинных рук: две, как у людей, — от плеч, две у пояса и ещё две по бокам. Великаны с шумом выворачивали камни из горы, отрывали целые скалы и бросали в залив, чтоб загородить выход кораблю в открытое море. Каменные глыбы обрушивались в воду, грозя раздавить «Аргó». Долионы в страхе разбежались, попрятались, и сами аргонавты смутились. Тогда Герáкл схватил свой лук и, став на носу, начал поражать великанов стрѣлами. Один за другим, как подрубленные под корень деревья, падали великаны с горы в море. Прикрывшись щитами от камней и осколков, аргонавты сошли на землю и вступили в бой с шестирукими. Великаны были перебиты, и, оставив их поживой для рыб и птиц, аргонавты отплыли от Кизика.

Весь день «Аргó» быстро плыл, удаляясь от Медвѣжьей горы. Когда наступил вечер и корабль был уже далеко от берега, в открытом море вдруг поднялся сильный ветер. Обрадовавшись ветру, аргонавты поставили паруса и легли спать, не замѣтив, что ветер был обратный. Ночью буря пригнала их назад к Кизику, но в темноте онѣ не узнали мѣста и подумали, что это кака́я-то новая страна на их пути. Онѣ пристали к берегу и сошли на землю, грозно бряцая оружием.

Долионы в ночной тьме тоже не узнали аргонавтов. Услышав плеск весел и звон мечей, онѣ подумали, что это морские разбойники, воспользовавшись бурной, темной ночью, напали на Кизик. Мечами и копьями встретили теперь

Герáкл схватíл лук и, став на носу, нáчал поражáть великáнов стрéлами.

долионы своих вчерашних гостей. До рассвета шёл на берегу жестокий бой. Аргонавты были опытнее в бою и сильнее, и множество долионов было убито. Сам юный царь был насмерть поражен метким копьем Язона.

Когда же рассвело и стало ясно видно всё вокруг, противники с ужасом увидели, что в темноте ночи они сражались с друзьями.

Три дня и три ночи оплакивали аргонавты и долионы свою ужасную ошибку и гибель юноши царя. Его похоронили на берегу моря и на могиле насыпали высокий холм. И долго стоял этот высокий холм, и моряки с кораблей, входящих в гавань, сразу узнавали то место.

ССОРА НА КОРАБЛЕ

Смутно стало на сердце у аргонавтов после злой шутки, которую сыграл с ними ветер. В молчании выполнял каждый свою дневную работу; не слышно было на корабле ни смеха, ни шуток, ни рассказов бывалых моряков. И Орфей не пел больше песен.

И море было беспокойно. Порывистый ветер всё время менялся, сердито дул и гнал корабль то в одну, то в другую сторону. Трудно было кормчему вести корабль, и большие волны мешали гребцам. Медленно двигался вперёд «Аргон».

Вдруг сломалось весло у Геракла и мгновенно было унесено течением, только палка осталась в руках у героя. С досадой швырнул он обломок в сердитые волны и покинул своё место среди гребцов.

Язон сказал кормчему:

— Правь к бѣрегу! Мы устали борѳться с волнами, нужен ѳдых. И Герáклу нужно новое весло. Он найдѳт его в лесу на бѣрегу. Приста-нем к землѳ!

Кѳрмчий послушно направил корáбль к землѳ, и скѳро онѳ пристáли к пустынному бѣрегу, порѳсшему густым лесом.

Герáкл набрѳсил на плѳчи львиную шкуру, которую он носил вмѳсто плаща, взял свой меч, лук и колчан со стрѳлами и отправился в лес добывать новое весло. Усталые гребцы с удовольствием оставили вѳсла, растянулись на травѳ и отдыхали в ожидании ужина, а юного Гѳласа, воспитанника Герáкла, которого он ѳчень любил, послали поискать в лесу ручѳй и принести воды.

Вѳсело подсвѳстывая птицам, Гѳлас шѳл по лесу и прислушивался. Вот в сторонѳ, за кустами, ѳле слышен лѳный лепет рѳчных струй. Мáльчик раздвинул кусты, и пѳред ним блеснула тихая лесная заводь. Бѳло так тихо и такой ласковой казалась рѳка в зелёных бѳрегах, что Гѳлас без всякой ѳпаски подошѳл к водѳ и дѳлго любовался, как чудѳсно отражались в рѳкѳ кусты и деревья, и синее нѳбо, и облака, плывшие над лесом, и он сам с большим кувшином в руках. Вдруг он увидел в прозрачной водѳ красавицу нимфу с зелёными волосами; она манила его и звала к себѳ на дно, где был такой чѳстый песок и мелькали разноцѳтные рыбки.

Мáльчик испугался, поскорѳе хотѳл зачерпнуть воды кувшином, нагнулся, и в тот же миг две тонкие руки высунулись из воды, ѳбняли его крѳко за шею и потянули за собой. Выронив кувшин, с жалобным криком погрузился Гѳлас в воду.

Аргона́вты услы́шали его́ крик. Полифе́м, друг Ге́ракла, в́ыхватив меч, б́росился в ча́щу — он ду́мал, что лесно́й зверь напа́л на ма́льчика, и поспеши́л на по́мощь. Но никого́ не нашёл он у реки́, то́лько разби́тый кувши́н лежа́л в воде́ у бе́рега.

Ме́жду тем Ге́ракл, углуби́вшись в лес, нашёл молодю́ю сосну́, кото́рая показáлась ему́ го́дной для но́вого весла́. С си́лой обхвати́в обе́ими рука́ми ствол, он в́ыврвал де́рево с ко́рнем. Дово́льный, он взвали́л сосну́ себе́ на спину́ и понёс на бе́рег мо́ря, что́бы там обтеса́ть её в фо́рме весла́. Услы́шав, что пропа́л Ги́лас, Ге́ракл сброси́л сосну́ на зе́млю и отпра́вился на по́иски своего́ люби́мца. Но напрáсно Ге́ракл, наклоня́ясь к земле́, иска́л следы́ на траве́ и ку́стах — след

Гíласовых сандáлий вíден был тóлько на пескé у сáмой воды́.

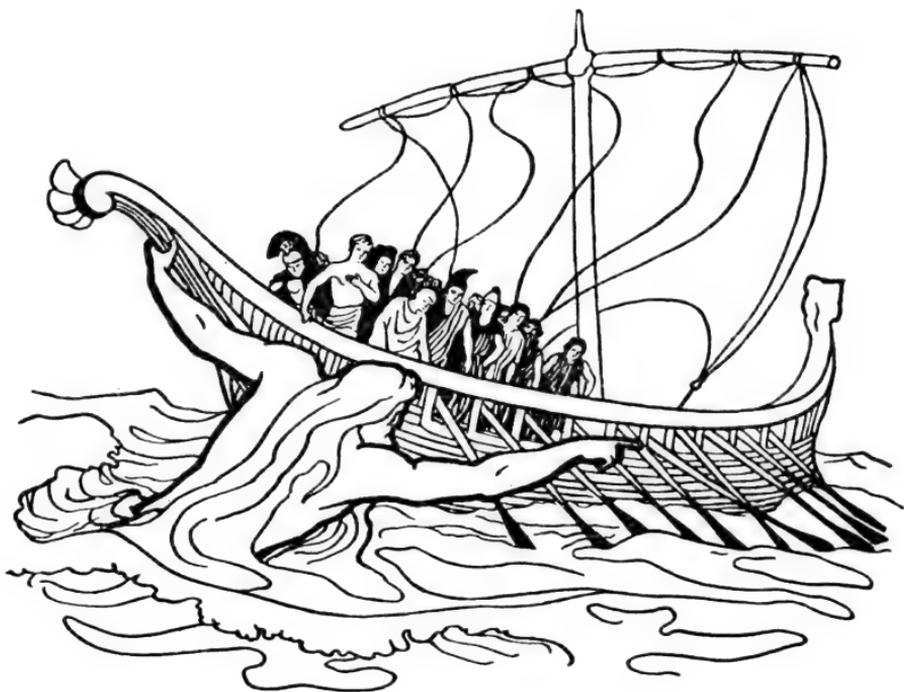
Нет, не зверь лесно́й утащи́л Гíласа в свою́ норú, не хищная пти́ца унесла́ его́. Гро́мко крича́ли Гера́кл и Полифе́м, оборо́чиваясь на все четы́ре стороны́, зва́ли: «Гíлас! Гíлас!» И слы́шали в отве́т сла́бый о́тзвук — не то вздох, не то стон, бу́дто откúда-то изда́лекá отзы́вался им го́лос Гíласа. О́ни не мо́гли поня́ть, откúда шёл э́тот го́лос, и броса́лись в разны́е сто́роны. А го́лос шёл из воды́, и е́сли б о́ни загляну́ли в реку́, им бы́ло бы вíдно, как пла́кал и рва́лся к ним со дна бе́дный Гíлас и как нímфы стара́лись утёшить его́ поцелу́ями.

Но друзы́я не зна́ли, что пропáвший ма́льчик был так б́лизко от них, и отпра́вились на по́иски в лесну́ю ча́щу. Всю ночь о́ни блужда́ли по́ лесу и зашли́ так дале́ко от бе́рега мо́ря, что уже́ не мо́гли слы́шать, что де́лалось на кора́бле.

Аргона́вты хорошо́ отдохну́ли в э́ту ночь. Под у́тро, едва́ то́лько возошла́ у́тренняя звезда́, про́снулся ко́рмчий Тифис и уви́дел, что ду́ет попу́тный ве́тер. Тифис разбуды́л това́рищей и стал торопы́ть с отъез́дом. Бы́стро собра́лись аргона́вты. Ве́тер надúл бе́лый па́рус, и кора́бль понё́сся да́льше по волна́м.

Вошло́ со́лнце, освети́ло кора́бль, и аргона́вты уви́дели, что места́ Гера́кла и Полифе́ма пусты́. И не́ было ма́льчика Гíласа. Э́то была́ пе́рвая поте́ря в пу́ти, и волне́ние охвати́ло аргона́втов.

Как быть? Верну́ться? Но ве́тер попу́тный... И о́ни уже́ зна́ют, как опа́сно возвра́щаться на ста́рое ме́сто. Плыть да́льше, бро́сить това́рищей, оста́вить одних на чужо́й сторо́не... «Нет!.. Нет!.. Пусть ска́жет Язо́н, что де́лать. Язо́н в́ыбран

ста́ршим, Язón — нача́льник, пусть распоря́жается Язón!» — так говори́ли аргона́вты и окру́жили Язónа, тре́буя его́ решéния.

Но Язón молча́л, сло́вно не слы́шал, что ему́ говори́ли. Опустив го́лову, хму́рый сидéл он о́коло ко́рмчего и думал. Тогда́ Теламóн, бо́льше други́х любивший Гера́кла, закрича́л в си́льном гнэве:

— Чего́ нам ждать от Язónа! Посмотрите, он споко́ен. Оди́н он споко́ен. Я зна́ю: он всегда́ завидовал Гера́клу, тепе́рь он радуется — никто́ бо́льше не помешает его́ сла́ве. Мо́жет быть, он подстро́ил всё э́то нарóчно. Он знал, что Гера́кла нет с на́ми, когда́ отплыва́л кора́бль... И Ти́фис — помо́щник Язónа в э́том злом дэле... Нет, я не хочу́ плыть да́льше с ва́ми! Наза́д, наза́д!

Слы́шишь, ко́рмчий! Поворáчивай назáд, правь к бéрегу!

Сверка́я гла́зами, брóсился Теламóн к Тифису и си́лой хотéл вы́рвать у него́ руль, чтóбы поверну́ть корáбль. Дул си́льный вéтер, и поворот был опáсен. Два сы́на Борéя, крылатые геро́и, схватили Теламóна за́ руки, старáлись удержа́ть его́ и грóмко брани́ли. Вдруг нахлы́нула грома́дная волна́, уда́рила в борт, могúчая рука́ ухвати́ла за корму́ и остано́вила корáбль. Весь обви́тый вóдорослями, лохма́тый, стрóгий, яви́лся пе́ред аргона́втами бог мо́ря и грóзно сказа́л:

— Перестáньте ссо́риться! Пóмните, куда́ и зачéм вы пливёте. Не возвращáйтесь, спешите вперёд! Не по злóму желáнию Язóна, а по му́дрой во́ле Зéвса оста́лись на беге́гу ва́ши това́рищи. Други́е дела́, ины́е по́двиги ожида́ют Гера́кла. А вы пливите́ с Язóном да́льше.

Сказа́л — и скры́лся в морско́й глубинé. Мгновéнно ути́х, как вéтер, гнев Теламóна, и ему́ ста́ло сты́дно, что он оби́дел своего́ ста́ршего това́рища. Смущённый, подошё́л он к Язóну и ти́хо сказа́л:

— Прости́ мне дёрзкие и гру́бые слова́! Они́ ро́ждены́ бы́ли печáлью и гнёвом.

Язóн прости́л Теламóна и помири́лся с ним. Сно́ва был мир на корабле́, аргона́вты дру́жно гребли́, и «Аргó» плыл по́ морю́ всё да́льше, всё да́льше.

В ЦАРСТВЕ БЕБРИКОВ

Поспéшно уплывáя с послéдней стоя́нки, аргона́вты забы́ли попо́лнить запáсы прёсной водо́й, и ско́ро опя́ть пришлóсь им заворáчивать к беге́гу.

Приближаясь к землѣ, онѣ увидели грубые, бѣдные жилища из камнѣй и необтѣсанных брёвен и людѣй в звериных шкурах дѣкого и воинственного вида. Замѣтив корабль аргонавтов, дѣкие люди с криками бросились к мѣсту причала и столпились, как стадо, с любопытством ожидая высадки и не проявляя никаких признаков гостеприимства. Из толпы вышел человек огромного роста, в чѣрном плащѣ, с тяжѣлой дубинкой в руках.

Язон понялъ, что перед ним вождь этих дѣких людѣй, и, ступив на землю, обратился к нему.

— Привѣт тебѣ! — сказал Язон. — Будь добр, скажи нам, чья это земля и что за народъ здесь живѣт. Мы — аргонавты, вольные мореплаватели. Плывѣм из греческого города Иолка в далѣкую Колхиду, чтобы добыть золотое руно, которое приносит людям изобиліе и довольство. Не бойтесь нас, мы не причиним вам никакого зла. Мы только наполним наши сосуды свѣжей водою и поплывѣм далѣше. Великій Зевс повелѣает всем людям быть гостеприимными и не отказывать в приюте путешественникам...

— Не знаю никакого Зевса! — грубо оборвал Язона человек в чѣрном плащѣ. — Я — Амик, у меня свой закон. Раз судьба занесла вас ко мне, в царство бѣбриков, узнайте, как я принимаю гостей. Глядите! — И он показал дубинкой: у входа в селѣние на длинных шестах торчали высохшие человеческие головы. — Мѣста хватит и для вас, морскіе бродяги! — засмеялся дикарь.

Бѣбрики тоже улыбались, довольные шуткой своего царя.

Амик продолжал:

— Всех чужеземцев, кто ступает на мою

зёмлю, я угощаю по-своёму. Вот! — И он горделиво по́днял свой кула́к величиной с го́лову Язона.— Эй вы, мореплаватели, кто из вас са́мый си́льный, пусть выхо́дит со мной дра́ться на кула́чках! Кто меня́ победит — бу́дет здесь хозяином, когó я побью́ — с тогó го́лову сниму́ на па́мять... Ну? Принима́ете моё угоще́ние?

Еле сде́рживая гнев, слу́шали аргона́вты хвастли́вую речь ца́ря бе́бриков. Не говоря́ ни сло́ва, Язон стал снима́ть с себя́ ору́жие. Но его́ опереди́л Полиде́вк.

— Меня́ называ́ли когда́-то лу́чшим кула́чным бойцо́м в Элла́де,— сказа́л он това́рищам,— позво́льте мне усмири́ть э́того бе́брика.— И, обратившись к Амику, поклонился́ учти́во: — Благодарю́ за ла́сковый прие́м! Не бу́дем теря́ть вре́мени. Я гото́в!

Велика́н посмотре́л на Полиде́вка с усме́шкой: ю́ный геро́й едва́ достава́л ему́ до плеча́.

Но Полиде́вк споко́йно снял с себя́ щит, меч и шлем и о́тдал в ру́ки бра́ту Кастору́, что́бы он поберёг их во вре́мя бо́я.

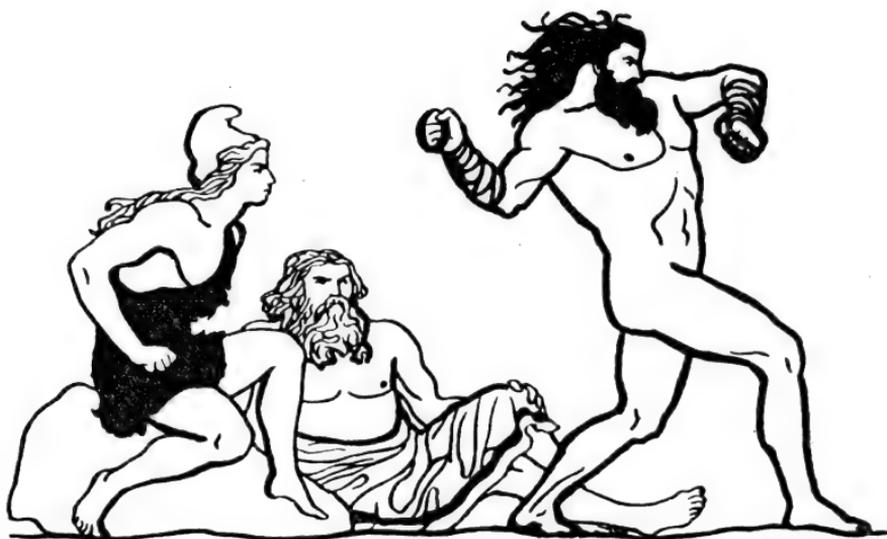
Амик, сердито́ ворча́, кину́л прочь́ свою́ дуби́нку с тако́й си́лой, что пы́ль подняла́сь столбо́м. Проти́вники сброси́ли на траву́ свой плащи́ и обмота́ли ремня́ми себе́ ру́ки до ло́ктя.

Бе́брики жа́дной толпо́й окружи́ли их. Аргона́вты го́рдо стоя́ли стро́йными рядами́ поода́ль.

— Ну, ма́лыш, сейча́с тебе́ бу́дет ко́нec! — надме́нно сказа́л Амик, размахну́лся и обру́шил свой тяжё́лый кула́к пра́мо на го́лову Полиде́вка.

Но Полиде́вк уверну́лся во́время и уда́рил лёгонько́ проти́вника в живóт.

— О-хо-хо́! — загрохота́л Амик.— Ты уве́ртли́в, кро́шка, но не дра́зни меня́ — я не люблю́

щекóтки.— И, нагнувшись, с силой выбросил вперёд кулак, чтобы ударить юноше в середину груди, под сердце.

Полидэвк прыгнул в сторону и с размаху ударил великана в висок так, что в голове у того зазвенело и красные круги поплыли перед глазами. Бэбрик рассвирепел и, не помня себя, стал наносить удары налево, направо, куда попало, расходуя напрасно силы, потому что юноша аргонавт всякий раз успевал уклониться, отскочить назад и только старался измотать своего противника, а сам ждал удобного момента, чтобы нанести решительный удар. Как разъярённый бык, метался Амик из стороны в сторону, тяжело дыша, и пот крупными каплями катился с багрового лица и падал на землю, как дождь.

А юный грек, лёгкий и гибкий, ловко кружил около тяжеловесного бэбрика и вдруг, стремительно напав на него, ударил в висок — раз

и друго́й — с тако́й си́лой, что рассёк ему́ че́реп.

Амик зашатáлся, упáл на колéни; кровь хлы́нула у него́ изо рта́.

Подня́в щиты́, гро́мко привéтствовали побе́дителя аргона́вты.

Бéбрики же, уви́дев, что царь их уби́т, брóсились на Полидévка с дубíнами. На вýручку брáту поспешíли с мечом Кастóр и грома́дный Анке́й со своéй тяжёлой секíрой. Пришлóсь аргона́втам принять́ неожиданнóй бой. Мечи́ скрестíлись с дубíнами. Битва́ была́ недóлгой. Бéбрики в стра́хе бежа́ли; аргона́вты преслédовали их и учíли гостепри́мству.

— Мы пришл́и к вам с мíром, мы не хотéли вам зла,— говорíл Язón.— Нам ничегó не нýжно бы́ло от вас, крóме дóброго слóва и свéжей воды́ на доро́гу. Запóмните же тепе́рь на́шу запове́дь: уважа́йте гостéй и чужестра́нцев. По на́шим следáм приплыву́т другíе — встреча́йте их как

друзья, помогайте тем, кто отважно плывёт вперёд по неведомым морям, прокладывая путь для всех!

Язон приказал снять с шестов мёртвые головы чужеземцев, убитых Амиком, и похоронить их.

Перепуганные бэбрики принесли аргонавтам богатые дары и устроили пир. Герои перевязали свои раны и, позабыв недавнюю распря, весело пировали на берегу перед селением бэбриков.

Победно звенела золотая кифара, пел Орфей, и люди в звериных шкурах удивлённо слушали песни далёкой страны.

АРГОНАВТЫ В САЛМИДЕССЕ. ГОЛУБЬ ФИНЕЯ

Всё дальше на восток уплывал «Аргон». Много дней уже аргонавты были в пути. Они миновали второе море, и скоро должно было открыться перед ними третье — последнее на их пути, самое широкое, бурное и неведомое море. Даже опытный моряк Тифис ничего не знал о нём. Аргонавты долго искали прохода из Пропонтиды в это новое море и, перед тем как пуститься в последний переход, решили отдохнуть и остановились у фракийского города Салмидесса.

Необычная тишина встретила их на берегу. Гавань была пустынна и заброшена, городские улицы безлюдны, дома заперты наглухо.

Аргонавты прошли по безмолвному городу и приблизились к царскому дому. Страшное запустение царило здесь. Все растения погибли в царском саду. Куча отвратительных нечистот лежала перед домом; солнце жгло их, и нестерпимая вонь стояла в воздухе. На раскрытых во-

ротах сидели две громадные костлявые птицы и, спрятав головы под крылья, спали.

С изумлением смотрели на всё аргонавты и хотели уже поскорее пройти мимо, как вдруг услышали чей-то слабый зов. Онí откликнулись. Из дома вышел, шатаясь, старик и направился к ним, протянув вперёд дрожащие руки и осторожно ступая, как слепой. Он и в самом деле был слеп и так истощён и худ, что страшно было смотреть на него. Едва дойдя до пришельцев, он ослабел и упал перед ними на землю. Аргонавты подняли его, подвели к крыльцу, усадили и обступили, ожидая, что он скажет.

Отдышавшись, старик заговорил тихим и печальным голосом:

— Я узнал вас, герои Эллады! Сердце сказало мне, что вы — те, что отважились плыть за золотым руном через три моря в далёкую Колхиду. Аргонавты, товарищи и спутники Язона, это вы! Уже давно я жду вас. Мне предсказано, что вы придёте спасти меня. Слушайте! Когда-то я был царём в Салмидессе. Моё имя Финей...

Услышав это имя, с криком бросились к старику Бореады, два крылатых брата, сыновья бога ветров, и остановились, боясь верить своим глазам: это был муж их любимой сестры, фракийский царь Финей.

— Да, я не чужой вам, — сказал старик, — я был женат на прекрасной дочери Борейя. Два милых сына были у меня, я был богат и счастлив. У меня был дар угадывать будущее, многие тайны жизни были мне открыты, но я не имел права разглашать их. А я был добр и мягок сердцем и стал предсказывать людям их судьбу. Боги разгневались на меня — я ослеп. Семья моя распалась, сыновья покинули меня. Люди оставили

меня одного, потому что боги послали сюда чудовищ, которые стерегут меня и не дадут никому помочь мне. Голод мучит меня, я умираю от истощения... Спасите меня, Бореады!

Охваченные жалостью, аргонавты быстро собрали то, что было у них с собой — хлеб, кусок сыра и немного плодов, — и положили старика на колени.

— Возьми и ешь, — сказал Язон. — Подкрепись немного, и пойдём с нами на «Аргон», там мы накормим тебя досыта.

Вдруг раздался хриплый и протяжный крик и хлопанье крыльев: птицы на воротах проснулись и подняли головы. Аргонавты увидели: у них были женские головы на длинных голых шеях, безобразные, костлявые, старые и страшные лица. Высокомерно и жадно они глядели на Финея и нетерпеливо перебирали лапами с длинными крючковатыми пальцами.

Вдруг они взвились и с криком стали кружить над домом.

Старик испугался и выронил из рук еду.

— Это Гарпии. Сейчас они прилетят, — пробормотал он. — Вот они!

Как гнев богов, неумолимые, слетели Гарпии на несчастного Финея, когтями раздирая ему руки и одежду. Они вырвали у него хлеб и плоды, мгновенно сожрали всё и улетели, обрызгав бедного старика вонючей грязью.

Обнажив мечи, взлетели за ними крылатые сыновья Борей. Гарпии с криком умчались на запад, за море. Бореады погнались за ними и скоро скрылись в морском тумане. Тогда с неба через всё море протянулась семицветная дуга, на землю сошла вестница богов богиня Ирида и сказала Финею, что срок его наказания прошёл,

Как гнев богов, неумолимые, слетели Гáрпии
на несчастного Финея.

боги простіли его и злые Гáрпи и никогда бóльше не прилетят к его́ до́му.

Увѣдев, что Гáрпи улетѣли далеко́ за море, салмидѣские жители ста́ли выходить из домо́в. Поспѣшно вычистили онѣ двор и дом, обмыли само́го Финѣя и надели на него́ чѣстую оде́жду. На бы́стрых кры́льях своих верну́лись наза́д Бореа́ды и ра́достно обняли Финѣя. Аргона́вты принесли́ с корабля́ жи́рную овцу́, подаренную им бѣбриками, пригото́вили сы́тный обе́д, накорми́ли Финѣя, е́ли са́ми и угоща́ли всех, кто был го́лоден в Салмидѣссе. А когда́ насы́тились, се́ли все у огня́, пи́ли вино́, говори́ли о том, как им да́льше плыть, о неизвѣстном море́ и спра́шивали Финѣя, что их жде́т впередѣ. Благода́рный Финѣй так отве́чал своимъ изба́вителям:

— Я не могу́ сказа́ть, что с ва́ми бу́дет, — бо́ги о́пять разгне́ваются на меня́. Но я могу́ вам да́ть сове́т. Когда́ вы поки́нете салмидѣскую га́вань и пойдѣте в проли́в, соединя́ющий Пропонти́ду с друго́м море́м, вы уви́дите в конце́ пролива́ две скалы́. Это Симплега́ды. Онѣ не сто́ят на ме́сте — постоянно́ то сдвига́ются, ударя́ясь одна́ о друго́ю, то расхо́дятся. Ни́кто из сме́ртных е́ще не проходи́л ме́жду Симплега́дами, ни оди́н корабль не проплыва́л ме́жду ни́ми. Но вам нельзѣ минова́ть их: онѣ сто́ят на ва́шем пу́ти. Сде́лайте же так. Возьми́те с собо́й го́лубя и, когда́ прибли́житесь к Симплега́дам, выпустите́ впередѣ пти́цу. Если она́ успе́ет пролетѣть ме́жду ска́лами, сме́ло направля́йте корабль, бы́стрее гребѣте и спешите́ проплы́ть — всё зави́сит от си́лы и бы́строты ва́ших рук. Если же ска́лы разда́вят го́лубя, немѣдя возвра́щайтесь наза́д — зна́чит, нет вам доро́ги да́льше.

Услы́шав э́то, салмидѣские ма́льчики по-

бежали, поймали молодого голубя и принесли слепому царю.

Финей ощупал, крепки ли крылья у птицы, и отдал голубя Язону.

Наутро аргонавты простылись с Финеем, взошли на корабль и поплыли туда, где ждала их гибель или удача.

МЕЖДУ ДВИЖУЩИМИСЯ СКАЛАМИ

Аргонавты медленно плыли по узкому проливу, усеянному подводными камнями, смотрели вперед и молчали, потому что в час опасности сильный не хочет обнаружить перед другими свою тревогу и в себе самом ищет опоры.

Пролив расширялся к концу; уже видны были огромные синие скалы, запиравшие выход в море, и слышно было, как бились о них волны.

— Симплегáды! — сказал торжественно Тифис.

И все увидели, как скалы вдруг раздвинулись, разошлись, оставляя проход, словно приглашая «Аргó» пройти между ними. Волны с шумом устремились в проход, увлекая вперед корабль. Но сейчас же скалы снова сошлись, с грохотом ударившись друг о друга. Море зашипело вокруг, и белая пена вскипела на гребнях волн.

Волны несли «Аргó» прямо на скалы. На носу корабля стоял Язон и держал в руках голубя. Как только скалы разошлись опять, Язон выпустил птицу в проход; она полетела между скалами, которые уже быстро сдвигались снова, грозя раздавить маленький белый комочек. Вот уже с грохотом сшиблись громады, море отбросило прочь корабль. Он закружился, как щепка. Сно-

ва раздвинулись скалы, и аргонавты увидели с радостью, что белый голубь миновал благополучно Симплегады. Громко закричали они.

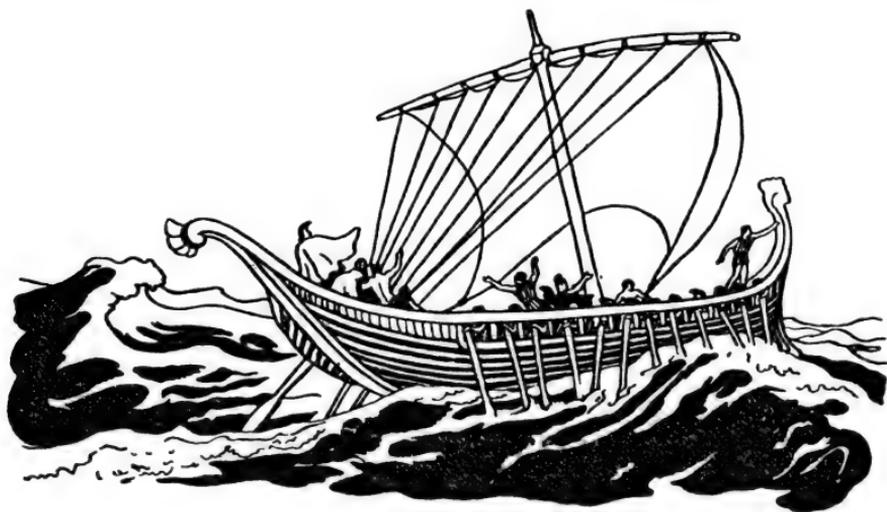
Тифис приказал со всей силой налечь на вёсла и быстро грести.

Море вдруг встало горой под кораблём и бросило его в поток между скалами. Навстречу «Аргó» шла другая волна, ещё выше, и вёсла аргонавтов согнулись в дугу.

Тогда Тифис приказал: «Перестаньте грести!» — и вёсла, взлетев вверх, остановились. Грозный вал покотился под киль корабля и стал бросать и кружить «Аргó», а скалы уже сдвигались.

— О царица Олимпа, спаси нас! — взмолились аргонавты.

И вот над бушующим морем появилась сама богиня Гера. Лево́й руко́й она остано́вила скалу, гото́вую раздавить корабль, а право́й си́льно

толкнула вперёд «Аргó», и он стрелóй пролетёл между скалами.

Слóвно досадуя, остановились грóзные скалы и ужé не сдвинулись бóльше. Так и остáлись они стоять у входа в мóре, и с тех пор кораблi свободнó проплывáют между ними.

КОНЕЦ ПУТИ

Очутившись на морском простóре, аргонáвты шúмно радовались избавлениóу от гíбели.

— Тепéрь нам ничтó не страшно! — сказáл вéсело кóрмчий. — Мы миновáли Симплегáды, а это дóбрый знак: минóем и все преграды, котóрые ещё нас ждут впередi.

Но Язóн казался смущённым и печáльным.

— Это моя винá, — говорiл он, — я завлék вас в чужóе, страшное мóре, я застáвил вас нести тяжёлый труд, из-за меня подвергáетесь вы

опáсностям и бѣдам... Зачѣм я позвáл вас с собóю в это странствие, пóльное тревóг? Сидѣли бы вы спокóйно дóма...

Но это была лишь хитрость: он хотѣл проверить, не ослабѣли ли дúхом аргонáвты пóсле сурóвого испытáния у двíжущихся скал.

Герóи отвѣтили смѣхом на хитрые рѣчи Язóна.

— Так плывѣм же дáльше! — воскликнул он, развеселясь. — В Колхíду, в Колхíду! Добúдем золотóе руно!

И «Аргó» поплýл дáльше.

Отойдý от Симплегáд, аргонáвты свернóули направо и поплýли вдоль берегóв, обходя скалистые мысы и осторóжно минуя обшíрные óтмели, котóрых много тепѣрь встречáлось на их путí. Онí проплывáли мíмо земель, населённых рáзными нарóдами, не извѣстными им рáньше, вíдели воинственных жѣнщин-амазóнок, скакáвших на дíких конях, вíдели высóкие бáшни, построённые на горáх, зарóсших лѣсом, миновáли страну халíбов, добывáвших из земли желѣзо.

Однажды днём «Аргó» приблизился к неизвѣстному óстрову. Большая красная птíца сидѣла на берегу и, завíдев «Аргó», полетѣла к нему навстрѣчу.

Путешественники с удивлѣнием глядѣли на неё. Вдруг она уронíла перó. Оно упáло на корáбль и впилóсь в плечó одного из гребцóв. Полилась кровь, и от бóли гребѣц выронил из рук весло. Вынули перó из рáны и увидели, что это была óстрая мѣдная стрелá.

Прилетѣла вторáя птíца. Одíн из аргонáвтов схватíл свой лук и убíл её. Она упáла в мóре, звеня и сверкáя на сóлнце.

Тогда одíн из старших аргонáвтов сказáл: — Это Стимфалíды — мѣдные птíцы бóга

войны. Их перья ранят, как стрелы. Наденем шлемы, поднимем щиты, чтобы они не могли причинить нам вреда.

Аргонавты надели шлемы, прикрылись щитами и, подплывая к берегу, громко кричали и ударяли мечами в щиты. Стимфалиды поднялись над островом, осыпая «Аргó» своими медными перьями. Перья ударялись о щиты, и в воздухе стоял такой шум и звон, что перепуганные птицы поднялись высоко-высоко и умчались прочь.

Аргонавты пристали к берегу и нашли здесь четырёх юношей, оборванных и голодных. Это были сыновья Фрикса. После смерти их отца царь Ээт изгнал их из Колхиды и отправил на корабле в Грецию. Но буря разбила корабль, и море выбросило их на этот пустынный остров, где их ожидала голодная смерть.

Аргонавты обрадовались встрече.

— Вы из Колхиды плыли в Грецию, а мы из Греции плывём в Колхиду за золотым руном, которое ваш отец оставил у Ээта, — сказал юношам Язón и предложил им: — Вернитесь вместе с нами в Колхиду, помогите нам добыть золотое руно, и мы отвезём вас потом в Орхомэн, на родину Фрикса.

Но юноши испуганно качали головами. Старший сказал:

— Вы задумали трудное дело. Царь Колхиды жесток и зол и не отдаст вам золотого руна. Но, если бы даже он согласился вернуть вам его, вы не сможете одолеть дракона, который стережёт руно в роще Ареса. Этот дракон никогда не спит, днём и ночью открыты его глаза. Он издали видит всех, кто хочет подойти к священному дубу, на котором висит золотое руно. И горе тому, кто подойдёт слишком близко!

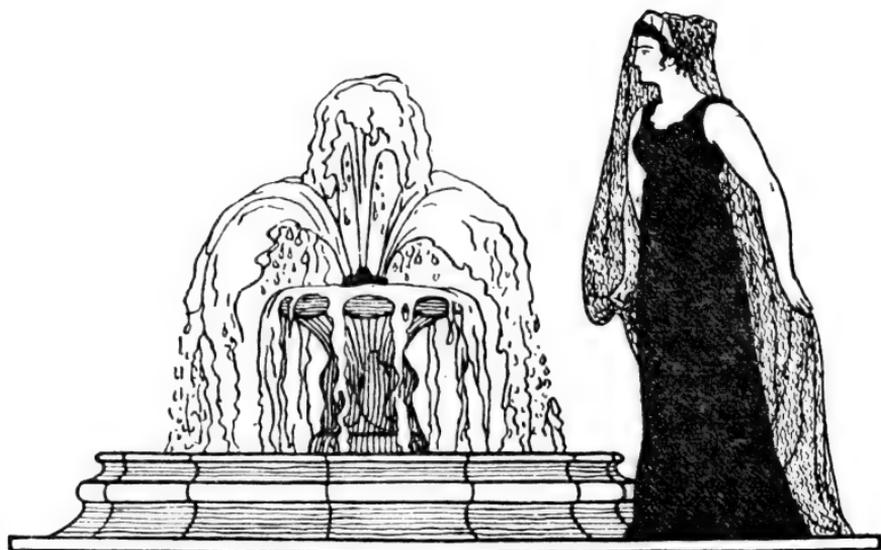
Аргона́вты смутілись при э́тих слова́х, но хра́брый Пелéй сказа́л:

— Не пуга́й нас, дитя́! Мы зна́ем, что тако́е опа́сность. Есть си́ла в на́ших рука́х, на́ши мечи́ о́стры и щиты́ надёжны. Мы во́ины, и нам помога́ют бо́ги Олі́мпа. Немно́го оста́лось нам плыть до Ко́лхиды, а там будь что бу́дет!

С рассвѣтом по́дняли па́рус, и сыновья́ Фри́кса, став на корме́, помога́ли ко́рмчему направлѣть кора́бль к берега́м Ко́лхиды. Плы́ли це́лый день — послѣдний день похода́ — и к но́чи до́стигли у́стья большо́й ре́ки. Это был Фа́зис, полново́дная ре́ка Ко́лхиды.

Аргона́вты сверну́ли паруса́, на вѣслах вошли́ в ре́ку и подня́лись вверх по течѣнию. С ле́вой стороны́ они́ уви́дели сне́жные верши́ны Кавка́за и на берегу́ го́род Э́та; справа́ лежа́ло пу́стое по́ле Аре́са и темне́ла ро́ща, где недрѣмлю́щий драко́н сторожи́л золотое́ рунó.

Все аргона́вты собра́лись на па́лубе, и Язо́н,

став у золочёной головы богини — покровительницы «Аргó», наполнил вином свою чашу и вылил в воду — в честь матери-Земли, к которой они приближались, в честь богов, помогающих путешественникам, и в память героев, погибших в пути. Потом направили корабль в тростники, которые росли у берегов, и, скрытые высокой травой, уснули у близкой цели.

ЯЗОН У ЦАРЯ КОЛХИДЫ

Утром рано проснулись аргонавты и стали совещаться, что предпринять.

Осторожный Язон решил: всем оставаться на корабле и ждать, а ему с сыновьями Фрикса и ещё с двумя аргонавтами идти во дворец Ээта — разведать, не согласится ли царь добровольно отдать руно.

И вот Язон отправился вместе с сыновьями

Фрѣкса, с Теламѣном и Авгиасом, к царю Колхиды Эту. По дорогѣ в город онѣ попали в большій сад, где на каждом деревѣ висѣл на цепѣ мертвецъ, завёрнутый в шкуру быка. Онѣ ужаснулись. Но это было просто колхидское кладбище — так хоронили колхи своихъ мужчин; женщинъ же зарывали в землю.

Когда аргонавты вошли в город, густой туман упал на землю, так что за три шага нельзя было различить встречного. Это покровительница Гера укрыла отъ глаз колхов пришельцев, чтоб онѣ без помехи дошли до жилища Эта. Здесь туманъ рассеялся, и онѣ увидели царскій дворецъ с высокими башнями, с широкими воротами, которые вели на большій четырёхугольный двор. По угламъ его были четыре фонтана. Из одного струей лилось молоко, из другого — вино, из третьего — душистое цветочное масло, из четвертого — ледяная, прозрачная вода. А посерединѣ был виноградник. Двор окружали четыре дворца. В самомъ большомъ и богатомъ жил Эт со своей женой, а в остальныхъ трёх — его сын Аписрт и дочери, Халкиопа и Медѣя.

Восхищённые этой красотой и богатством, Язонъ и его товарищи остановились у одного из дворцовъ и смотрѣли вокругъ, не говоря ни слова. В это время открылась высокая дверь, и во двор вышла дѣвушка в длинной чёрной одеждѣ. Это была Медѣя, младшая дочь Эта. Увидевъ незнакомцевъ у своей двери, она испугалась и закричала. На крикъ выбежала из дворца её сестра Халкиопа, жена убитого Фрѣкса. Сыновья Фрѣкса, сопровождавшие Язона, бросились к матери, и она обняла их со слезами. Онѣ рассказали Халкиопѣ, почему вернулись в Колхиду, и указали ей на своихъ спутников. Язонъ привѣтствовалъ Хал-

киопу и просил её помочь им. Медэя стояла в стороне, не принимая участия в разговоре, но её чёрные глаза неотступно смотрели в лицо Язону, и тайная нежность к этому чужбому человеку вдруг охватила её с непонятной силой.

Между тем царь, узнав о приезде внуков и с ними каких-то чужеземцев, прислал слугу звать всех к себе.

Со страхом вошли аргонавты в большой дворец, не зная, что их ждёт.

В обширном, богато украшенном зале, сидя за столом на золочёном стуле, покрытом звериной шкурой, царь Колхиды обедал. Он встретил пришедших мрачно, еле кивнул головой и сказал:

— Будьте гостями, раз пришли.— И, нахмурясь, обратился к старшему сыну Фрикса:— Что заставило вас вернуться?

Юноша рассказал о кораблекрушении и о том, как он и его братья были спасены аргонавтами, плывшими в Колхиду.

— Зачем? — был короткий вопрос.

Сын Фрикса смутился, указал на Язона, назвав его имя:

— Царь Иолка велел ему добыть золотое руно, оставленное у тебя моим отцом.

— Выдумки! — загремел Ээт.— Я вижу вас насквозь, дети эллинского беглого царевича! Вы нашли себе покровителя среди своих родичей и вернулись, чтобы отнять у меня царство! Вы провели сюда этих воинов и посадили за мой стол, как гостей, чтобы я не мог убить их! Прочь от меня, пока вы живы, пока я не приказал схватить вас всех до одного!

Вспыльчивый Теламон вскочил со своего места и закричал:

— Не смей оскорблять нас, варвар!¹

Но Язón остановил его сильной рукой и, выйдя из-за стола, сказал царю спокойно:

— Мы проплыли три моря, миновали много стран. Нас просили остаться жить на Лёмносе; мы победили бэбриков; мы уничтожили великанов с Медвёжьей горы. Если бы нам была нужна земля, зачем нам было плыть так далеко? Успокойся, нам не нужно твоё царство. Мы пришли сюда за золотым руном. Но мы не нищие и не разбойники. Мы умеем владеть оружием и готовы послужить тебе за руно. Если у тебя есть враги, пошли нас биться с ними. Клянусь, мы сумеем завоевать золотое руно!

Царь слушал Язónа задумчиво. Он думал: схватить ли Язónа силой сейчас или погубить его хитростью?

Потом сказал:

— Моих врагов я убиваю сам, мне не нужна помощь чужеземцев. Я вовсе не дорожусь золотым руном и мог бы подарить его тебе, но боюсь этим даром варвара обидеть смелых пришельцев. Я дам тебе возможность заработать руно. У меня есть два прекрасных и могучих быка — их подарил мне божественный мастер Гефест, и есть пустое поле, где ничего не растёт. Запряги моих быков, вспаши это поле, засеи его, и, когда появятся первые всходы, ты получишь то, что тебе следует.

Удивился Язón такому простому поручению и подумал, нет ли здесь какого коварства.

Эт усмехнулся:

— Вижу, ты считаешь эту работу простой и

¹ В а р в а р.— Варварами древние греки и римляне называли всяких чужеземцев.

низкой для себя. Напрáсно! Эта рабóта óчень труднá, не всякий годётся для неё. Я не знаю, герóй, хвátит ли у тебя сил спрáвиться с этим дéлом.

И он так посмотрéл на Язóна, что аргонáвт задрожáл и пóнял, что дéло не так прóсто, как ему́ показáлось сначáла.

— Отправляйся тепёрь на свой корáбль,— продолжáл Эт,— расскажи́ товáрищам, как мýлостив к вам царь Колхíды. Зávтра ўтром приходи́ на тот бéрег, на пóле Арéса. Быкí пасутся там у реки́. Я приеду́ и привезу́ тебе семенá.

Язóн простýлся с царём, и аргонáвты ушли́. Когда́ они́ проходíли пó двору, Язóна останóвила старúха — служáнка Медéи:

— Моя́ госпожá прóсит тебя́ прийти́ сейчáс в храм Гекáты. Она́ бóдет ждaть тебя́ там. Спешí, потому́ что жизнь твоя́ и всех твои́х товáрищей в опáсности.

Язóн велéл Теламóну и Авгиáсу вернóться на корáбль и ждaть его́ там, а сам, взяв проводникóм сына́ Фрiкса, пошёл в храм Гекáты.

ВОЛШЕБНИЦА МЕДЕЯ

Храм Гекáты, богíни привидéний и стрáхов, находíлся за гóродом, в рóще на холмé. Там стояла́ стáтуя, у котóрой бýло три лица́ — в знак того́, что богíне подвлáстны нéбо, земл́я и подзёмное цáрство.

В рóще бродíли собáки, посвящённые Гекáте, жáлобно блéяли в травé чёрные ягн́ята, приго́вленные для жéртвы.

Когда́ Язóн, остáвив своего́ юного́ спóтника,

вошёл в рощу Гекаты, Медэя пошла ему навстречу и сказала:

— Я дочь Ээта, Медэя. Я служу Гекате и знаю многое, чего не знают простые люди. Я могу оживить убитого и сделать старого молодым. Могу принести в дом несчастье, наслать страх и тоску на человека, отнять у него покой. Сам царь, мой отец, боится меня. Но тебе я не хочу зла. Слушай! Царь задал тебе страшную задачу. Быки, на которых ты должен вспахать поле, семена для посева и само поле — не простые. У быков этих медные ноги, огонь вылетает из пасти — это быки бога Солнца. Неукротимы они, и простому человеку не справиться с ними. Вместо семян царь даст тебе зубы дракона. Если посеять их на поле Ареса, вырастут воины без числа и убьют вас всех.

Так говорила Медэя и смотрела на Язона с жалостью.

Язон опустил голову:

— Ну что ж... отступать невозможно. Гибель ждёт меня. Но, по крайней мере, пусть люди не назовут меня трусом.

Медэя сказала:

— Я не хочу твоей гибели. Не знаю почему — мне жаль тебя, чужеземец! Мне хочется спасти тебя!

— Так помоги нам, если ты можешь! — воскликнул Язон. — Помогі добыть золотое руно, и я прославлю тебя по всей Элладѣ. За тремя морями, далеко отсюда, мы будем с благодарностью повторять твоё имя.

Тогда волшебница дала ему раковину с тёмной мазью и сказала:

— Недалеко отсюда, в горах, к скале над морем прикован титан Прометей. Он похитил у

богов́ искру божественного огня́ и подарил лю́дям. За это́ бо́ги жесто́ко покара́ли его́. Ка́ждый день прилета́ет орёл и клюёт ему́ пёчень. Кро́вь ка́плет из ра́ны на скалу́ и на песок у мо́ря. На песке́, по́литом Промете́евой кро́вью, выраста́ет ди́кий и стра́шный цвето́к. Из че́рного ко́рня это́го цвето́ка я добыла́ волшебный сок и пригото́вила э́ту мазь. Возьми́ её. В по́лночь оденься в че́рное, оди́н иди́ к реке́, искупа́йся в ти́хой воде́, а у́тром натри́ э́той ма́зью всё своё те́ло, и оно́ ста́нет си́льным и неуязви́мым, и о́гонь из па́сти быко́в не причини́т тебе́ вре́да. Смажь та́кже всё твоё ору́жие — меч, и копьё́, и щит. Э́та мазь да́ет си́лу на оди́н то́лько день. Но у тебя́ хва́тит вре́мени, что́бы вы́полнить всё, что тре́бует ца́рь. Когда́ из зубо́в драко́на, кото́рые ты посе́ешь в по́ле, вырастут воору́женные лю́ди, брось сра́зу в них ка́мень. О́ни не уви́дят, кто бро́сил, подума́ют друг на дру́га, кинутся в дра́ку ме́жду собо́ю — и ты смо́жешь оди́н переби́ть всех их. Те́перь иди́, желаю́ тебе́ уда́чи. Но, когда́ ты получи́шь золоти́е руно́, уе́дешь и бу́дешь сча́стливо жить на своёй ро́дине, не забыва́й меня́. Обеща́й, что ты меня́ не забу́дешь!

Она́ гляде́ла на Язо́на с любо́вью и показа́лась ему́ в э́ту мину́ту тако́й до́брой и прекра́сной, что он ста́л проси́ть её:

— По́едем со мной! Я возьму́ тебя́ на «Аргó», увезу́ от твоёго́ зло́го отца́, и ты бу́дешь моёй же́ной и ца́рицей в Ио́лке.

Меде́я молча́ла и кача́ла голово́й, хотя́ слова́ Язо́на ра́довали её.

До́лго стоя́ли о́ни вме́сте в ро́ще Гекáты и смотре́ли друг на дру́га.

Со́лнце ста́ло клони́ться к за́кату, и Язо́ну порá бы́ло возвра́щаться на кора́бль.

— Завтра, когда царь отдаст мне золотое руно, я попрошу его отпустить тебя со мною, — сказал Язон.

И они расстались.

НА ПОЛЕ АРЕСА

Рано утром царь Колхиды надел свои доспехи, подаренные ему богом войны Аресом, сел на колесницу и поехал на Аресово поле. Его сопровождали толпы колхов — всем хотелось посмотреть, как быки бога Солнца растерзают чужеземца.

А Язон, как научила его Медья, натер чудесной мазью свое тело и оружие и почувствовал в себе великую силу. Он был словно весь выкован из железа, и ни копье, ни меч не могли причинить ему вреда.

Аргонавты сели на корабль и поплыли к полю Ареса, где их уже ждал Ээт.

Язон взял у царя зубы дракона и один вышел на поле. На краю поля лежали ярмо и плуг. Тут же был вход в подземный хлев, где стояли быки. Внезапно, словно почувствовав приближение героя, они с ревом выскочили из стойла и помчались прямо на Язона. Он прикрывшись щитом и стоял спокойно, уверенный в своей чудесной силе. Быки ударили рогами в щит и отскочили прочь. Взревев, они выпустили снопы огня, хотели опалить героя, но пламя, долетев до него, раздвоилось и, обойдя его, сошлось за его головой. Невредимый в кольцо огня, он смело схватил рукой за рог одного быка, потом другого и надел на них ярмо. С помощью двух аргонавтов Язон запряг быков в плуг и погнался по полю.

Язón смéло схватíл рукóй за рог одногó быкá.

Аргона́вты ра́достно закрича́ли, уви́дев э́то. Шум подня́лся сре́ди ко́лхов. Сам ца́рь Э́т уди́вился необыкнове́нной си́ле гербя́.

Бы́стро мча́лись по́ полю быки́, взрыва́я плу́гом глубо́кие бо́розды, и Язо́н броса́л в расписа́нную зе́млю зу́бы драко́на.

Мно́го раз пробежа́ли быки́ из конца́ в ко́нec Аре́сова по́ле, и вот всё оно́ бы́ло вспа́хано и засе́яно. Око́нчив рабо́ту, Язо́н вы́пряг быко́в и ко́пьем загна́л их о́братно в сто́йло. Потом, ожида́я, пока́ из зубо́в драко́на выра́стут во́ины, он поше́л на бе́рег реки́, зачерпну́л шле́мом водо́й и напы́лся. И почув́ствовал, что си́лы в нём ничу́ть не убави́лось. Он смотре́л на по́ле и ждал.

Как пе́рвые ростки́, показáлись из земли́ концы́ о́стрых ко́пий, потом го́ловы в шле́мах, вот заблестели́ щиты́, зазвенели́, разбрасыва́я зе́млю, мечи́ — и вмиг всё по́ле запо́лнилось во́инами.

Язо́н по́мнил хитрый́ совет Меде́и. Он по́днял с земли́ о́громный ка́мень, кото́рый че́тверо си́льных люде́й едва́ могли́ бы сдвинуть с ме́ста, размахну́вшись, швырну́л его́ в сере́дину во́йска и уби́л срáзу не́скольких во́инов. Не поня́в, отку́да беда́, во́ины с я́ростью обнажи́ли мечи́ и ста́ли убива́ть друг дру́га. Тогда́ Язо́н сме́ло напáл на них, рубя́ и уничтожа́я всех, кто ему́ попада́лся. Ско́ро всё по́ле покрýлось тру́пами, и че́рная кровь запо́лнила до краёв бо́розды, оста́вленные плу́гом.

С у́жасом смотре́ли ко́лхи, как расправля́лся Язо́н с во́инами, вы́росшими из зубо́в драко́на. Ца́рь Э́т от гне́ва не мог вы́говорить ни сло́ва. В бе́шенстве уда́рил он по лоша́дям и умча́лся прочь с Аре́сова по́ля.

— Я кончил мою работу. Завтра царь должен отдать мне золотое руно, — сказал Язон.

Наступил вечер. Чудесная сила уже покидала Язона. Аргонавты окружили его и повели на корабль отдыхать.

ПОХИЩЕНИЕ ЗОЛОТОГО РУНА

Вернувшись с Аресова поля домой, жители Колхиды толковали о страшной силе чужеземцев, приплывших на корабле «Арго». В городе было беспокойно. Вечером во дворец Ээта пришли знатные колхи и, запершись с царём, стали совещаться, как погубить опасных гостей.

Медéia чувствовала, что царь знает, что она помогла Язону, и с ужасом ждала отцовского гнева. Она знала, как жесток и неумолим, как коварен сын Солнца, и мучилась страхом за себя и за героя, которого любила. В полночь она услышала за окном бряцанье оружия и речи собравшихся у дворца колхидских воинов и узнала, что царь приказал под утро окружить греческий корабль и сжечь его со всеми аргонавтами.

Тогда она решила бежать к Язону. Взяв с собой усыпляющее зелье, босая, она тихо прокралась из дворца и тайными тропинками, по которым ходила ночами собирать волшебные травы, направилась к реке. Выйдя на берег против того места, где стоял «Арго», она стала звать младшего сына своей сестры, ночевавшего у аргонавтов.

Язон узнал голос Медеи и откликнулся. Гребцы, бывшие в тот час на вёслах, стали грести, корабль быстро пересёк реку. Язон с сыновьями Фрикса бросились к Медее.

— Всѣ открылось! — сказа́ла она́.— Оте́ц не прості́т мне... Я должна́ бежа́ть с ва́ми... Спеші́те, гибель грозі́т вам! Идѣм, Язѡн, я добѣ́ду тебѣ́ золотѡе руно́, и скорѣе́ прочь отсю́да, и́ли мы все погібнем! Я спасу́ вас и себѣ́, но клянись, Язѡн, что ты не поки́нешь меня́ никогда́, не оста́вишь меня́ одну́ в чужѡй странѣ́!

Язѡн взял её́ за́ руку и сказа́л:

— Клянусь, е́сли мне суждено́ живы́м верну́ться на ро́дину, ты бу́дешь моѡ́й жено́й и я никогда́ не оста́влю тебѣ́!

Медѣ́я велѣ́ла то́тчас плыть к ро́ще Арѣ́са, где храни́лось руно́. В ночно́й темнотѣ́ течѣ́ние река́ бы́стро и бесшу́мно донесло́ корабль до за́ветного мѣ́ста. Медѣ́я и Язѡн одні́ сошли́ с корабля́ и напра́вились в лес. Ночь была́ чѣ́рная, и оні́ шли, держа́сь за́ руки, что́бы не потеряться в темнотѣ́. Вдруг пе́ред ни́ми загорѣ́лись два кра́сных огня́.

— Это драко́н,— шепну́ла Медѣ́я.

И сейча́с же оні́ уви́дели лёгкое золоті́стое сия́ние — от руна́, висѣ́вшего на дѣ́бе.

Едва́ оні́ подошли́ бли́же, драко́н свѣ́силсѧ с дѣ́рева и зашипѣ́л, пла́мя вѣ́рвалось из его́ раскрьі́той па́сти. Но Медѣ́я, протяну́в к нему́ ру́ки, тѣ́хим го́лосом ста́ла усыпля́ть его́. Она́ призыва́ла на по́мощь бо́га сна Гі́пноса, кото́рый сильне́е всех на землѣ́, она́ заклина́ла все́ми та́йными си́лами: «Уснѣ́! Уснѣ́!» — и, подойдя́ совсе́м бли́зко, брызнула́ в глаза́ драко́ну усыпля́ющим зѣ́лем. Пога́с оді́н глаз, пога́с друго́й, опу́стились стра́шные ве́ки, с трѣ́ском захло́пнулась гро́зная пасть, ла́пы разжа́лись — драко́н свали́лсѧ с дѣ́ба и, бессі́льный, лёг у ног Медѣ́и.

— Спеші́! — сказа́ла она́ Язѡ́ну.— Скорѣе́ снимай руно́ с дѣ́рева, пока́ он не просну́лсѧ.

Медэя, протянуў к дракóну рúки, тiхíм гóлосом
ста́ла усыпляць егó.

Язón б́ыстро снял с д́уба золот́ое руно́, накин́ул его́ на плéчи, как плащ, и он́и немéдленно поќинули рóщу Арéса.

Аргонáвты с корабля́ ув́идели золот́ой свет руна́ на плечáх Язónа. Рáдостными кр́иками привéтствовали он́и желáнную добычу́, из-за котóрой оста́вили свой́ домá и отч́изну и перенесл́и стóлько опáсностей и невзгóд. Но нéкогда б́ыло весел́иться. Нáдо б́ыло к утр́у добр́аться до мóря и поќинуть Колх́иду.

Язón заверн́ул драгоцéнное руно́ в свой́ плащ, устрóил Медéю на кормé корабля́, где нé было вéтра, и сам обруб́ил мечóм канáт, держáвший «Аргó» у бéрега. Гребцы́-аргонáвты сéли на вёсла; друѓие со щитáми и л́уками в рукáх стáли вдоль бóрта, готóвые защищáть корáбль от погóни. «Аргó» стрем́ительно попл́ыл вниз по течéнию — к мóрю. Ещ́е не взошлó сóлнце, а аргонáвты б́ыли ужé в открь́том мóре, далекó от берегóв Колх́иды.

Утром пришл́и сказáть царю́, что чужезéмцы пох́итили золот́ое руно́ и бежáли, взяв с собóй Медéю. Стрáшно разгн́евался Э́т и послáл больш́ой отря́д кóлхов в погóню за аргонáвтами. Царь велéл объáвить вóинам, что всех их жд́ет смерть, ёсли он́и не догон́ят беглецов́ и не верн́ут руна́ и цáрской дóчери. Сы́на своего́ Апс́ирта Э́т назнач́ил начáльником отря́да.

Кóлхи в́ывели свой́ судá в мóре и попл́ыли за «Аргó».

ВОЗВРАЩЕНИЕ «АРГО»

Золот́ое руно́ б́ыло доб́ито, и аргонáвты пл́ыли обрат́но. Поп́утный вéтер надува́л парусá, морскáя даль былá чистá, стáи дельф́инов без-

заботно плескались вокруг «Аргó». Но невесело было на корабле. На корме заливалась слезами Медея, глядя в ту сторону, где остались её дом и отец. Озабоченно хмурился Язón, и аргонавты ни днём ни ночью не расставались с оружием, ожидая погони.

Они не захотели возвращаться тем же путём, по которому приплыли в Колхиду. Сын Фрикса, покинувший вместе с ними Колхиду, рассказал им, что слышал от колхидских корабельщиков, будто по ту сторону моря, против Колхиды, есть большая полноводная река Истра. Она берёт своё начало далеко на севере, в стране холодного ветра, протекает через многие земли и страны и встречается с другой рекой, которая течёт прямо в то море, что омывает берега Греции.

— Путь по реке короче и легче, чем возвращение опять через три моря, — решили аргонавты и поплыли вдоль берегов Скифии к устью Истра.

Но у самого Истра они наткнулись на флот колхов, посланный Ээтом за ними в погоню и опередивший их. Что было делать? «Аргó» один против многих кораблей, кучка героев против целого войска!

Тогда Язón пустился на хитрость. Он вступил с начальником колхов Апсиртом в переговоры: он говорил, что золотое руно должно остаться у аргонавтов — ведь он выполнил всё, что потребовал от него царь Колхиды. Но Медею Язón обещал выдать колхам и звал Апсирта прийти за сестрой на пустынный остров, в храм богини Артемиды. Язón хотел заманить и взять в плен Апсирта, чтобы лишить колхов их командира. Апсирт был молод и доверчив. Он поверил Язону и ночью один явился в храм на острове, чтобы

уговорить сестру взять у аргонавтов руно и вернуться домой. Но Медэя дала Язону меч и велела убить Апсирта. Тело брата она бросила в море. В войске колхов началось смятение, и, пока колхи искали в море останки своего предводителя, «Аргó» ускользнул от врагов и уплыл далеко вверх по Истру.

Аргонавты благополучно проплыли Истр до того места, где он сливался с другой рекой, и по этой другой реке вышли в море. Море встретило их страшной бурей. Словно разгневанные боги спустили с цепей все ветры, и они сорвали прочь парус, согнули мачту и носили «Аргó» по морю, перебрасываясь кораблём, как дети игрушкой. В отчаянии бросили аргонавты весла и ждали, когда возьмёт их разъярённое море.

Но вдруг раздался голос с кормы — он шёл от куска священного додонского дуба, вделанного в корму «Аргó». Он говорил:

— Боги разгневались на Язона и Медэю за убийство Апсирта. Плывите на остров Эа. Там живёт сестра Ээта, волшебница Кирка. Просите её, пусть она простит Медэю. Тогда вы сможете вернуться домой.

Буря стихла. Аргонавты отправились искать волшебный остров. Долго блуждали они по морю, пока нашли его. Волшебница Кирка вышла к ним навстречу на берег, окружённая стадом свиней — всё это были люди, попавшие на остров и превращённые ею в животных. Кирка тотчас узнала Медэю по глазам: у всех детей Солнца в глазах был особенный свет.

Медэя так молила тётку простить её и говорила о своей любви к Язону, что Кирка простила её и отпустила аргонавтов с миром.

Но много ещё всяких бед пришлось претер-

пётъ аргона́втам, пока́ они́ добра́лись до родно́го кра́я.

В откры́том мо́ре кора́блём игра́ли ве́тер и во́лны, но са́мые стра́шные опа́сности подсте-регáли моряко́в в у́зких проли́вах.

Им пришло́сь проходíть ме́жду двумя́ остро-ва́ми, на одно́м из кото́рых была́ огнеды́шащая го́ра. Два свирёпых и жа́дных чуде́вища стере-ли́ э́тот проходъ — Ха́рибда и Сци́лла.

Ха́рибда жи́ла в морско́й глубине́. Вода́ ки-пéла и кружи́лась над не́й, и сто́ило живо́му существу́ прибли́зиться, как из водо́й высóвыва-лась жа́дная пасть и глота́ла це́лые кора́бли с паруса́ми и ма́чтами.

На вы́стрел из лу́ка от Ха́рибды возвыша́лась остроко́нечная скала́, гла́дко обто́ченная мо́рем. В не́й была́ пеще́ра. В э́той пеще́ре пряталась шестиго́ловая, двенадцатила́пая Сци́лла. Как то́лько дельфи́н, и́ли ры́ба, и́ли су́дно с пловца́ми подплыва́ли к скале́, Сци́лла высóвывала из пеще́ры своё́ стра́шное ту́ловище, и все двена́дцать лап бы́стро ша́рили вокру́г, выла́вливали всё живо́е и отпра́вляли в жа́дные па́сти с тремя́ ряда́ми о́стрых зубо́в.

Аргона́втам на́до бы́ло проплы́ть ме́жду Сци́ллою и Ха́рибдой, и они́, коне́чно, поги́бли бы, потому́ что ни сме́лость, ни му́жество, ни геро́йская си́ла не могли́ им помо́чь прóтив э́тих чуде́вищ. Но вно́вь появи́лась их покрови́тельница Ге́ра, броси́ла ме́жду Ха́рибдой и Сци́ллою свой зо́лото́й волосо́к, и по э́той доро́жке, не уклоня́ясь ни впра́во, ни вле́во, «Аргó» миновáл опа́сность.

Одна́жды морско́й ве́тер принёс изда́лека́ за́пах цвето́в, и аргона́вты уви́дели в мо́ре цве-ту́щий о́стров Си́рэн. Чуде́сные пти́цы с же́н-

скими голова́ми сидели на ка́мнях, торча́вших из воды́ о́коло бе́рега, и пе́ли челове́ческим го́лосом. О́ни зва́ли уста́лых моряко́в отдохну́ть на цвету́щих луга́х, обеща́ли поко́й и наслажде́ние, мани́ли ла́сковыми слова́ми.

Мо́ре вокру́г о́строва ка́залось то́же ла́сковым и ти́хим. Но весь о́стров был окру́жён ме́лями и подво́дными ска́лами. Сире́ны пе́ли так сла́дко и така́я волше́бная си́ла была́ в их пе́снях, что корабе́льщики, забы́в всё на све́те, направля́ли сво́й суда́ к о́строву, разби́вались о подво́дные ка́мни и ги́бли в волна́х.

Очу́тившись у о́строва Сире́н, аргона́вты то́же заслу́шались чуде́сного пе́ния и хоте́ли грести́ к бе́регу. Са́мый ю́ный из гребцо́в, очарова́нный сире́нами, бро́сился в мо́ре и поги́б на ка́мнях. Тогда́ Орфе́й взял сво́ю кифа́ру и запёл си́льным го́лосом, заглуша́я сире́н. Он пел об отва́жных моряка́х, пересека́ющих про́странства море́й и презира́ющих лень и не́гу, о родно́й земле́, кото́рая их ожида́ет. Слу́шая Орфе́я, опомни́лись аргона́вты и бы́стро минова́ли опа́сный о́стров.

О́коло о́строва Схе́рии, где аргона́вты остано́вились за́пастись водо́й и едо́й, их кора́бль о́пять окру́жили суда́ ко́лхов, кото́рые в по́исках аргона́втов блужда́ли по́ морю. Аргона́вты проси́ли за́щиты у ца́ря о́строва. Хи́трый ца́рь рассу́дил так: аргона́вты долж́ны вы́дать ко́лхам их ца́ре́вну Меде́ю, но о́ни не обяза́ны отдава́ть им же́ну Язо́на. Меде́я ста́ла же́но́й Язо́на, и ко́лхам пришло́сь отступи́ться. Но о́ни побо́ялись верну́ться в Ко́лхиду́ и посели́лись на гре́ческих о́строва́х.

Отпразднова́в сва́дьбу Язо́на и Меде́и, аргона́вты поплы́ли да́льше. До́лгое вре́мя пла́вание их бы́ло споко́йно. О́ни прибли́жались уже́ к бе-

рега́м Гре́ции, как вдруг разра́зился ужасная бу́ря. Де́вять дней и де́вять ночей урага́н носил их кора́бль по́ морю и наконёц вы́бросил его́ на дале́кий пусты́нный бе́рег. Глубоко́ вре́зался «Аргó» в прибре́жный песо́к и стал неподви́жно. Аргона́вты сошли́ на зе́млю и посмотре́лись. Пе́ред ними лежа́ла пусты́ня. Ни реки́, ни дере́вьев, ни людско́го жили́я — то́лько песо́к и не́бо. Аргона́вты попыта́лись сдви́нуть кора́бль в мо́ре, что́бы поки́нуть пусты́ню, но не могли́.

«Что же нам де́лать? — говори́ли они́. — Куда́ занесла́ нас бу́ря? Мы пропаде́м здесь и никогда́ не уви́дим родно́го кра́я... Лу́чше бы́ло нам разби́ться о подводные ка́мни и́ли поги́бнуть в нера́вном бою́, чем в пусты́не умере́ть от го́лода!»

Они́ разошли́сь по бе́регу и бродили́ в песча́х до темноты́. Когда́ наступил ве́чер, все собра́лись к кора́блю, прости́лись друг с дру́гом и легли́ на песо́к, заверну́вшись с голо́вой в плащи́. Они́ лежали́ так до утра́. Вдруг Язо́н почувство́вал, что кто́-то снима́ет плащ с его́ лица́. Он приподня́лся и уви́дел пе́ред собо́й трёх нимф пусты́ни. Нимфы сказа́ли ему́: «Не отча́ивайся! Судьба́ занесла́ вас в Ливийскую пусты́ню, но и отсю́да есть путь для си́льных и сме́лых. Когда́ цари́ца мо́ря Амфитри́та вы́пряжет коней́ из своёй колесни́цы, сде́лайте с ва́шим кора́блем то, что до сих пор де́лал он с ва́ми, и вы бу́дете спасены́».

Язо́н разбудил своих товари́щей и пе́редал им, что ему́ сказа́ли нимфы. Аргона́вты ста́ли ду́мать, что э́то зна́чит: «Когда́ Амфитри́та вы́пряжет коней́» и что на́до сде́лать им с «Аргó». Вдруг к бе́регу прихлы́нули с шу́мом во́лны, из мо́ря вы́бежал бе́лый конь и понёсся че́рез пусты́ню. Нача́лся прили́в. Тогда́ догада́лись

аргонáвты, что в час прили́ва ну́жно сдвину́ть «Аргó» с мели, взять его́ на плéчи и нести́ че́рез пусты́ню, как он носил их по моря́м.

Двена́дцать дней под паля́щим со́лнцем, увязáя в пескé, они́ несли́ на плеча́х «Аргó» и наконéц пришл́и на бе́рег большо́го о́зера. Сно́ва корáбль их был спúщен на́ воду. Но они́ не могли́ найт́и вы́ход из о́зера, пока́ хозяин его́, бог Три-то́н, схватив руко́й за борт «Аргó», не вы́вел его́ прото́ком ме́жду бе́лых скал в широ́кое мо́ре.

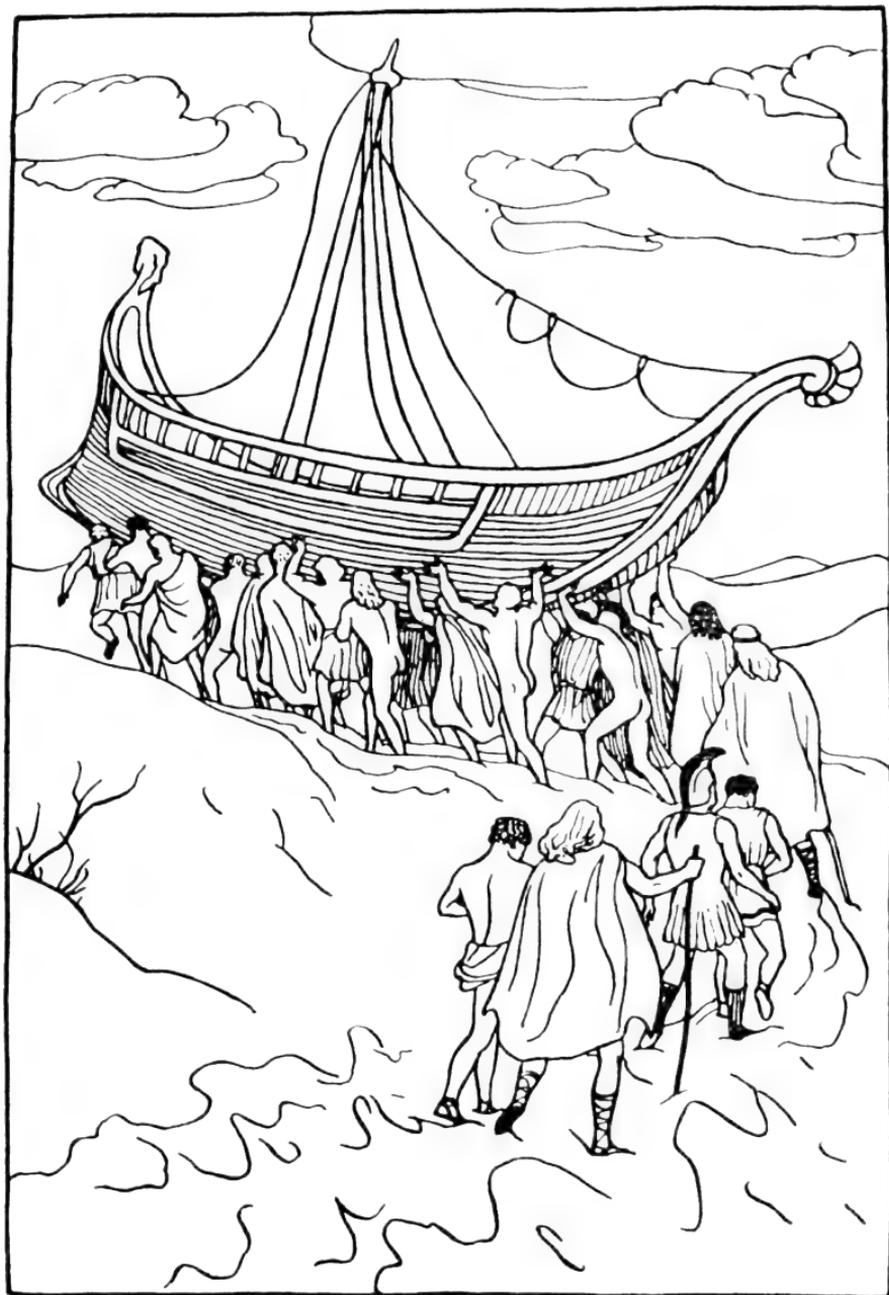
До́лго о́пять плы́ли аргонáвты в пусты́нном мо́ре и добрал́сь до гористо́го о́строва, тако́го обши́рного, что мно́го городо́в могло́ на нём умест́иться. Это была́ ро́дина Зéвса — Крит. Там ца́рствовал Ми́нос, кото́рому Зевс подарил для охра́ны о́строва ме́дного великáна. Весь покрь́т был ме́дью великáн, и лишь на пýтке у него́ бы́ло отвёрстие, за́ткнутое ме́дным гвозде́м. Три ра́за в день ме́дный великáн обходи́л дозо́ром вокру́г о́строва.

Когда́ аргонáвты подошл́и к Криту́, великáн не пусти́л их на бе́рег и стал броса́ть в них тяжё-лые ка́мни. Но Медéя своéй волшебной си́лой наве́яла на великáна дремо́ту, глаза́ его́ закры́лись. Он споткну́лся об о́стрый ка́мень и упáл. Гвоздь вы́пал у него́ из пýтки, и кровь хлы́нула из отвёрстия. Вме́сте с кро́вью великáн потеря́л свою́ живую́ си́лу и преврати́лся в большо́ую ме́дную ста́тую.

Аргонáвты причáлили к бе́регу и переноче-ва́ли на Крите́, а у́тром отпра́вились да́льше.

И ещё́ раз они́ попáли в бу́рю. Но это́ бы́ло уже́ послéднее испытáние, и бо́ги храни́ли их.

Сам Аполло́н из золотóго лу́ка посыла́л в мо́ре светя́щиеся стрéлы и указáл аргонáвтам о́стровок, во́зле кото́рого они́ могли́ укры́ться.

Двенадцать дней под палящим солнцем, увязая в песке, они несли на плечах «Аргó».

Потом ветер стих, небо расчистилось, море успокоилось и вдали показался греческий берег. Плавание аргонавтов подходило к концу. «Аргó» возвращался домой.

СМЕРТЬ ЯЗОНА

Кончились пиры и празднества в честь аргонавтов, благополучно вернувшихся после далекого и долгого плавания. Чудесный корабль «Аргó» отслужил свою службу — паруса его были истрепаны бурями, смылась позолота на носу, и волны многих морей источили его деревянный корпус. Аргонавты вытянули из воды ободранный остов «Аргó» и поставили на берегу на память людям.

Потом отважные герои разошлись по разным городам и занялись каждый своими делами.

Золотое руно лежало во дворце иолкского царя. Но Язону оно не принесло счастья.

Старый Пелий не обрадовался возвращению Язона и не отдал ему царской власти. «Пусть решает народ, пусть сам народ скажет, кого он хочет видеть царем в Иолке», — говорил он Язону. А народу Пелий говорил: «Хотите, чтобы вашей царицей была чужеземка, волшебница к тому же? Она околдует вас, как околдовала Язона».

Люди с опаской глядели на Медею и обходили жилище Язона. Скоро совсем не осталось у него друзей в Иолке. Медея видела это, ей было горько и обидно, и она решила отомстить Пелию и добыть царство Язону.

Она рассказала иолкским женщинам, что боги дали ей силу возвращать молодость ста-

рикам, и, чтобы ей поверили, зарезала старого барана и вновь оживила его, превратив в ягнёнка.

Тогда дочери Пелия стали просить волшебницу сделать молодым их старого отца. Они убили царя, но оживлять его Медея не стала.

Смерть Пелия не помогла Язону. Царём в Иолке стал сын Пелия — Акаст. Он выгнал Язона с Медеей из города и не позволил им жить в Фессалии. Пешком, как последний нищий, опозоренный, выгнанный вон из родного края, ушёл Язон из Иолки искать пристанища в соседней земле.

В это время в Коринфе царствовал старый друг его отца, Креонт. Он принял изгнанников в память старинной дружбы.

Они поселились в бедном доме, на краю города, жили тихо несколько лет, и Медея родила Язону двух сыновей.

Но счастья не было в их доме. Люди не любили и боялись Медеи, волшебницы и чужеземки. Женщины не приходили к ней в дом поболтать за прядкой о городских новостях, о своих домашних делах; их дети не хотели играть с маленькими сыновьями Медеи, дразнили их и били.

Медея гневалась и тосковала и жаловалась Язону, но ему досаждали эти жалобы. Он часто уходил из дому и отправлялся в гости к Креонту, который всегда ласково принимал сына своего друга, но никогда не приглашал Медею.

У Креонта была дочь-красавица. Она всегда радостно встречала Язона, когда он приходил во дворец, сама наливала ему вина и слушала по целым часам его рассказы об аргонавтах и их плаваньи по чужим морям на корабле «Арго».

Однажды царь сказа́л Язону:

— У меня нет сына, и наследником моим будет тот, кто жёнится на моей дочери. Женись на ней — и будешь царём в Коринфе.

Смущённый Язон отве́тил, что у него уже есть жена́ — Медея.

Но царь засмеялся и сказа́л:

— По нашим законам, это не жена́, а рабыня, пленница-варварка. Оста́вь её, и ты будешь жить во дворце́, в довольстве и в почёте. Никто́ не будет напоми́нать тебе́ о прошлом.

И Язон измени́л Медее. Он забы́л свою́ клятву в ночной стра́шный час на берегу́ Фазиса, когда́ гибель грози́ла ему́ и всем аргона́втам и де́вушка-варварка спасла́ их. Но он не посме́л сказа́ть Медее пра́вду: выдумал, что царь взял его́ к себе́ на службу́ и потому́ он до́лжен переселиться во дворе́ц.

Медея по-пре́жнему люби́ла Язона и ничего́ не подозрева́ла, пока́ не пришли́ сказа́ть ей, что он жёнится на ца́рской дочери́ и уже́ назна́чен день сва́дьбы. Медея была́ оскорблена́, разгне́вана.

«Язон забы́л свою́ клятву, забы́л, что я спасла́ ему́ жизнь и честь, что из-за него́ я покинула́ родной край, нару́шила волю́ отца́! Он хо́чет оста́вить меня́ с детьми́ одну́ среди́ чужих люде́й, без по́мощи, без опóры!»

В гнёве и тоске́ она́ не находила́ себе́ ме́ста, не зна́ла, что де́лать. Вдруг пришёл слуга́ от царя́ с приказанием, что́бы она́ неме́дленно уходи́ла из Коринфа — её выгоня́ли.

Тогда́ она́ очну́лась:

— Все́ ко́нчено! Проща́й любóвь и ми́рное сча́стье! Приди́ мне на по́мощь, Геката́! Помоги́ отомсти́ть!

Медэя притворилась покорной и тихой. Она попросила на день отсрочки, помирилась с Язоном и в знак полной покорности послала его невесте чудесный подарок — великолепное венчальное покрывало и золотую корону, которую бог Солнца подарил когда-то царю Колхиды.

Красавица невеста обрадовалась подарку, тотчас же надела на голову корону и закуталась в покрывало. Вдруг тяжело ей стало: золотая корона давила, жгла ей голову, волшебное покрывало душило её.

Она хотела сбросить с себя наряд, но одежда мгновенно вспыхнула на ней, и огонь охватил её всю. Она закричала.

Отец прибежал ей на помощь, стал срывать с неё горящую одежду — огонь перекинулся на него, и оба, охваченные пламенем, как живые костры, метались по дворцу, и никто не мог им помочь.

С ужасом увидел Язон их обуглившиеся трупы. Сердце его сжалось — страшно ему стало и стыдно. Он побежал назад в свой дом, хотел обнять сыновей. Поздно! Медэя в ярости убила своих детей, и крылатые драконы унесли её из Коринфа.

Язон остался один на свете. Никто не хотел жить с ним, никто не слушал больше его рассказов. Он ходил из города в город и нигде не мог найти себе ни дела, ни покоя.

Однажды он пришёл на берег моря. Перед ним на песке, полуразвалившийся, ободранный, стоял на подпорках корабль. Язон узнал его: это был «Аргó», такой же одинокий и всеми забытый, как он сам. Язон обошёл его, осмотрел и, усталый, лёг в тени корабля, под кормой. Он

лежál и вспоминал счастливые дни похода, отважных товарищей, далёкие чужие зéмли, и в пёрвый раз за много дней у него было легко и покойно на душе.

Потом он уснул.

Пока он спал, налетел ветер, и старый «Аргó» обрушился и похоронил под собой предводителя аргонáвтов.

П Е Р С Е Й

В Аргосе жил царь, котóрому предсказáли, что он б́удет уб́ит сво́им вну́ком.

У царя́ была́ дочь Данáя, такáя красáвица, что молвá о ней шла по всей Грéции.

Царь испугáлся, что Данáя род́ит сы́на, котóрый убьёт его́, и реш́ил никогдá не выдавáть её зáмуж. Он велёл пострóить подзёмный дом из твёрдого кáмня, с мёдными дверя́ми, с кр́пкими затвóрами — и зáпер там дочь, чтóбы никто́ из мужч́ин не мог ув́идеть её.

Но Громовёржец Зевс мóлнией проб́ил кáмень, золотым дождём проли́лся в подземелье, где была́ спрýтана Данáя, и она́ стáла его́ жено́й.

У Данáи род́ился сын, она́ назвала́ его́ Персеем.

Одна́жды отéц Данáи, проходя́ над тайникóм, услы́шал дётский крик. Царь удив́ился, óтпер вход в подземелье, спусти́лся в жили́ще Данáи и ув́идел на рука́х у дóчери прелéstного мáльчика.

Страх напáл на царя́. Он стал думáть, как ему́ избежáть стрáшного предназначéния. Наконéц он приказáл посад́ить Данáю с сы́ном в большóй ящик и тáйно брóсить в мóре.

Вéтер дóлго нос́ил ящик пó морю и пригна́л к óстрову Сер́ифу. На берегú рыбáк лов́ил ры́бу.

Он закинул сеть в море и поймал вместо рыбы большой ящик. Бедный рыбак захотел поскорее узнать, что за улов послало ему море, вытянул находку на берег, сорвал с ящика крышку — и оттуда вышла красавица и с нею мальчик. Узнав, кто они и что с ними случилось, рыбак пожалел их и взял к себе в дом. Персей рос не по дням, а по часам, вырос высоким стройным юношей, и никто в Серифе не мог с ним сравниться в красоте, ловкости и силе.

Услышал о нём царь острова Серифа Полидект и велел Персею с матерью явиться во дворец. Красота Данаи пленила Полидекта, он принял ласково царичу с сыном и поселил у себя во дворце.

Однажды Персей застал мать в слезах; она призналась ему, что Полидект принуждает её выйти за него замуж, и просила у сына защиты. Персей горячо вступился за мать.

Тогда Полидект решил избавиться от Персея, позвал его и сказал:

— Ты уже вырос и возмужал и стал так силен, что можешь теперь отплатить мне за то, что я дал приют тебе с матерью. Отправляйся в путь и принеси мне голову Медузы.

Персей простился с матерью и отправился по свету — искать Медузу, о которой ничего не знал до тех пор.

Во сне к нему явилась богиня мудрости Афина и открыла ему, что Медуза — одна из трёх сестёр Горгон, они живут на краю земли, в Стране Ночи, все они — страшные чудовища, но страшнее всех Медуза: вместо волос на голове у неё выются ядовитые змеи, глаза горят нестерпимым огнём и полны такой злобы, что всякий, кто взглянет в них, тотчас обратится в камень.

Афина дала Персею свой щит, гладкий и блестящий, как зеркало, чтобы он мог закрыться от страшных глаз Медúзы.

Потом на дороге догнал его быстроногий Гермес, посланец Зевса: он рассказал Персею, как ему идти, и подарил свой меч, такой острый, что им можно было резать, как воск, железо и камень.

Долго шёл Персей в ту сторону, куда уходит Солнце, наконец добрался до Страны Ночи. Вход в эту страну сторожили три древние старухи — Грайи. Они были так стары, что на всех трёх у них был один только глаз и один зуб. И всё-таки они хорошо охраняли вход в Страну Ночи и никого не пропускали туда. По очереди смотрели они единственным глазом, передавая его друг другу.

Персей потихоньку подкрался к Грайям, дождался, когда одна из них вынула глаз, чтобы передать его сестре, протянул руку и выхватил у старухи драгоценное око. И сразу стали Грайи бессильными слепыми старухами. Жалобно просили они Персея вернуть им их единственный глаз.

— Впустите меня в Страну Ночи, скажите мне, как найти Медúзу, и я отдам вам ваш глаз,— отвечал старухам Персей.

Но старые Грайи не хотели пустить Персея, не хотели сказать ему, где найти Медúзу,— ведь Горгоны были им родные сёстры. Тогда Персей пригрозил старухам, что разобьёт их глаз о камень,— и Грайям пришлось указать ему дорогу.

Персей отдал Грайям их глаз и пошёл дальше на запад.

По дороге встретились ему три добрые ним-

фы. Одна подарила Персею шлем Аида, властителя подземного царства,— кто надевал этот шлем, становился невидимкой; другая дала Персею крылатые сандалии, надев которые можно было летать над землёй, как птица; третья нимфа вручила юноше сумку, которая могла сжиматься и расширяться по желанию того, кто носил её.

Персей повесил на плечо сумку, обул крылатые сандалии, надел на голову шлем — и, невидимый никому, поднялся высоко в небо и полетел над землёй. Скоро он добрался до края земли и долго летел над пустынной гладью моря, пока внизу не зачернел одинокий скалистый остров. Персей стал кружить над островом и увидел на скале спящих Горгон. У них были золотые крылья, чешуйчатые железные тела и медные руки с острыми когтями.

Персей увидел Медузу — она была всех ближе к морю. Он опустился на скалу рядом с ней. Змеи на голове Медузы зашипели, почувяв врага. Медуза проснулась, открыла глаза. Персей отвернулся, чтобы не взглянуть в эти страшные глаза и не превратиться навек в мёртвый камень. Он поднял щит Афины, блестящий, как зеркало, навёл его на Медузу и, глядя в него, вынул меч Гермеса и сразу отсек ей голову.

Тут проснулись две другие Горгоны, расправили крылья и стали носиться над островом, ища врага. Но Персей был невидим. Быстро засунул он голову Медузы в свою волшебную сумку, столкнул тело Горгоны в море и улетел прочь. Спеша в обратный путь, он быстро пересёк море и полетел над Ливийской пустыней. Кровь из головы Медузы капала из сумки на

зёмлю, и каждая капля превращалась на песке в ядовитую змею.

Долго летёл Персэй, устал и захотёл отдохнуть. Увидел внизу зелёные луга со стадами овец, коров и быков, увидел огромный тенистый сад, посреди которого стояло дерево с золотыми листьями и плодами,— и опустился к этому дереву. Хозяин сада, великан Атлант, встретил Персея неласково. Ему было предсказано, что однажды к нему придёт сын Зевса и похитит золотые яблоки с его любимого дерева.

Персэй не знал этого предсказания и сказал великану:

— Я — Персэй, сын Зевса и Данай. Я убил

гро́зную Медúзу. Дай мне отдохну́ть в твоём саду́.

Услы́шав, что пе́ред ним сын Зéвса, Атлáнт расสวิрепéл.

— Похити́тель! Ты хочешь похитить мой золотые́ яблоки? — закрича́л он и стал гнать Персе́я из са́да.

Оскорблённый Персе́й в́ыхватил из сýмки го́лову Медúзы и показа́л её велика́ну.

Мгнове́нно окамене́л Атлáнт, преврати́лся в ка́менную го́ру. Голова́ его́ ста́ла скали́стой верши́ной, борода́ и во́лосы — густы́м ле́сом на верши́не, плéчи — круты́ми утёсами, ру́ки и но́ги — каменíстыми усту́пами. На верши́ну э́той ка́менной горы́, на круты́е утёсы лёг небéсный свод со все́ми бесчи́сленными звёздами. С тех пор стои́т там Атлáнт на краю́ земли́ и де́ржит на сво́их плеча́х не́бо.

А Персе́й летéл да́льше.

Он пролетéл над Эфи́опией и вдруг на скале́ над мо́рем уви́дел де́вушку тако́й красото́й, что при́нял её снача́ла за чуде́сное извая́ние. Но, спустившись ни́же, он по́нял, что она́ жива́я, то́лько ру́ки её бы́ли прико́ваны к скале́. Приблизившись к ней, он спроси́л:

— Кто ты и за что прикова́ли тебя́ здесь?

Де́вушка сказа́ла, что она́ дочь эфи́опского царя́ — Андромéда и обречена́ на съедéние морско́му чудови́щу. Её мать, цари́ца Кассиопéя, похвали́лась одна́жды, что она́ краси́вей всех морски́х нимф, — за э́то бог морей́ Посейдо́н посла́л в их край чудови́щную ры́бу, кото́рая пожира́ла рыбако́в в мо́ре, и пловцо́в, и корабельщи́ков, топи́ла корабли́ и опустоша́ла берега́ их ца́рства. Наро́д пришёл в смяте́ние и потребо́вал, что́бы Кассиопéя уми́лостивила Посейдо́-

на, отдав в жертву чудовищу свою дочь Андромеду.

Андромеду приковали к скале на берегу моря и оставили одну. Белее морской пены стояла девушка у скалы и со страхом глядела на море. Вот под водой, в морской глубине, показалась громадная голова, блеснул чешуйчатый хвост. Андромеда в ужасе закричала. На зов её прибежали отец и мать и стали плакать с ней.

Персей сказал им:

— Отдайте мне в жены Андромеду, и я спасу её.

Царь и царица пообещали Персею отдать ему свою дочь в жены, а в приданое ей — всё своё царство, если он спасёт Андромеду.

Меж тем огромная рыба всплыла на поверхность моря и приближалась к берегу, с шумом рассекая волны.

Персей на своих крылатых сандалиях поднялся в воздух и полетел навстречу чудовищу. Тень героя легла на воду перед жадной пастью рыбы. Чудовище бросилось на эту тень.

Тогда Персей, как хищная птица, упал с высоты на чудовище и нанёс ему удар мечом. Раненая рыба в ярости стала метаться из стороны в сторону, то ныряя вглубь, то снова всплывая. Кровь её окрасила морскую воду, брызги высоко взлетали вверх. Крылышки на сандалиях Персея намокли, и он уже не мог держаться в воздухе. Но в этот миг он увидел камень, торчавший из воды, встал на него ногой и изо всех сил ударил мечом по голове чудовища. В последний раз плеснул исполинский хвост, и чудовищная рыба ушла на дно.

Царь и царица и весь народ Эфиопии радостно приветствовали героя. Царский дворец

Персэй, как хищная птица, упал с высоты на чудовище и нанёс ему удар мечом.

укра́сили цвета́ми и зéленью, всю́ду зажгли́ свети́льники, наряди́ли неvéсту, собра́лись певцы́ и флейти́сты, напо́лнили ча́ши вино́м, и начался́ сва́дебный пир.

На пиру́ Персе́й расска́зывал Андромéде и её роди́телям про свой стра́нствия. Вдруг разда́лся шум у входа́ во дворе́ц, стук мече́й и воинственные кри́ки. Это с толпо́й вои́нов ворва́лся во дворе́ц пре́жний жени́х Андромéды, Фине́й. В руках он держáл копьё́ и це́лился пра́мо в се́рдце Персе́я.

— Береги́сь, похити́тель!

И вои́ны уже́ гото́вы бы́ли порази́ть ко́пьями пиру́ющих.

Оте́ц Андромéды пыта́лся остано́вить Фине́я:

— Не похити́тель Персе́й, а спаси́тель! Он спас Андромéду от чудови́ща. Если ты люби́л её, почему́ не пришёл ты на бе́рег мо́ря, когда́ чудовище яви́лось пожра́ть её? Ты поки́нул её, когда́ она́ ждала́ ги́бели,— почему́ тепе́рь приходи́шь требо́вать её себе́?

Ничего́ не отве́тил Фине́й царю́ и метну́л копьё́ в Персе́я, но промахну́лся,— оно́ вонзи́лось в край ло́жа, где сиде́л Персе́й. Персе́й схвати́л вра́жеское копьё́ и метну́л о́брáтно — в лицо́ Фине́я. Фине́й успе́л нагну́ться, копьё́ полетéло ми́мо него́ и рани́ло Финее́ва дру́га. Это бы́ло сигна́лом к бит́ве. Началась́ жесто́кая, крова́вая схва́тка. В стра́хе убежа́ли прочь царь и цари́ца, уводя́ с собо́й Андромéду. Прислоня́сь спиной́ к колóнне, с щито́м Афи́ны в руках, Персе́й о́дин отбива́лся от я́ростной толпы́. Наконéц он уви́дел, что ему́ одному́ не спрáвиться с це́лым во́йском, и вы́нул из сума́ки го́лову Меду́зы.

Вои́н, це́лившийся в Персе́я, то́лько взгляну́л в лицо́ Меду́зы — и вдруг засты́л с протя́нутой

рукой, мгновенно превратясь в камень. И все, кто смотрел на эту страшную голову, остановились, замерли, кто как был, окаменели навеки. Так и остались они каменными статуями во дворце эфиопского царя.

Персей с красавицей Андромедой поспешили в путь — на остров Сериф. Ведь Персей обещал царю Полидекту принести голову Медузы.

Явившись на остров Сериф, Персей узнал, что мать его Даная скрывается от преследований Полидекта в храме, не смея выйти оттуда ни днём ни ночью.

Персей отправился во дворец царя и застал Полидекта за обедом. Царь был уверен, что Персей давно уже погиб где-то в пустыне или в океане, и был поражён, увидев героя перед собой.

Персей сказал царю:

— Я исполнил твоё желание — принёс тебе голову Медузы.

Царь не поверил, стал смеяться. Смеялись с ним и друзья его.

Персей выхватил из сумки голову Медузы и высоко поднял её.

— Вот она — взгляни на неё!

Царь взглянул — и превратился в камень.

Персей не захотел остаться на Серифе, сделал царём острова старого рыбака, который когда-то выловил из моря ящик с Данайей и с ним, и отправился с женой и матерью на родину в Аргос.

Аргосский царь, узнав, что внук его жив и возвращается домой, покинул свой город и скрылся. Персей стал царём в Аргосе. Он вернул Гермесу его острый меч, Афине — её щит, добрым нимфам — шлем-невидимку, крылатые сан-

дали и сумку, в которой прятал свою страшную добычу. Голову Медузы он принёс в дар Афине, и богиня с тех пор носит её, укрепив на своём золотом щите.

Однажды в Аргосе был праздник, и множество народа собралось смотреть состязания героев. Тайно пришёл на стадион и старый аргосский царь.

Во время состязания Персей с такой силой метнул тяжёлый бронзовый диск, что он пролетел над стадионом и, падая вниз, попал в голову старого царя и убил его на месте.

Так исполнилось предсказание: внук убил своего деда.

И, хоть это было нечаянное убийство, Персей уже не мог наследовать царство убитого им деда и, похоронив царя, добровольно покинул Аргос.

ДЕДАЛ И ИКАР

В те далёкие времена, когда у людей ещё не было ни инструментов, ни машин, жил в Афинах великий художник Дедал. Он первый научил греков строить прекрасные здания. До него художники не умели изображать людей в движении и делали статуи, похожие на запелёнатых кукол с закрытыми глазами. Дедал же стал высекать из мрамора великолепные статуи, изображающие людей в движении.

Для своей работы Дедал сам придумал и сделал инструменты и научил людей пользоваться ими. Он научил строителей здания, как проверять — камнем на нитке, — правильно ли кладут они стены.

У Дедала был племянник. Он помогал художнику в мастерской и учился у него искусствам. Рассматривая однажды плавники рыбы, он догадался сделать пилу; придумал циркуль, чтобы чертить правильный круг; вырезал из дерева круг, заставил его вращаться и стал лепить на нём глиняную посуду — горшки, кувшины и круглые чаши.

Однажды Дедал с юношей вошли на вершину Акрополя, чтобы с высоты посмотреть на красоту города. Задумавшись, юноша ступил на самый край обрыва, не удержался, упал с горы и разбился.

Афіняне обвиніли Дедáла в гíбели мáльчика. Дедáлу пришлòсь бежáть из Афін. На кораблè он добрáлся до óстрова Крíта и явíлся к критскому царю Мíносу.

Мíнос был рад, что судьбá привелá к нему знаменíтого афінского строителя и худóжника. Царь дал пристáнище Дедáлу и застáвил его работáть на себя. Дедáл вýстроил ему Лабирíнт, где бýло стóлько кóмнат и так запýтаны ходы, что всякий, кто входíл туда, ужé не мог сам найтí вýход.

До сих пор на óстрове Крíte показывають остáтки этóго великолéпного сооружèния.

Дóлго жил Дедáл у царя Мíноса плéнником на чужóм óстрове средí мóря. Чáсто сидел он на морском берегу, глядя в стóрону роднóго крáя, вспоминал свой прекрáсный гóрод и тосковáл. Ужé мнóго лет прошлò, и, навèрное, ужé никто не пómнил, в чём его обвиняли. Но Дедáл знал, что Мíнос никогдá не отпúстит его и ни одíн корáбль, отплывáющий от Крíта, не посмееет взять его с собóй, опасáясь преслèдования. И всё-таки Дедáл постоянно думал о возвращèнии.

Однáжды, сíдя у мóря, он пóднял глазá в ширóкое нéбо и подумал: «Нет для меня путí пó морю, но вот нéбо открýто для меня. Кто мóжет мне помешáть на воздúшной дорóге? Птíцы рассекають крýльями вóздух и летяť кудá хотяť. Рáзве человек хýже птíцы?»

И ему захотелось сдéлать себе крýлья, чтóбы улететь из плéна. Он стал собирать пèрья больш́их птиц, искúсно связывал их льняными крèпкими нítками и скреплял вóском. Скóро он сдéлал четýре крылá — два для себя и два для своего сына Икáра, котóрый жил вмéсте с ним

на Крѣте. Пѣревязью крест-накрест прикреплялись крылья к груди и к рукам.

И вот наступил день, когда Дедал попробовал свой крылья, надел и, плавно махая руками, поднялся над землей. Крылья держали его в воздухе, и он направлял свой полет в ту сторону, куда хотел.

Спустившись вниз, он надел крылья сыну и учил его летать.

— Спокойно и ровно взмахивай руками, не спускайся слишком низко к волнам, чтобы не смочить крылья, и не поднимайся высоко, чтобы лучи солнца не опалили тебя. Летй за мной следом.— Так говорил он Икару.

И вот рано утром они улетели с острова Крита.

Только рыбаки в море да пастухи на лугу видели, как они улетали, но и те подумали, что это крылатые боги пролетают над землей. И вот уже далеко остался позади скалистый остров, и широко раскинулось под ними море.

День разгорался, солнце поднялось высоко, и лучи его жгли все сильнее.

Осторожно летел Дедал, держась ближе к поверхности моря, и боязливо оглядывался на сына.

А Икару по душе был вольный полет. Все быстрее рассекал он крыльями воздух, и ему захотелось подняться высоко-высоко, выше ласточек, выше самого жаворонка, который поет, глядя прямо в лицо солнцу. И в ту минуту, когда отец не глядел на него, Икар поднялся высоко вверх, к самому солнцу.

Под жаркими лучами растаял воск, скреплявший крылья, перья распались и разлетелись вокруг. Напрасно взмахивал Икар руками,—

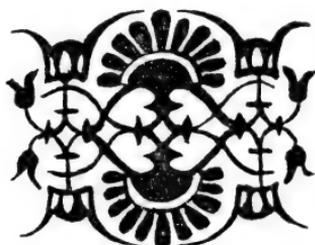
Дедáл надéл крýлья сыну и учíл егó летáть.

уже ничто́ больше не уде́рживало его́ на высоте́. Он стремительно па́дал, упáл и исчéз в глубинé моря́.

Огляну́лся Деда́л — и не уви́дел в синевé не́ба летя́щего сы́на. Он гляну́л на мо́ре — лишь бёлые пёрья плы́ли на волна́х.

В отча́янии опусти́лся Деда́л на пёрвый встрéтившийся ему́ о́стров, сломáл свой крýлья и про́клял своё иску́ство, погуби́вшее его́ сы́на.

Но лю́ди запóмнили э́тот пёрвый полёт, и с тех пор в их ду́шах жи́ла мечта́ о покорéнии вóздуха, о простóрных небéсных доро́гах.

Т Е З Е Й

У афинского царя Эгея не было детей. Дважды он был женат, но жены не родили ему ни сына, ни дочери, и он сильно горевал об этом. Он хотел знать, неужели ему суждено остаться бездетным, и спросил предсказателя — оракула. Ответ оракула был так загадочен, что Эгей не мог понять его.

В то время в Арголиде, в городе Трезены, жил старый мудрый Питфей. Эгей отправился к нему в Трезены — просить его разгадать ответ оракула. Питфей объяснил предсказание: у Эгея будет сын, которому суждено стать великим героем.

Эгей обрадовался и, чтобы скорее сбылось предсказание, женился в третий раз — на дочери Питфея — и стал ждать обещанного сына.

Но из Афин пришла весть, что враги, воспользовавшись долгим отсутствием царя, пытаются захватить власть в городе. Эгей должен был вернуться в Афины. Но дочь свою Питфей не отпустил с мужем: старому царю хотелось, чтобы обещанный судьбою герой родился в Трезенах и своим рождением прославил город.

Перед тем как покинуть Трезены, Эгей зарыл в царском саду под огромным камнем свой меч и пару сандалий и сказал жене:

— Когда мой сын стáнет таким больш́им и сильным, что смóжет сдв́инуть э́тот кáмень и достáнет мой меч и сандáлии, пусть он придёт ко мне в Аф́ины: по э́тому мечу́ и сандáлиям я узна́ю его́.

Эге́й верну́лся в Аф́ины, а у жены́ его́ ско́ро роди́лся ма́льчик — его́ назва́ли Тезеем. Тезе́й рос во дворце́ Питфе́я, и ста́рый царь учи́л его́ всему́, что ну́жно знать и уме́ть челове́ку, кото́рому предстоя́ли в жи́зни стра́нствия, сраже́ния и по́двиги во́ина. Когда́ Тезе́ю испо́нилось шестна́дцать лет, мать повела́ его́ в сад, показа́ла ему́ большо́й кáмень и сказа́ла:

— Вот здесь, под э́тим кáмнем, лежи́т подáрок, оста́вленный тебе́ твои́м отцо́м. Сдвинь кáмень и достáнь то, что под ним зары́то.

Юноша, си́льными рука́ми крѣпко охватив кáмень, сдв́инул его́ в сто́рону и нашёл в земле́ меч и сандáлии. Тогда́ мать откры́ла ему́, кто его́ отѣц, опоясала сы́на отцо́вским мечо́м, надела́ ему́ на ноги отцо́вские сандáлии и сказа́ла, что по э́тому мечу́ и сандáлиям отѣц узна́ет его́.

Тезе́й захотѣл поскорѣе уви́деть своего́ отца́, и в тот же день он прости́лся с ма́терью и де́дом и отпра́вился в Аф́ины. Мать уговáривала его́ сесть на кора́бль и добра́ться до Аф́ин морски́м путѣм — э́то бы́ло споко́йнее, чем иди́ти че́рез леса́ и го́ры, где обита́ли хи́щные зве́ри и злые разбо́йники подстерега́ли пу́тников на доро́гах.

Но Тезе́й жа́ждал по́двигов и сла́вы и поше́л в Аф́ины прямо́й доро́гой.

Сме́ло минова́л он грани́цу де́довской земли́ и вступи́л в чужие́ го́ры. Пройдя́ немно́го, он встрѣтил хромо́го велика́на, кото́рый ковыля́л по доро́ге, опира́ясь на то́лстую желе́зную па́лицу, со зво́ном ударя́вшуюся о доро́жные кáмни.

Увидев Тезея, великан закричал сердито:

— Эй, путник, возвращайся назад!

Тезей удивился и спросил, почему он должен вернуться, если ему надо идти вперёд.

Подняв над головой свою палицу, великан проревёл:

— Возвращайся туда, откуда идёшь, и скажи всем, что я, Перифёт, никому не даю здесь прохода! Клянусь этой палицей, которую выковал мне мой покровитель — божественный Гефест, ты не ступишь ни шага дальше.

Говоря это, он размахивал своей железной палицей так, что ветер свистел вокруг и камни разлетались во все стороны.

Вместо того чтобы повернуться и уйти, Тезей бросился навстречу великану и столкнулся с ним так быстро, что Перифёт не успел ударить юношу, а Тезей уже обхватил его руками за пояс и крепко сжимал, не выпуская. От неожиданности Перифёт выронил из рук свою палицу и нагнулся, чтобы поднять её. Тезей тотчас сбил с ног хромого и вонзил ему в грудь отцовский меч. Потом он оттащил тело великана с дороги, подобрал его палицу и пошёл дальше, радуясь своей первой победе.

Но это было только начало его испытаний.

На Истме, проходя через густой и тёмный сосновый лес, юноша услышал, как хищные птицы с криками дрались в вершинах сосен, будто делили какую-то кровавую добычу. Внезапно свирепый великан Синис напал на Тезея сзади, сбил с ног, связал и поволок в лесную глушь.

— Видишь вон те две высокие сосны, что верхушками смотрят в небо? — сказал великан Тезею. — Я пригну их вниз, до самой земли, привяжу тебя к ним за руки, за ноги — и отпущу

их. Так поступаю я с теми, кто входит в мой лес, недаром меня зовут Сгибатель Сосен!

Сказав это, великан ухватил верхушки двух ближних сосен и стал гнуть их к земле, не обращая внимания на своего пленника.

Тезей зубами вытянул отцовский меч из ножен, перерезал путы на руках и ногах и, бесшумно подкрáвшись, стал за спиной у великана разбойника. Как только верхушки сосен послушно коснулись земли и великан наступил на них ногами, Тезей с силой схватил его за руки, опутал их путами, привязал к ветвям и, отступив, отпустил сосны на волю. Со страшной силой тотчас распрямились высокие деревья и разорвали надвое Сгибателя Сосен.

А Тезей, взяв свой меч и палицу, без оглядки поспешил прочь из этого страшного леса.

Всё дальше он шёл и пришёл на берег моря. Здесь на скалистом уступе над морем сидел великан Скирон, который заставлял всех проходивших мыть ему ноги.

Тезей глянул вниз и увидел множество человеческих костей на берегу, а из воды высывала жадную пасть огромная морская черепаха. Юноша понял, что ему грозит; он притворился, будто готов исполнить требование великана, и нагнулся, словно собираясь зачерпнуть воды из моря. Великан поднял ногу, чтобы столкнуть юношу в море, как стáлкивал всех до сих пор. Тезей быстро схватил великана за ногу и сбросил его самого в воду на съедение морскому чудовищу. Избавившись и от этого разбойника, Тезей отправился дальше.

Недалеко от Элевсина пришлось ему вступить в борьбу с силачом Керкионом, которого ещё никому не удалось победить. Тезей был молод,

лѳок, и приѳмам борьбы с дѳтства учѳл егѳ мѳдрый Питфѳй, а Керкиѳн был неповѳрѳтлив и привѳик побеждать слѳбых,— и Тезѳй бѳстро одолѳл егѳ.

Дѳвольный своими побѳдами, дѳмая о бѳзкой встрѳче с отцѳм, Тезѳй поспѳшил дѳльше и шѳл, не останѳвливаясь, до наступлѳния нѳчи.

В темнѳтѳ остановѳл егѳ на дѳрѳге человек и стал уговѳривать зайтѳ к немѳ в дом отдохнѳть и переночевѳть до утрѳ.

— Нѳчью опѳсно идтѳ одному по пустѳнной дѳрѳге,— говорѳл человек,— войдѳ в мой дом, поѳшь со мной и отдохнѳ на моѳм лѳже. Меня зѳвѳт Прокрѳстом, дом мой всегда открыт для стрѳнников, и моѳ лѳже гѳтѳво для тебѳ.

Так лѳсково говорѳл Прокрѳст, что Тезѳй с охѳтой согласѳлся и вошѳл к немѳ в дом.

Но человек тот был коварный и жестѳкий разбѳйник: он замѳнивал пѳтников и уклѳдывал их на своѳ лѳже; кто не умещѳлся в нем — томѳ отрубѳл гѳлову ѳли нѳги, а кто был мал для негѳ — тогѳ вытягивал так, что он умираѳл в мучѳниях. Прокрѳст хотѳл погубѳть и Тезѳя. Но юный герѳй, увѳдев окрѳвавленное Прокрѳстово лѳже и человекѳские обрѳбки вокрѳг негѳ, пришѳл в такой гнев, что схватѳл самого разбѳйника и брѳсил егѳ на стрѳшное лѳже, а так как онѳ было кѳрѳтко емѳ, Тезѳй отрубѳл Прокрѳсту егѳ длѳнные нѳги. Остѳвив егѳ на проклѳтом лѳже, Тезѳй покинул разбѳйничѳй дом и поспѳшил к священному истѳчнику, чтѳбы очѳстѳться от прѳлитой крѳви.

Накѳнѳц он увѳдел пѳред собѳй Афѳны и вошѳл в гѳрод своего отцѳ.

Афѳнские жѳтели смотрѳли на негѳ с удивлѳ-

нием, когда он проходил по улицам: его длинная одежда, длинные до плеч волосы были необычные для афинян, и его принимали за девушку. Рабочие, строившие храм на площади, стали смеяться над ним. Тезей рассердился, схватил пустую колесницу и бросил её в шутников с такой силой, что она взлетела на крышу храма. Все увидели, что перед ними не слабая девушка, а юный герой, наделённый громадной силой, и поскорее проводили его ко дворцу царя, куда он направлялся.

Эгей был тогда уже стар. В доме его всем распоряжалась волшебница Медея, которая была прежде женой аргонавта Язона, а потом скрылась из Коринфа и попросила приюта у афинского царя, пообещав вернуть ему молодость.

Медея догадалась сразу, что юноша, пришедший во дворец, — сын Эгея. Приход Тезея в Афины сулил много перемен, и она поняла, что её власти над царём наступит конец. Медея решила погубить молодого царевича. Когда Эгею сказали, что во дворец явился чужестранец и хочет увидеться с царём, Медея уверила старика, что гость этот — злодей, подсланный врагами, и уговорила Эгея отравить его.

Сидя рядом с Эгеем за царским столом, Тезей с волнением ждал случая, чтобы обнаружить себя перед отцом. И вот, когда Медея, сделав знак царю, с коварной улыбкой протянула юноше чашу с отравленным вином, Тезей вынул из ножен отцовский меч — как будто для того, чтобы отрезать себе кусок хлеба. Эгей узнал свой меч и понял, кто этот юноша, пришедший к нему. В ужасе вырвал он из рук его и бросил на пол отравленную чашу и раскрыл объятия своему

Эгѣй узнал свой меч и понялъ, кто этот юноша,
пришедший к нему.

сыну. Увидев это, Медэя мгновенно скрылась из дворца и покинула Афины.

Эгей велел оповестить афинян о прибытии своего сына, их будущего царя, и весёлым пиром отпраздновал свою встречу с Тезеем.

Но враги Эгея, которые давно хотели отобрать у него Афины и ждали только смерти старого царя, чтобы занять город, были очень недовольны появлением молодого наследника. Они решили силой помешать ему. Отправили в Афины отряд воинов, меньшую его часть направили к городским воротам, а другая — сильнейшая — должна была тайно обойти город и напасть на афинян с тыла. Тезей понял хитрость противника, внезапно сам напал на тех, кто был в засаде, в тылу, и уничтожил всех воинов до единого. А те, что подступали к воротам, узнав о гибели остального отряда, смущались и обратились в бегство. Так Тезей избавил отца от давних его врагов и надеялся, что никто не нарушит больше покоя и мира в Афинах.

Но однажды утром он был разбужен криками народа и увидел город в смятении. Ему рассказали печальную историю.

Был когда-то праздник в Афинах. Съехались гости из разных городов. Шли состязания юношей в силе и ловкости, беге и борьбе. Сын критского царя Миноса победил в состязаниях всех афинских бойцов. Эгей не мог снести этого. Он предложил победителю показать свою силу — укротить свирепого быка, с которым никто не мог справиться. Бык растерзал критянина.

Тогда Минос снарядил свой корабль, пошёл войной на Афины и осадил город. Афиняне не выдержали жестокой осады — голод вынудил их сдать. Минос потребовал с Афин страшной

дани: каждые девять лет семь девушек, самых красивых, и семь юношей, самых сильных, должны были отправиться на остров Крит. Там на берегу моря был огромный мрачный дворец — Лабиринт, его выстроил когда-то знаменитый греческий строитель Дедал, когда пленником жил у Миноса на Крите. В этом дворце было столько комнат и зал, столько дверей и переходов и так хитро был запутан план его, что тот, кто попадал во дворец, без конца кружил по нему и уже не мог найти из него выхода. Как огромная западня был Лабиринт: в самом центре его, куда вели все запутанные ходы, жил людоед Минотавр — чудовище с головой быка. Говорили, что Минотавр был рожден Пасифаей, женой Миноса, и царь приказал построить Лабиринт, чтобы скрыть в нем свой позор. На съедение Минотавру Минос отдавал афинских юношей и девушек.

И вот вновь наступил страшный срок. В афинской гавани снаряжали корабль и в знак печали подымали на нем черный парус. Плач раздавался в домах обреченных.

Афиняне толпой пришли во дворец. Они сказали Эгею:

— Мы отдаем чудовищу своих детей, а твой сын остается с тобой, и ты не разделяешь нашего горя.

Тезей не мог слышать эти упрёки.

— Я готов, — отвечал он афинянам, — заменить одного из ваших сыновей и отправиться на Крит вместе с другими. Но, клянусь вам, мы не погибнем! Я убью кровавого Минотавра и навсегда освобожу вас от тяжелой дани.

Эгей пришел в ужас, услышав эти слова. Он умолял Тезея остаться в Афинах, уговаривал

афинян не отдавать чудовищу их будущего царя. Но Тезей уверял отца, что не погибнет и вернется победителем. Он обещал опечаленному отцу: если останется жив, то на обратном пути прикажет поставить на корабле белый парус вместо черного, чтобы отец увидел издали этот светлый знак победы.

Настал день отъезда. Семь юношей и семь девушек вошли на корабль и поплыли к острову Криту, полные страха и тайной надежды.

Когда афинский корабль приплыл к Криту и остановился у пристани, Минос приказал тотчас привести обреченных к себе во дворец. Они шли по берегу моря, и критяне смотрели на них и говорили об их жестокой судьбе. Тезей шел впереди всех, смелый и прекрасный, и ободрял товарищей. Когда их привели к царю, Минос стал насмехаться над ними и оскорбил одну из девушек. Тезей горячо вступился за нее.

— Кто ты такой, чтобы возражать мне, царю Крита, сыну великого Зевса? — высокомерно спросил Минос.

— Я тоже царского рода, я сын царя, и бог морей Посейдон — мой защитник и покровитель с детства, — отвечал царю Тезей.

За этим спором следила со страхом дочь Миноса, красавица Ариадна. Она сразу отличила Тезея среди афинских юношей — он пленил ее своей мужественной красотой, бесстрашием и тем, как горячо защитил свою подругу. Ариадна тайне позавидовала девушке, в сердце ее зажглась любовь к афинскому царевичу. Поэтому она испугалась, когда Минос сказал со злой усмешкой:

— Если правда, что Посейдон — твой покро-

витель, пусть он поможет тебе достать это кольцо.

И, сняв с пальца золотое кольцо, царь бросил его в море.

Тезей смело кинулся в волны.

Крик замер в устах Ариадны, в страхе прижались друг к другу пленники. Все молча смотрели на море и ждали. Время бежало, и никто не надеялся, что юноша может вернуться.

Но, едва только волны сомкнулись над головой Тезея, слуга Посейдона Тритон взял юношу на руки и отнес его в жилище морского царя. Там Посейдон и царица морей Амфитрита обласкали юного героя и вручили ему кольцо Миноса. И снова Тритон подхватил его и вынес из глубины моря к берегу, где люди ждали его.

И вот уже Тезей стоял перед Миносом и протягивал ему кольцо. Радостными криками приветствовали афиняне своего смелого товарища, и дивились происшедшему критяне, собравшиеся на берегу.

Царь Минос приказал немедленно отвести пленников в Лабиринт и запереть там.

Тогда Ариадна решила спасти Тезея.

Когда семь девушек и семь юношей подошли к Лабиринту, Ариадна была уже там, у входа. Она дала Тезею клубок ниток и научила закрепить конец нити у входной двери и, идя по Лабиринту, потихоньку разматывать клубок, чтобы нить тянулась через все комнаты, по каким они пройдут. Тезей послушался, вошёл в Лабиринт, и товарищи с ним; разматывая клубок, они дошли до логовища Минотавра. Увидев чудовище с бычьей головой, юноши и девушки оробели и отступили назад. Тезей один пошёл на него и в жестоком поединке победил и убил Минотавра,

к великой радости своих товарищей, которые, в страхе прижавшись к стенам, ждали исхода борьбы. При виде убитого Минотавра юноши громко славили Тезея, а девушки обнимали друг друга и плакали от радости. Потом, держась за спасительную нить Ариадны, они вернулись назад по запутанным ходам и благополучно выбрались из Лабиринта.

Ариадна ожидала их у входа. Спасённые направились в гавань, где стоял их корабль, и Ариадна последовала за ними. Она знала, что отец её сильно разгневается, узнав о победе Тезея и бегстве афинян, и захочет послать за ними в погоню корабль. Она научила Тезея и его товарищей прорезать днища критских кораблей, стоявших в гавани. Потом, взойдя на свой корабль, афиняне поспешно отплыли от Крита. И Ариадна отправилась с ними — она надеялась, что, в благодарность за её помощь, Тезей ответит на её любовь.

По пути они пристали к острову Наксосу, чтобы провести ночь на земле и хорошенько отдохнуть, потому что уже давно они не спали и были утомлены.

Ночью во сне Тезей услышал голос, который приказывал ему оставить Ариадну на острове и плыть домой без неё. Тезей разбудил товарищей, и они потихоньку покинули Наксос, оставив Ариадну спящей.

Проснувшись утром, Ариадна увидела, что она покинута афинянами. С криком бросилась она к морю и жадно смотрела вдаль и звала Тезея. В отчаянии упала она на землю и просила себе смерти у богов.

Но вместо чёрного бога смерти к ней явился весёлый бог Дионис, успокоил и утешил её. Он сделал Ариадну своей женой, бессмертной богиней и подарил ей венец из сверкающих звёзд. Ариадна возложила свой венец на небо,— и там он блещит и светит среди других созвездий.

Тезей возвращался в Афины. Попутный ветер надувал чёрный парус, и морские волны подгоняли корабль. Сидя на борту корабля, Тезей глядел туда, где в тумане скрылся Наксос, и раскаяние мучило его. Он вспоминал красоту Ариадны и помощь, которую она оказала ему и его товарищам, выведя их из Лабиринта, — и раскаивался, что покинул её одну на острове. Полный мрачных мыслей, Тезей позабыл обещание, данное отцу, и не сменил чёрный парус на белый на своём корабле.

Эгей ждал возвращения сына. Старый царь сидел на берегу, глядя на море: не покажется ли вдали белый парус, не возвращается ли домой любимый сын. Наконец далеко у края моря появился парус, но — чёрный. Чёрный парус — знак смерти!

Свет померк в глазах Эгея. В отчаянии он бросился с высокого берега в море.

Когда корабль подошёл к городу и Тезей торжественно сошёл на родную землю, его встретила весть о гибели отца. Это было отмщение. И печальным было начало его царствования в Афинах.

А море, в котором бедный отец нашёл себе могилу, с тех пор называют люди Эгейским.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

На севере Греции, во Фракии жил певец Орфей. Чудесный дар песен был у него, и слава о нём шла по всей земле греков.

За песни полюбила его красавица Эвридика. Она стала его женой. Но счастье их было недолговечно. Однажды Орфей и Эвридика были в лесу. Орфей играл на своей семиструнной кифаре и пел. Эвридика собирала цветы на полянах. Незаметно она отошла далеко от мужа, в лесную глушь. Вдруг ей почудилось, что кто-то бежит по лесу, ломая сучья, гонится за ней, она испугалась и, бросив цветы, побежала назад, к Орфею. Она бежала, не разбирая дороги, по густой траве и в стремительном беге ступила в змеиное гнездо. Змея обвилась вокруг её ноги и ужалила. Эвридика громко закричала от боли и страха и упала на траву. Орфей услышал издали жалобный крик жены и поспешил к ней. Но он увидел, как между деревьев мелькнули большие чёрные крылья, — это Смерть уносила Эвридику в подземное царство.

Велико было горе Орфея. Он ушёл от людей и целые дни проводил один, скитаясь по лесам, изливая в песнях свою тоску. И такая сила была в этих тоскливых песнях, что деревья сходили со своих мест и окружали певца. Звери выходили

из нор, птицы покидали свои гнёзда, камни сдвигались ближе. И все слушали, как он тосковал о своей любимой.

Проходили ночи и дни, но Орфей не мог утешиться, с каждым часом росла его печаль.

— Нет, не могу я жить без Эвридики! — говорил он. — Не мила мне земля без неё. Пусть и меня возьмёт Смерть, пусть хоть в подземном царстве буду вместе с моей любимой!

Но Смерть не приходила. И Орфей решил сам отправиться в царство мёртвых.

Долго искал он вход в подземное царство и, наконец, в глубокой пещере Тэнара нашёл ручеёк, который тек в подземную реку Стикс. По

руслу этого ручья Орфей спустился глубоко под землю и дошел до берега Стикса. За этой рекой начиналось царство мертвых.

Черный и глубокий воды Стикса, и страшно живому ступить в них. Вздохи, тихий плач слышал Орфей за спиной у себя — это тени умерших ждали, как и он, переправы в страну, откуда никому нет возврата.

Вот от противоположного берега отделилась лодка: перевозчик мертвых, Харон, плыл за ногами пришельцами. Молча причалил к берегу Харон, и тени покорно заполнили лодку. Орфей стал просить Харона:

— Перевези и меня на тот берег!

Но Харон отказал:

— Только мертвых я перевозю на тот берег. Когда ты умрешь, я приеду за тобой!

— Сжался! — молил Орфей. — Я не хочу больше жить! Мне тяжело одному оставаться на земле! Я хочу увидеть мою Эвридику!

Суровый перевозчик оттолкнул его и уже хотел отчалить от берега, но жалобно зазвенели струны кифары, и Орфей запел. Под мрачными сводами Аида разнеслись печальные и нежные звуки. Остановились холодные волны Стикса, и сам Харон, опершись на весло, заслушался песни. Орфей вошел в лодку, и Харон послушно перевез его на другой берег. Услышав горячую песню живого о неумирающей любви, со всех сторон слетались тени мертвых. Смело шел Орфей по безмолвному царству мертвых, и никто не остановил его.

Так дошел он до дворца повелителя подземного царства — Аида и вступил в обширный и мрачный зал. Высоко на золотом троне сидел

гро́зный А́ид и ря́дом с ним его́ прекра́сная ца-
ри́ца Персефо́на.

Со сверка́ющим мечо́м в руке́, в чёрном пла-
ще́, с о́громными чёрными крýльями, сто́ял за
спиной А́ида бог Смер́ти, а вокрýг него́ толпи́лись
прислужни́цы его́, Ке́ры, что лета́ют на по́ле бит-
вы и отнима́ют жизнь у во́инов. В сторо́не от
тро́на сидели́ суро́вые сýдьи подзе́много ца́рства
и суди́ли уме́рших за их земны́е дела́.

В те́мных угла́х за́ла, за коло́ннами, прýта-
лись Воспоми́нания. У них в руке́х бы́ли бичи́ из
живы́х змей, и о́ни бо́льно жа́лили сто́явших
пе́ред судо́м.

Мно́го вся́ких чудови́щ уви́дел Орфе́й в ца́р-
стве ме́ртвых: Ла́мию, кото́рая краде́т по но́чам
ма́леньких дете́й у матере́й, и стра́шную Э́мпýзу с
осли́ными нога́ми, пью́щую кровь люде́й, и сви-
ре́пых стиги́йских соба́к.

То́лько мла́дший брат бо́га Смер́ти — бог
Сна, ю́ный Ги́пнос, прекра́сный и ра́достный,

носился по залу на своих лёгких крыльях, мешая в серебряном роге сонный напиток, которому никто на земле не может противиться, — даже сам великий Громовёржец Зевс засыпает, когда Гипнос брызжет в него своим зельем.

Аид грозно взглянул на Орфея, и все вокруг задрожали.

Но певец приблизился к трону мрачного владыки и запел ещё вдохновеннее: он пел о своей любви к Эвридике.

Не дыша слушала песню Персефона, и слёзы катились из её прекрасных глаз. Грозный Аид склонил голову на грудь и задумался. Бог Смерти опустил вниз свой сверкающий меч.

Певец замолк, и долго длилось молчание. Тогда поднял голову Аид и спросил:

— Чего ты ищешь, певец, в царстве мёртвых? Скажи, чего ты хочешь, и я обещаю тебе исполнить твою просьбу.

Орфей сказал Аиду:

— Владыка! Коротка́ наша жизнь на землѣ, и всех нас когда-нибудь настига́ет Смерть и уводит в твоѣ царство,— никто́ из смѣртных не может избежа́ть её. Но я, живо́й, сам пришѣл в царство мѣртвых проси́ть тебя: верни́ мне мою́ Эвриди́ку! Она́ ещё так ма́ло жи́ла на землѣ, так ма́ло успе́ла пора́доваться, так недолго любила... Отпусти́, повелитель, её на зѣмлю! Дай ей ещё немно́го пожи́ть на свѣте, дай насладиться со́лнцем, теплѡм и свѣтом, и зѣленью полѣй, весѣнней прѣлестью лесѡв и моѣй любѡвью. Ведь всё равно́ по́сле она́ вернѣтся к тебе!

Так говори́л Орфе́й и проси́л Персефо́ну:

— Заступи́сь за меня́, прекра́сная цари́ца! Ты ведь зна́ешь, как хороша́ жизнь на землѣ! Помоги́ мне верну́ть мою́ Эвриди́ку!

— Пусть бу́дет так, как ты про́сишь! — сказа́л Аид Орфе́ю.— Я верну́ тебе Эвриди́ку. Ты мо́жешь увести́ её с собо́й на ве́рх, на свѣтлую зѣмлю. Но ты до́лжен обеща́ть...

— Все́, что прика́жешь! — воскли́кнул Орфе́й.— Я гото́в на все́, что́бы уви́деть вновь мою́ Эвриди́ку!

— Ты не до́лжен ви́деть её, пока́ не вы́йдешь на свет,— сказа́л Аид.— Возвраща́йся на зѣмлю и знай: сле́дом за тобо́й бу́дет иди́ти Эвриди́ка. Но не огля́дывайся наза́д и не пыта́йся посмотре́ть на неё. Оглянешься — потеря́ешь её наве́ки!

И Аид прика́зал Эвриди́ке сле́довать за Орфе́ем.

Бы́стро напра́вился Орфе́й к вы́ходу из царст­ва мѣртвых. Как дух, миновáл он страну́ Смѣрти, и тень Эвриди́ки шла за ним. Онí вошли́ в лѡдку Харѡна, и он безмо́лвно перевѣз их обрат­но к бе́регу жи́зни. Крута́я каменистая тропи́нка велá на ве́рх, на зѣмлю.

Медленно поднимался в гору Орфей. Темно и тихо было вокруг, и тихо было у него за спиной, словно никто не шёл за ним. Только сердце его стучало: «Эвридика! Эвридика!»

Наконец впереди стало светлеть, близок был выход на землю. И чем ближе был выход, тем светлее становилось впереди и вот уже всё стало ясно видно вокруг.

Тревога сжала сердце Орфея: здесь ли Эвридика? Идёт ли за ним? Забыв всё на свете, остановился Орфей и оглянулся.

— Где ты, Эвридика? Дай взглянуть на тебя!

На мгновение, совсем близко, увидел он милую тень, дорогое, прекрасное лицо... Но лишь на мгновение. Тотчас отлетела тень Эвридики, исчезла, растаяла во мраке.

— Эвридика?!

С отчаянным криком Орфей стал спускаться назад по тропинке и вновь пришёл на берег чёрного Стикса и звал перевозчика. Но напрасно он молил и звал: никто не отозвался на его мольбы. Долго сидел Орфей на берегу Стикса один и ждал. Он не дождался никого.

Пришлось ему вернуться на землю и жить. Но он не мог забыть свою единственную любовь — Эвридику, и память о ней жила в его сердце и в его песнях.

Г Е Р А К Л

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Когда пришло время родиться Герáклу, на Олімпе был пир богов. Владыка міра Зевс возвестил богам, что в этот час на землѣ среди людей родится величайший герой, который будет одарен могучей силой, совершит великие дела и прославится на все времена.

— Он будет моим любимым сыном, я дам ему власть над всей Грецией, и другие герои будут служить ему! — сказал Зевс.

Гѣра, супруга Зевса, обиделась, что такую силу и славу Зевс хочет дать сыну смертной женщины. Мгновенно у нее возник коварный план. Она сказала Зѣвсу:

— Поклянись же, что тот, кто первый родится в этот час, получит власть над всей Грецией и другие герои должны будут служить ему!

Если бы Зевс взглянул в тот миг на свою божественную супругу, он понял бы, что она задумала недоброе, потому что ни у кого на землѣ и на небѣ не могло быть тайн от владыки міра ни в делах, ни в мыслях. Но в эту минуту Ата, богиня обмана, отвлекла его внимание, и Зевс не заметил хитрости Гѣры. Он поднял свою золотую чашу и сказал:

— Клянусь! Так будет!

Две жѣнщины на землѣ ожидали в тот час ребѣнка: в Фѣвах царѣца Алкмѣна, которую Зевс выбрал в матери великому герою, и в Микѣнах аргосская царѣца. Тогда Гѣра своей властью задержала рождѣние одного и ускорила появлѣние второго. И вот сначала явился на свет с жалобным плачем хилый и слабый аргосский царевич Еврисфѣй, а уж после него сын Алкмѣны. Как только родился Еврисфѣй, Гѣра объявила Зѣвсу:

— Радуйся, Громовѣржец: сейчас на землѣ родился тот, кого ты обещал сдѣлать господином всей Греции!

Зевс понял злую проделку Гѣры. Лицо его потемнело от гнѣва. Все смолкли, ожидая грозы.

Тогда Громовѣржец обрушился на богиню обмана Ату. Он сбросил её с Олимпа на землю и навсегда запретил появляться среди богов в своём светлом небесном домѣ. С тех пор богиня обмана живѣт среди людей на землѣ и своими злыми выдумками сеет вражду между ними.

Потом владыка мира обратился к Гѣре и сказал ей:

— Я знаю, теперь ты будешь преслѣдовать сына Алкмѣны, подвергать его многим опасностям. Но он выдержит все испытанія, одолеет все препятствия, а твои усилія помешать ему только увеличат его славу. Он совершит подвиги, каких до него не совершал никто, и одержит много славных побѣд. А когда он кончит свои земные дела, я подыму его на Олимп, и ты сама примешь его в круг бессмертных. И пусть будет имя ему Геракл, что значит «прославленный Герой».

ГЕРА ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ ГЕРАКЛА

Амфитрион, царь Фив, верну́лся из похода и отды́хал от военных трудов. Острый меч его́ по́койно висел на стене́ над постелью. А в глубо́ком щите́ его́, как в колыбёли, спа́ли Ифи́кл и Ге́ракл, два ма́леньких сы́на Алкме́ны. Она́ устла́ла щит кудря́вой шелкови́стой шку́рой бе́лого ба́рана, что́бы де́тям бы́ло мя́гко спать.

Была́ тёплая ти́хая ночь, и луна́ свети́ла в полуоткры́тую дверь. Все спа́ли во дворце́ — и царь, и ца́рица, и служанки, и во́ины ца́ря.

В по́лночь послы́шался шоро́х на ка́менных плита́х терра́сы, и в спа́льню из са́да ти́хо вползли́ две зме́й — злы́е посланни́цы боги́ни Ге́ры. Они́ проползли́ ми́мо ло́жа ца́рицы и качну́ли щит, в кото́ром спа́ли де́ти. Кру́глые зме́йные го́ловы подня́лись над кра́ем щита́, зме́йные глаза́ засвети́лись, вся ко́мната напо́лнилась зеленова́тым сия́нием. С лёгким сви́стом кача́лись зме́и над спя́щими детьми́, вы́сунув дли́нные че́рные язы́ки.

Ма́льчики вдруг просну́лись. Ифи́кл испуга́лся, закрича́л, переки́нулся че́рез край щита́ и по́полз прочь, пла́ча и зова́ мать. Зме́и не трону́ли его́; они́ вползли́ в колыбёль и обви́ли ма́ленького Ге́ракла холо́дными, ско́льзкими ко́льцами. Ге́ракл засмея́лся, протяну́л ру́ки, сло́вно игра́я, и схвати́л зме́й за ше́и. Злы́е га́дины извива́лись в рука́х ребёнка, стара́ясь ужа́лить его́, а он всё крѣпче сжима́л их, пока́ не задуши́л совсе́м. Смо́гло шипѣние, и свет в зме́йных глаза́х по́мерк.

Плач Ифи́кла разбуды́л Алкме́ну. Она́ в стра́хе вскочи́ла с постѣли и позвала́ на по́мощь. Амфитрион схвати́л свой меч и прибежа́л в

Мáленький Герáкл засмеялся, протяну́л ру́ки
и схвати́л змей за ше́и.

комнату царьцы. Сбежались служанки и воины, принесли светильники и при свете их увидели: маленький Геракл лежал невредимый в своей колыбели, держа в руках задущенных змей, и смеялся.

Гераклу было в то время не больше года.

ВЫБОР ПУТИ

Когда Геракл немного подрос, Амфитрион стал его учить всему, что должен уметь и знать воин: стрелять из лука, владеть мечом, метать копье, биться на кулачках, управлять конями. Царь хотел также, чтобы Геракл вырос просвещенным человеком и знал толк в науках и искусствах. Но Геракл не был прилежен в этом, и часто учителя его были им недовольны.

Однажды учитель музыки рассердился на Геракла и ударил его. Мальчик пришел в ярость и с такой силой бросил в учителя кифарой, что тот упал мертвый.

Амфитрион разгневался и приказал судить Геракла. Но юный Геракл горячо защищался:

— Он первый ударил меня! На удар надо отвечать ударом. Я не хотел убить его. Я не знал, что в моем ударе такая сила.

Тогда Амфитрион стал опасаться силы Геракла и, чтобы он не натворил еще каких-нибудь бед, послал его в горы пасты стада. Там на высоких горных лугах и в лесу Геракл провел несколько лет, жил, как простой пастух, трудясь и закаляя свое здоровье.

К двадцати годам он вернулся в Фивы, готовый к подвигам и жаждущий испытать свои силы.

Тем временем в Микéнах, в Аргосе, вырастал царевич Еврисфéй, опередивший Герáкла рождением. Ни красотой, ни умом, ни силой, ни мужеством он не был одарен. Но по слову Зéвса, украденному Герóй, он должен был получить власть над всей Грецией, предназначенную Герáклу, и сам Герáкл должен был служить ему.

Когда Еврисфéю исполнилось двадцать лет, умер его отец, и Еврисфéй стал царем в Микéнах.

Его покровительница Гéra тотчас велела ему призвать к себе Герáкла.

Гонец Еврисфéя отправился в Фíвы и сказал, что его господин требует, чтобы Герáкл, повинаясь воле богов, явился служить ему. Двадцать раз должен Герáкл выполнить то, что прикажет ему Еврисфéй,— тогда царь обещает отпустить его.

Друзья Герáкла, с которыми он проводил дни, уговаривали его не слушаться Еврисфéя и остаться в Фíвах.

Герáкл знал, что силой нельзя принудить его служить Еврисфéю, но мысль о подвигах, которые он мог совершить, волновала его.

В глубоком раздумье, полный сомнений, возвращался он однажды домой и на дороге увидел двух женщин, шедших к нему с двух сторон.

Одна была в простой белой одежде, гладко причёсана. Глаза её смотрели ясно и прямо, все движения были покойны и свободны. Неторопливо, с достоинством шла она к Герáклу и, остановившись перед ним, дружески приветствовала его.

Другая женщина была очень красива. Яркий, пёстрый наряд подчёркивал её красоту. Лицо её

было набелено и нарумянено, брови подведены и губы подкрашены, волосы заплетены в множество мелких кос и хитро уложены на голове. На голых руках женщины звенели золотые браслеты, и она шла, точно танцевала.

Легко подбежала она к Гераклу, взяла его нежно за руки и сказала, заглядывая в глаза:

— Ты сомневаешься и раздумываешь, лицо твоё мрачно, брови нахмурены... Брось, не утруждай себя думами, посмотри на меня и улыбнись скорее! Жизнь прекрасна, и в ней столько радостей! Живи для себя. Жизнь — весёлый праздник, и единственная забота — получать как можно больше удовольствия: вкусно есть, сладко спать, красиво наряжаться и ничем не утомлять себя. Счастлив тот, кто может прожить всю жизнь, как гость на пиру: без трудов и забот! Идём со мной, и ты будешь счастлив!

Так говорила красавица и тянула Геракла за собой.

Очарованный, смущённый, он уже готов был последовать за нею, но другая женщина остановила его.

— Стыдись! — сказала она презрительно. — Боги дали тебе могучую силу, а ты хочешь бездельничать и пировать, пользуясь трудами других, как беспомощное дитя. Сильный распоряжается жизнью, как хозяин, он сам делает её прекрасной — он борется со злом и очищает землю от чудовищ и врагов. Сила и ум даны человеку для борьбы. Чем сильнее человек, тем труднее его жизнь.

— Слышишь? — сказала Гераклу, смеясь, красавица. — Пойди за нею, и ты не узнаешь радости, не будешь иметь ни покоя, ни отдыха.

— Отдых хоро́ш по́сле рабо́ты,— возра́дила пе́рвая же́нщина,— поко́й дае́т челове́ку споко́йная со́весть. А са́мая большо́я ра́дость для ге́роя — знать, что ты сде́лал что́-то до́брое и не зря жил на землѣ. Послу́шай меня́, друг! Сего́дня пра́здник, за́втра пир — и ду́ша челове́ка опустоша́ется, ску́ка брѳдит по до́му. От оби́льной е́ды пропада́ет желáние есть, от ли́шнего сна челове́к стано́вится рассла́бленным и вялым. Печáльна судьба́ челове́ка, кото́рый всю жизнь то́лько гость на чужѳм пирѳ. Когда́-нибудь окѳнчится пир, слѳги вы́гонят засидѳвших, и он оста́нется одѳн на пусто́й ѳлице. Ко́му он бу́дет ну́жен, кто позабо́тится о нѳм? Лишь тот, кто потруди́лся в молодые́ го́ды, заслужи́т поче́т и беззабо́тную

ста́рость. В бѣтвах, в походах, в дальних доро́гах, в единобо́рстве с чудовищами, в сражѣниях с врага́ми сча́стье героя!

При э́тих слова́х лицо́ жѣнщины засия́ло необыкновенным свѣтом, и Ге́ракл, оста́вив красавицу, воскликнул:

— Боги́ня, я иду́ за тобо́й!

Мгнове́нно исче́зли из глаз обо́е жѣнщины, да́же следо́в не оста́лось на пы́льной доро́ге, сло́вно всё э́то приви́делось Ге́раклу. Но тепе́рь вѣсело и решѣтельно он поспеши́л домо́й — он знал, что́ ему́ де́лать.

— Я иду́ в Мике́ны, — сказа́л он наутро родным и друзья́м. — Я до́лжен испо́лнить во́лю бого́в и соверши́ть двена́дцать по́двигов, кото́рых потре́бует от меня́ Еврисфе́й.

Никто́ не посме́л его́ отгова́ривать, а са́мый бли́зкий его́ друг, Иола́й, вы́звался сопрово́ждать его́.

Ге́ракл сде́лал себе́ лук и стрѣлы, вы́ломал в лесу́ крѣпкую дуби́нку и отпра́вился к царю́ Еврисфе́ю.

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

Геракл убивает Немейского льва

Уже́ давно́ жи́тели Немѣи жа́ловались, что нельзя́ пастѣ скот на луга́х о́коло лѣса, что в лесу́ ни пройти́ ни проѣхать и да́же в дома́х нельзя́ спать споко́йно: огро́мный лев жил посре́ди Немѣйского лѣса, и ка́ждый день то овца́ из ста́да, то ребѣнок, то ми́рный пу́тник с доро́ги пропа́дали бессле́дно.

Да́же хра́брый во́ин с мечо́м и щито́м не выходѣл живым из Немѣйского лѣса, потому́ что

оружие было бессильно против свирёпого льва — ни копье, ни стрелы не могли пробить его шкуру, и острый меч не причинял ему никакого вреда.

— Горе нам! — говорили немейские крестьяне. — Скоро весь наш край будет опустошён.

Богиня Гера, покровительница царя Еврисфея, научила его потребовать от Геракла, чтобы он убил Немейского льва.

Геракл пришёл в Немёю и стал расспрашивать людей, живших около леса, далеко ли логовище льва и как найти его.

Но никто не хотел показать ему дорогу, никто не отважился проводить его.

— Лев сам найдёт тебя, лишь только ты войдёшь в лес, — говорили люди и с жалостью смотрели на молодого героя: они не верили, что он сможет победить страшного зверя.

Геракл один направился в лес. Высокие деревья обступили его со всех сторон, удивлённо качая верхушками, кустарники цеплялись за него, чтобы задержать, птицы кричали, чтобы напугать его, но он шёл вперёд и искал на земле следы зверя.

Шёл он недолго и вдруг услышал неподалёку глухое рычание льва и пошёл прямо на него. Лев тоже почувал врага и, взревев так, что весь лес задрожал, в несколько прыжков очутился перед Гераклом. Величественно остановился он против героя, злобно поводя глазами, с силой ударяя себя хвостом по бокам и дико рыча. Геракл не смутился и, подняв лук, быстро пустил стрелу прямо в глаз льву. Лев с досадой мотнул головой и лапой смахнул стрелу, как соломинку. Потом, присев, как кошка, он прыгнул с поднятой лапой, готовый раздавить смельчака. Геракл

увернулся и тяжёлой дубинкой со всей силой ударил льва по косматой голове. Но дубинка отскочила, не причинив льву вреда, и выпала из рук Геракла. Лев опять помотал головой, протяжно и громко зевнул и вдруг, как будто соскучившись, повернулся, побежал обратно в чащу леса и скрылся.

Герáкл пошёл за ним.

Скóро уви́дел он вход в пещéру и, отбросив лук и стрéлы, вошёл в неё. В пещéре было темнó, óщупью пробира́лся он вперёд. Вдруг лев вско́чил ему на грудь и хотёл растерзáть его, но Герáкл вцепи́лся обеими рука́ми в го́рло зве́ря, сдави́л его шею, то́чно желе́зным кольцо́м, и задуши́л.

Ту́ша льва была́ так велика́ и тяжела́, что Герáкл не мог поднять её.

Тогда́ он содрáл со льва шку́ру вме́сте с голово́й, надел её на себя́ и пошёл в Микéны.

Люди́ с кри́ком разбегáлись при ви́де Герáкла с льви́ной голово́й на плеча́х. Сам царь Еврисфе́й спря́тался от него́ в да́льний уго́л дворца́.

— Вот я принёс царю́ шку́ру Немейского льва,— сказа́л Герáкл.

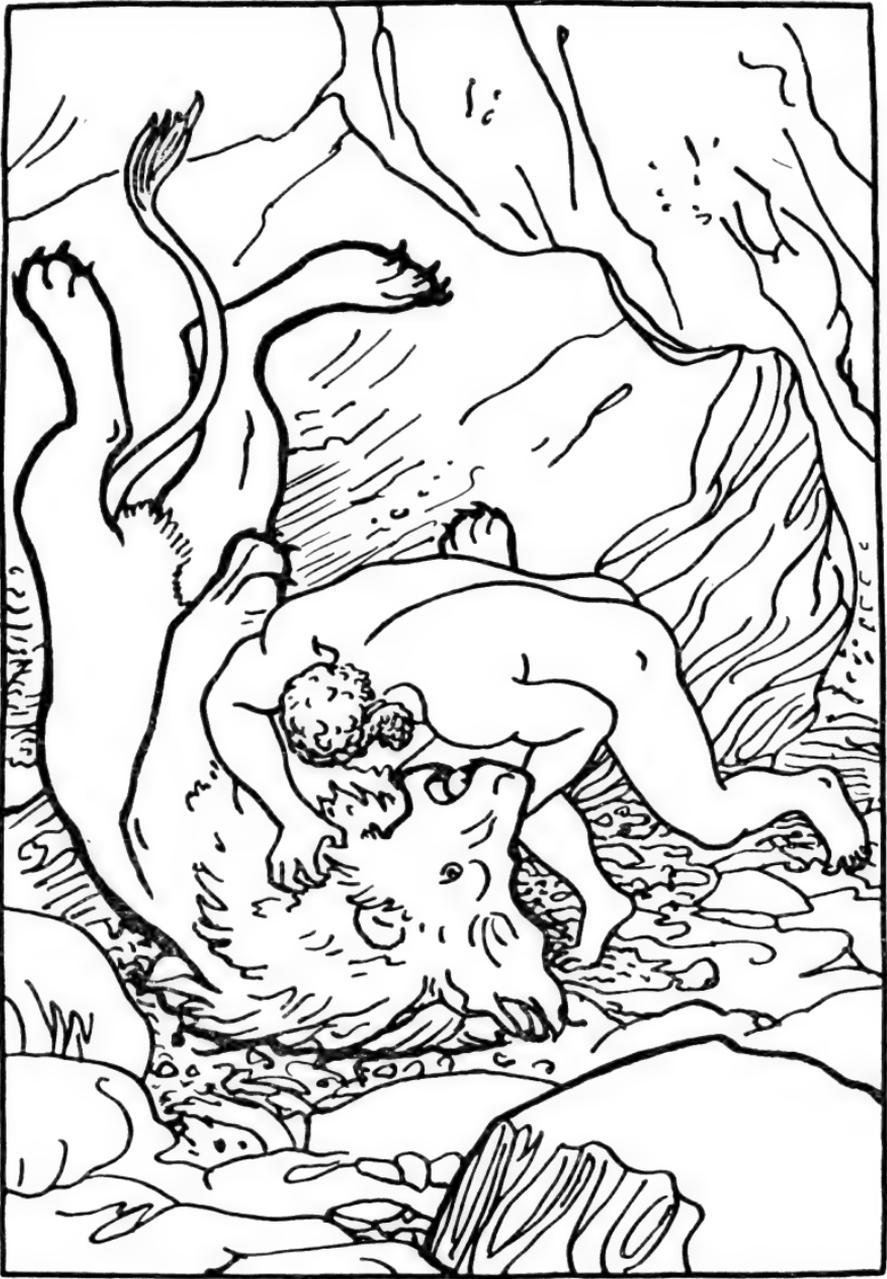
Но трусли́вый Еврисфе́й боя́лся да́же мёртвого льва и не реши́лся взгляну́ть на его́ шку́ру.

— Пусть Герáкл возьмёт её себе́,— прика́зал царь.

— Благодарю́,— сказа́л Герáкл и унёс льви́ную шку́ру с собо́й.

Он стал носить её как плащ, и она́ хорошо́ укрывáла его́, потому́ что ни меч, ни стрéлы не могли́ пробить её.

Прикрывшись шку́рой Немейского льва, Герáкл отпра́вился выполня́ть второ́й прика́з царя́ Еврисфе́я.

Герáкл вцепи́лся обе́ими рука́ми в го́рло зве́ря
и задуши́л его́.

ВТОРОЙ ПОДВИГ

Геракл уничтожает Лернейскую гидру

Недалеко от Аргоса находилось обширное Лернейское болото.

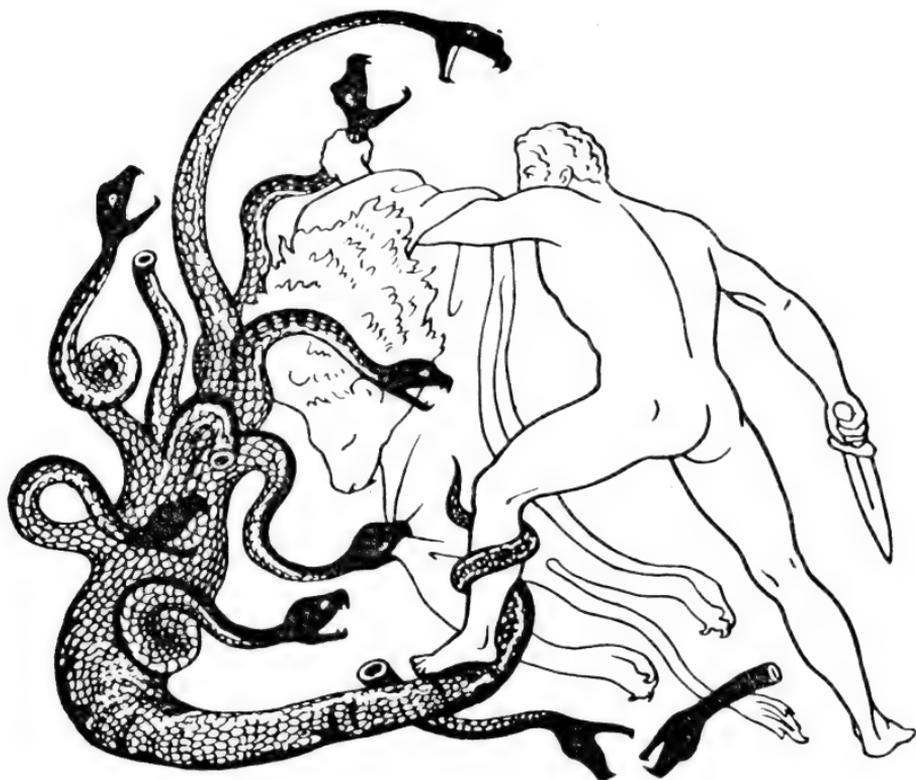
Чистый и свежий источник вытекал здесь из-под земли, но слабый ручеек не мог пробить себе дорогу к реке или к морю и растекался вокруг в низине. Вода застаивалась, зарастала мхом и болотными травами, и огромная долина превратилась в болото. Яркая зелень, всегда покрывавшая болото, манила к себе усталого путника, но едва он ступал на зелёную лужайку, с шипением и свистом выползало из трясины девятиголовое чудовище — гидра. Она обвинялась своим змеиным хвостом вокруг человека, затягивала его в болото и пожирала.

Вечером, когда гидра, насытившись, засыпала, ядовитое дыхание её девяти пастей вставало туманом над болотом и отравляло воздух. Тот, кто дышал этим воздухом, заболевал, долго болел и умирал. Поэтому люди старались не приближаться к болоту и боялись селиться около этого страшного места.

И вот царь Еврисфей приказал Гераклу уничтожить Лернейскую гидру.

Геракл отправился в Лерну на колеснице, которой правил его друг Иолай. Доехав до болота, Геракл оставил Иолая с колесницей у дороги, а сам зажёл факел и отважно зашагал к болоту.

Гидра в тот час была сыта и дремала. Геракл стал пускать в неё горящие стрелы, зажигая концы их факелом. Раздразнив гидру, он заставил её выползти из болота. Холодным, скользким хвостом она обвиняла левую ногу Геракла, и все

дѣвять голѳвъ зашипѣли вѳкруѳг неѳго. Герáкл поплотнѣй завернулсѳ в львѳнѳю шкѳру, надёжнѳю зашѳитницу и от зверѳных зубѳв и от змеѳного жáлá, вѳнул меч и стал рубѳть однѳ за другѳй стрáшные гѳловы гѳдры.

Но едвá стекáла из рáны чѳрнáя кровѳ, на мѳсте отрѳбленнѳй голѳвѳ выростáли две другѳе, ещѳ злѳе, ещѳ стрáшнѳе. Скѳро Герáкл был окружѳн слѳвнѳо живѳым кустѳм шипѳющих голѳв, и все онѳ тянѳлись к немѳ, разевáя кровáвые пáсти.

Он не мог сдвѳинутьсѳ с мѳста — ногá еѳго былá в кольцѳ змеѳного хвостá, рукá устáла рубѳть всѳ нѳвые и нѳвые гѳловы гѳдры. Вдруг он почѳвствовал боль в прáвой ногѳ и, нагнѳвшись,

увидел рака, который клешней впился ему в пятку.

Герáкл засмеялся:

— Двое против одного? Это нечестно! Борьба неравна. Теперь и я имею право позвать друга на помощь!

И он позвал Иолая, ждавшего у колесницы.

Герáкл дал ему факел и велел жечь огнём рану, как только меч снесёт голову гидры. И там, где огонь касался чудовища, уже не вырастали новые головы. Скоро последняя голова гидры скатилась в болото. Но она не хотела умирать даже после того, как была отрублена, и, лёжа на траве в крови, поводила злыми глазами и в немой ярости разевала пасть. Герáклу пришлось вынести её из болота и зарыть в землю, чтобы она не причинила кому-нибудь зла.

В чёрной крови Лернейской гидры Герáкл смочил концы своих стрел, и они стали смертельными — никакая сила не могла исцелить того, кто был поражён такой стрелой.

ТРЕТИЙ ПОДВИГ

Герáкл догоняет Керинейскую лань

Дровосёки, собиравшие хворост в лесу на склонах Аркадских гор, увидели однажды красавицу лань с золотыми рогами. Она стояла высоко на крутой скале и при виде людей умчалась, как вихрь, только ветки деревьев закачались да зазвенели по камням серебряные копыта.

Слух о чудесной лани пошёл по селениям, и многие охотники не раз отправлялись искать её. Но, едва завидев их, лань мгновенно скрывалась в нагорном лесу. Лес был густой, непрохо-

дѣмь, гора казалась недоступной для людей. Охотники возвращались в долину и говорили, что на свете не найдётся человека, который мог бы выследить и догнать эту лань.

В третий раз позвал Еврисфей Геракла и велел ему поймать Керинейскую лань и живую привести в Микены.

Геракл с другом своим Иолаем отправился в Аркадские горы. Он оставил дома свой лук и ядовитые стрелы, а вместо оружия взял с собой топор, лопату и нож.

Они прорубали просеки в густом лесу, пробивали ступени на каменных кручах, протопывали тропинки в высокой траве. Спилив деревья, герои перекидывали их мостом через ручьи и горные реки и связывали ветвями и крепкой корой. По этим висячим мостам они переходили пропасти, по ступеням и тропинкам поднимались всё выше в горы. Иногда лань на мгновение появлялась перед ними; блестя золотыми рогами и словно маня их за собой, она уходила всё дальше. Геракл с Иолаем терпеливо шли по её следам. Они переваливали через горные вершины, покрытые снегом, спускались в ущелья, переходили вброд ручьи и реки. Снежные лавины, скользя по кручам, осыпали их ледяной пылью, над ними проносились с грохотом горные грозы. Они встречали солнечный восход на вершинах, ночевали в дуплах больших деревьев и в густом кустарнике, питались ягодами, орехами, сладкими кореньями, пили воду из горных ключей — и неустанно, час за часом, всё выше поднимались и одолевали неприступные горы.

Лань всё чаще показывалась перед ними, словно начинала привыкать к людям, — она оставалась и глядела на них без боязни и убега-

ла уже не так стремительно, как прежде. Теперь убить её было бы легко, но они должны были взять лань живо́й — таков был приказ царя.

Наконец им удалось загнать лань на вершину и обойти. На узкой тропинке над пропастью её поджидал Иолай. Увидев его, лань повернулась, хотела бежать назад, но тут Геракл преградил ей путь. Она заметалась, не зная, куда бежать, и вдруг замерла на краю пропасти. В это мгновение Геракл накинул ей на рог сплетённую из ползучих растений верёвку и держал крепко, пока не подошёл Иолай. Вдвоём они повели пойманную лань по проторённым уже дорогам вниз с горы.

Внезапно на повороте тропинки, в лесу, перед ними явилась прекрасная женщина в короткой лёгкой одежде, с охотничьим луком в руках, с

колчаном за плечами. Лицо её было гневно, глаза сверкали. Повелительным жестом она остановила охотников, а лань сейчас же подбежала к ней и стала тереться головой о её руки.

Молодая охотница погладила её и сказала:

— О жадные люди! Разве вам мало дорог и полей в широких долинах там, внизу? Зачем вы нарушили тишину моего горного леса? Никогда ещё не ступала здесь нога человека... Теперь вы показали сюда путь людям, и на моих заповедных высотах загремят топор и лопата, а стрелы охотников распугают моих зверей и птиц. Зачем вы сделали это?

Геракл узнал дочь Зевса — Артемиду-охотницу.

— Не гневайся на нас, богиня! — отвечал он ей. — Мы пришли сюда по воле твоего отца,

великого Зѣвса, послáвшего нас служить лю́дям. Мы проложи́ли доро́гу на верши́ны, потому́ что земля́ вся должна́ стать досто́йнием челове́ка. Но лишь смѣлые и си́льные смо́гут поднимáться сю́да. Пусть отва́жные пойдúт за на́ми на э́ти высóты. Здесь прекра́сно, здесь во́льно ды́шится, и отсю́да далеко́ ви́дно всё вокру́г. Здесь во́здух чист, и сам челове́к, подня́вшись сю́да, стано́вится чи́ще и лу́чше.

Взгляд боги́ни смягчи́лся. Она́ потрепа́ла руко́й красáвицу лань и сказа́ла ей:

— Ступáй! Ты ско́ро вернёшься ко мне! — и скры́лась ме́жду дере́вьями.

Герáкл с Иола́ем пошли́ да́льше, ведя́ за собо́й по́йманную лань.

Обра́тный путь их был бы́стрее и ле́гче, потому́ что они́ шли по своим следáм и зарúбкам. Ско́ро они́ спусти́лись к подно́жию горы́. Герáкл напра́вился в Микéны и привёл во дворе́ц Еврисфе́я чуде́сную лань.

Но царь, боя́сь Артеми́ды, о́тдал лань Герáклу.

Герáкл вспо́мнил слова́ прекра́сной охóтницы: «Ты вернёшься ко мне!» Чтóбы испо́лнить желáние боги́ни, он верну́л лань Артеми́де.

ЧЕТВѐРТЫЙ ПОДВИГ

Геракл избавляет землю от Эриманфского вепря

И ле́том и óсенью, когда́ на поля́х созрева́ют о́вощи и хлеб, крестья́не, жи́вшие у горы́ Эриманф, с трево́гой осма́тривали по утра́м свои́ поля́ и всякий раз то тут, то там находили́ следы́ стра́шного опустоше́ния: земля́ была́ разры́та, посе́вы вы́топтаны, вы́рваны с ко́рнем и мно́го

плодо́в, ну́жных лю́дям, без пользы бы́ли разда́влены чьёй-то гру́бой си́лой.

Лю́ди говори́ли, что в дубо́вой ро́ще на го́рных скло́нах жи́л ди́кий ве́брь, кото́рый по но́чам спуска́лся с го́ры и опустоша́л поля́. Но так стра́шны́ бы́ли его́ клы́ки и копы́та, что никто́ не отва́живался пойти́ в лес и уби́ть зло́го хи́щника.

Царь Еврисфе́й прика́зал Ге́ра́клу отпра́виться на охóту за Эрима́нфским ве́рем.

Удивля́ясь, что до тех пор не нашло́сь в селе́нии ме́ткого стрелка́, потому́ что уби́ть каба́на не тако́е уж тру́дное де́ло, геро́й поше́л оди́н на Эрима́нфскую го́ру.

Взбира́ясь вверх по круто́му скло́ну, он услы́шал ко́нский то́пот, и вдруг ми́мо него́ промча́лся в доли́ну табу́н ди́ких коне́й. Но, пригляде́вшись при́стальнее, Ге́ра́кл уви́дел, что э́то бы́ли не ко́ни. Сло́вно полчелове́ка сросло́сь с полови́ной ло́шади — на ко́нском кру́пе челове́ческое ту́ловище с голо́вой и рука́ми. Издали ка́зало́сь, что свире́пые вса́дники мча́тся на бы́стрых коня́х.

— Кента́вры! — воскли́кнул Ге́ра́кл.

Как бу́ря, пронесли́сь кента́вры ми́мо Ге́ра́кла, лома́я всё на своём пу́ти, и помча́лись пра́мо в селе́ние, распо́ложенное под горой́.

«Э́то стра́шнее́ ди́кого ве́пря!» — подумал Ге́ра́кл и по́нял тепе́рь, почему́ Еврисфе́й посла́л его́ сюда́ на охóту.

Но он не испуга́лся и поше́л да́льше. Ско́ро он уви́дел пеще́ру, пе́ред кото́рой сто́ял на стра́же молодóй кента́вр.

Ге́ра́кл сме́ло подоше́л к нему́ и сказа́л друже́льно:

— Я ца́рский охóтник. Царь прика́зал мне вы́следить и уби́ть ди́кого ве́пря, кото́рый живёт здесь на го́ре. Не ука́жешь ли мне, как найти́ его́?

Кентавр отвечал охотно:

— Этот вепрь сильно досаждаёт и нам, обитателям этого леса. Из-за него я должен стеречь пещеру, чтобы он не опустошил наше жилище. Хорошо, если ты убьёшь его. Я укажу тебе след его. Но сначала будь моим гостем.

И он ввёл Геракла в пещеру, развёл огонь в очаге и стал угощать охотника мясом и плодами.

— Я привык пищу запивать вином, — сказал Геракл, — но у вас, наверно, нет вина.

— Как бы не так! — закричал хвастливо кентавр. — Сам Дионис, бог вина и веселья, подарил нам недавно целую бочку молодого вина. Так и быть, угощу тебя, но пусть об этом не знают мои товарищи.

И он открыл заветную бочку, зачерпнул вина себе и Гераклу, и они пили и веселились.

Вдруг у пещеры послышался стук копыт: запах вина привлек кентавров, и они прискакали, томимые жаждой. Узнав, что кто-то чужой проник в их жилище и пьет их вино, они рассвирепели и с дикими криками подступили к пещере.

Геракл из глубины пещеры стал бросать в них горящие головни из очага. Испугавшись огня, они убежали.

Геракл выбрался из пещеры и хотел уйти в лес. Но кентавры сторожили его и, увидев, что он один, ободрились и напали на него снова. Тогда он стал пускать в них стрелы, отравленные кровью Лернейской гидры, и один за другим они падали на землю мертвые.

В это время вышел из пещеры молодой кентавр, угощавший Геракла, и с удивлением смотрел на трупы кентавров, лежавшие вокруг.

— Как! Этот маленький кусочек дѣрева поражает насмерть? — спросил он. — Эта тонкая палочка может убить? — И он вынул стрелу из тѣла одного из убитых.

— Осторожно! — крикнул Герáкл.

Но было уже поздно: кентавр выронил стрелу из рук, и она вонзилась ему в ногу. Не охнув, не крикнув, он упал мёртвый.

Герáкл перенёс тѣла убитых кентавров в пещеру, завалил её большим камнем, как гробницу, и пошёл дальше.

Без труда выследил он в лесу вепря, ранил его в ногу, связал и, взвалив себе на плечи, вернулся в Микены и явился во дворец Еврисфея.

Дикая вепрь ревёл на весь дворец, и царь Еврисфей со страха залёз в большой медный чан для воды, стоявший на дворе.

Герáкл всё же разыскал его. Но едва царь увидал над краем чана страшную мёрду вепря, он замахал руками и закричал тонким голосом:

— Уходи, уходи скорее!

Герáкл посмеялся, ушёл и приказал зарезать вепря и устроить угощение народу.

ПЯТЫЙ ПОДВИГ

Герáкл разгоняет Стимфальских птиц

У бога войны Ареса была стая диких птиц. Когти и клювы у них были железные, а медные перья их, выпадая из тѣла, летели вниз со страшной силой и убивали, как стрелы. Птицы жили в горах, в глубине ущелья у Стимфальского озера. Воды из этого озера текали в подземную пещеру и посылали ручей в глубь земли, в царство мёртвых. Озеро было необитаемо, и его окру-

жа́ли го́лые ска́лы. То́лько на о́строве посре́ди о́зера рос вы́сокий тростни́к, и в нём жи́ли пти́цы бо́га войны́. Они́ пита́лись челове́чьим мя́сом и отсю́да вылета́ли ста́ей на крова́вую охóту.

Царь Еврисфе́й приказа́л Ге́раклу иди́ти к Стимфа́льскому о́зеру и прогна́ть птиц Ареса́ далеко́ за мо́ре. Ге́ракл позва́л с собо́й Иола́я, взял свой лук с ядови́тыми стрéлами и отпра́вился в го́ры. До́лго они́ блужда́ли по кру́чам, наконец пришл́и в ущелье́, на дне кото́рого лежа́ло Стимфа́льское о́зеро.

Пусты́нно и ди́ко бы́ло всё вокру́г: го́лые ка́мни — ни травы́, ни цветка́, ни де́рева. Ве́тер не шевели́л ря́бью гла́дную пове́рхность о́зера, ры́бка не выплёскива́лась из воды́, ящерица не гре́лась на со́лнце ме́жду ка́мнями. Ме́ртвая тишина́ стоя́ла над о́зером. Ге́ракл и Иола́й се́ли на ка́мни у са́мой воды́ и смотре́ли на неподви́жное о́зеро. Тоска́ на них напáла, уста́лость ско́вывала те́ло, ста́ло тру́дно дыша́ть.

— Со мно́й твори́тся что́-то нела́дное, — сказа́л Ге́ракл дру́гу, — тру́дно дыша́ть, се́рдце замира́ет, и лук выпада́ет из мои́х рук...

Волше́бный сон заваде́л ими́.

Тогда́ с островка́ посре́ди о́зера со зво́ном одна́ за друго́й подня́лись огро́мные кра́сные пти́цы. Верени́цей, друг за дру́гом, они́ кружи́ли над о́зером, над ущелье́м и ско́ро, как ту́ча, закры́ли всё не́бо, и багро́вая тень легла́ на́ воду.

Вдруг что́-то упáло о́коло спя́щего Ге́ракла, загреме́в о ка́мни, и он просну́лся.

Около него́ лежа́ла проста́я деревя́нная тре́щотка, кото́рой крестья́не прогоня́ют птиц из са́дов и огоро́дов. Её посла́ла геро́ю боги́ня Афи́на, му́драя наста́вница и помо́щница люде́й.

Ге́ракл вскочи́л, разбуди́л Иола́я, дал ему́

трещотку и велел трясти её. Она трещала и гремела над спящим озером, и горное эхо стоكرат умножало шум. Испуганные непривычными звуками, птицы бросались из стороны в сторону и разлетались в беспорядке, роняя перья. Геракл схватил лук и пускал в птиц стрелу за стрелой. Сраженные птицы падали в озеро, и тяжёлое оперение тянуло их на дно.

Укрывшись шкурой Немейского льва, которую не могли пробить никакие стрелы, Геракл с ожесточением поражал страшных Стимфальских птиц. Множество их утонуло в чёрных водах озера. Теперь оно уже не было спокойным: вода в нём клубилась и хлопотала, белый пар поднимался к небу.

Оставшиеся в живых птицы поднялись высоко над озером, собрались стаей и улетели прочь. Они покинули Грецию и опустились далеко-далеко, на пустынном острове в бурном море.

— Скорее прочь отсюда, — сказал Геракл, — пока нас не охватил смертный сон. — И, бросив в кипящую воду трещотку Афины, друзья ушли от мёртвого озера.

ШЕСТОЙ ПОДВИГ

Геракл очищает Авгиевы конюшни

Несказанно богат был царь Элиды Авгий. Бесчисленные стада его быков и овец и табуны коней паслись в плодородной долине реки Алфея. Триста коней с ногами белыми, как снег, было у него, двести — красных, как медь; двенадцать коней были все белые, как лебеди, а у одного из них блестела во лбу звезда.

Герáкл пускáл в птиц стрелú за стрелóй.

Так много было у Авгия скота, что слуги не успевали чистить хлевá и конюшни, и за много лет в них накопилось навоза до самых крыш.

Царь Еврисфей, желая удружить Авгию и унижить Геракла, послал героя чистить Авгиевы конюшни.

Герáкл явился в Элиду и сказал Авгию:

— Если ты отдашь мне десятую часть своих коней, я очищу конюшни в один день.

Авгий засмеялся: он думал, что их вовсе нельзя очистить. Поэтому царь сказал Герáклу:

— Я дам тебе десятую часть моих коней, если ты в один день очистишь мой конюшни.

Тогда Герáкл потребовал, чтобы ему дали лопату, и Авгий, усмехаясь, велел принести её герою.

— Долго же тебе придётся работать этой лопатой! — сказал он.

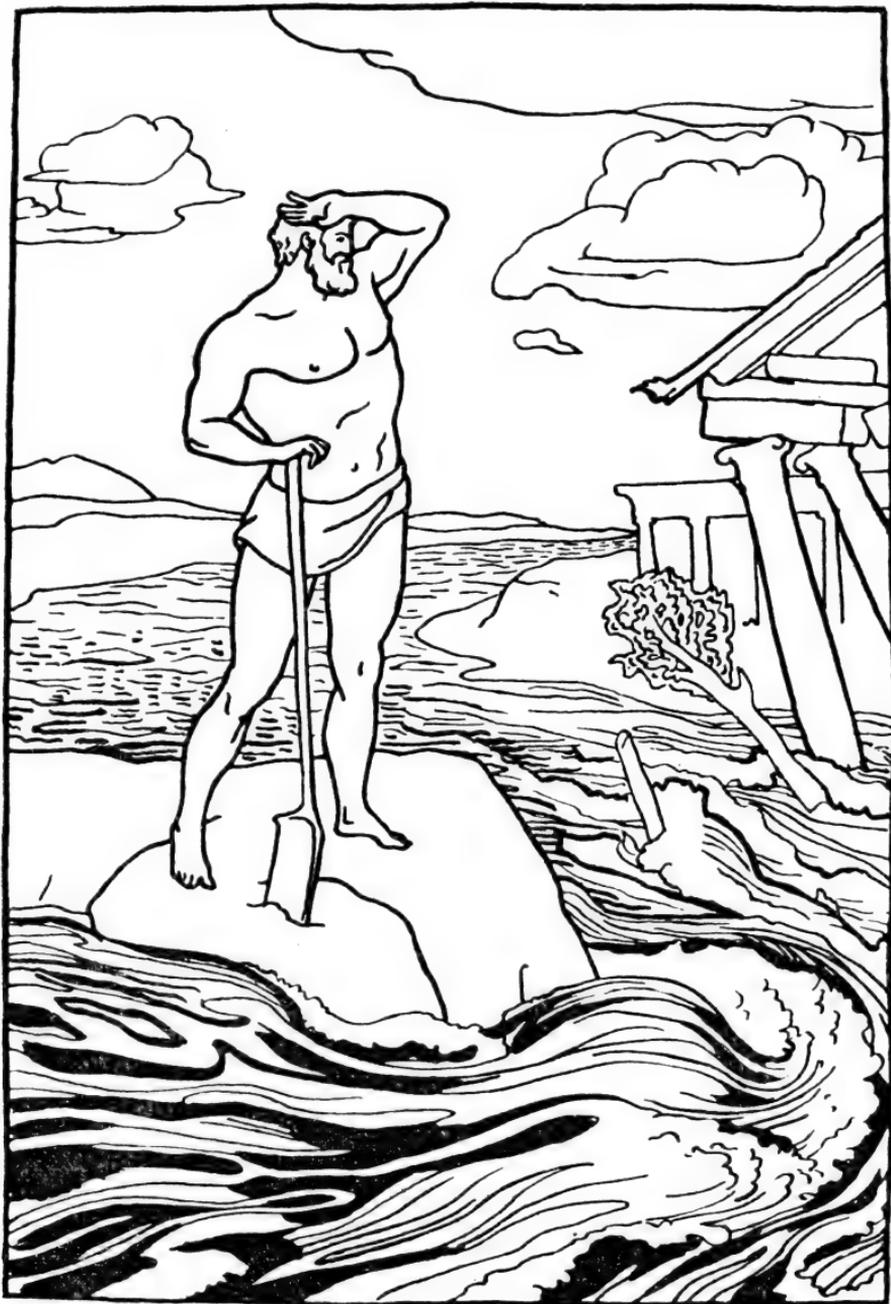
— Один только день, — сказал Герáкл и пошёл на берег Алфея.

Полдня он усердно работал лопатой. Земля взлетала из-под неё и ложилась высоким валом. Герáкл запрудил русло реки и отвёл её прямо в царские конюшни. Воды Алфея стремительно потекли через них, унося с собой навоз, стойла, кормушки, даже ветхие стены.

Опершись на лопату, Герáкл смотрел, как проворно работала река, и только иногда приходил ей на помощь. К заходу солнца конюшни были очищены.

— Не взыщи, царь, — сказал Герáкл, — я очистил твои конюшни не только от навоза, но и от всего, что было ветхо и давно сгнило. Я сделал больше, чем обещал. Теперь ты отдай мне обещанное.

Но жадный Авгий заспорил, стал браниться

Воды Алфея стремительно потекли через царские конюшни. Опершись на лопату, Геракл смотрел, как проворно работала река.

и отказáлся отдáть Герáклу коней. Тогда Герáкл пришёл в я́рость, вступил в бой с Авгием и убил его в поединке.

СЕДЬМОЙ ПОДВИГ

Геракл укрощает Критского быка

Шесть раз ужé явля́лся Герáкл в Микéны и по приказáнию царя Еврисфёя отпра́влялся в опа́сный и трудо́ный путь. Шесть сла́вных дел совершил: убил Немейского льва, уничтожил Лернейскую гíдру, поймáл Керинейскую лань, достáвил в Микéны Эримáнфского вепря, вы́гнал из Греции Стимфáльских птиц и в оди́н день очи́стил Авгиевы коню́шни. И вот снóва призвáл герóя Еврисфей и приказáл ему́ плыть че́рез мо́ре на о́стров Крит и укроти́ть свирёпого быка́, с кото́рым никто́ из критян не мог спрáвиться.

Этот бык приплы́л когда-то к о́строву Криту, и критский царь Мíнос обеща́л бо́гу морей Посейдо́ну принести́ быка́ ему́ в жёртву. Но белосне́жный бык с золоты́ми рогáми так понравился Мíносу, что царь оста́вил его́ себе́, а Посейдо́ну принёс в жёртву друго́го быка́. Бог мо́ря разгне́вался и наслáл бе́шенство на красáвца быка́. Бык взбесился, вы́рвался из сто́йла, убежа́л с ца́рского двора́ и стал грозой́ всего́ о́строва.

Герáкл отпра́вился на бе́рег мо́ря, сел на финики́йский кора́бль и поплы́л на Крит. Налетéла бу́ря, до́лго носила́ кора́бль по бу́рному мо́рю, наконец разби́ла его́, и во́лны выбросили обло́мки на бе́рег чужо́й, незнако́мой страны́.

Здесь росли́ дере́вья, похо́жие на пучки́ больш́их перьев: прямо́ из ствола́ выходили́ то́лстые

стѣбли, на котóрых качáлись лѣстья, такіе большіе, что под кáждым мог укрыться человек.

Герáкл и егó уцелѣвшие спúтники отдохнóли в тенѣ этѣх дерѣвьев и пошли вдоль бѣрега по горячему жёлтому пескú. Дóлго шли онѣ и наконец пришлѣ в большóй гóрод у мóря. В гáвани бýло мнóго кораблѣй, а на берегú стояли высокіе каменные дворцы и храмы.

— Вы в Егѣпте,— сказáли им жѣтели, спешѣвшие в храм на прáздник,— а прáвит Егѣптом великѣй Бузѣрис, могúчий и грóзный царь.

Герáкл попросѣл отвѣстѣ их к царю. Но едвá чужезѣмцы вошли во дворец, как бýли схвачены и закóваны в цѣпи.

— Вы пришлѣ вóвремя,— сказáл им жестóкий властѣтель Егѣпта,— нынче прáздник в Егѣпте, и я принесú вас в жѣртву богáм.

— Бóги не принимаю́т человекѣских жертв,— сказáл Герáкл.

Но Бузѣрис засмеялся и отвѣтил:

— А вот мы проверѣм! Ты пѣрвый бóдешь закóлот жрецóм — посмóтрим, угóден ли ты богáм.— И приказáл вѣстѣ плѣнников в большóй храм посре́дѣ гóрода.

Герáкла и егó спúтников привелѣ в храм, пóлный нарóда. Но едвá тóлько зажгли огóнь у жѣртвенника и стáрый жрец взял свой óстрый и длѣнный нож, Герáкл со всей сѣлой напярѣг свои мýшцы и разорвáл цепь, котóрой был свѣзан. Обрýвком цѣпи он удáрил жреца́ и убѣл егó. Потóм в гнѣве расшвырял царскую стражу, óтнял у Бузѣриса меч и заколóл злóго царя. Поражѣнные сѣлой герóя, егѣптяне не посмѣли егó трóнуть. Он освободѣл своих товáрищей и поспѣшил с нѣми на бѣрег мóря. Там онѣ нашлѣ корáбль, котóрый мог достáвить их на Крит.

Быстро достигли они теперь берегов Крита. Герáкл простился со своими спутниками и один пошёл по берегу. Скоро он увидел бешеного быка. Гремя оборванной цепью и свирёпо рыча, с налитыми кровью глазами, мчался на него бык. Белая пена падала ключьями из раскрытой пасти. Герáкл спрятался за дерево и ждал. Бык остановился, нагнул голову и стал рыть ногами землю. Тогда Герáкл схватил конец цепи, волочившийся по земле, и вскочил быку на спину. Бык задрожал, стал брыкаться, стараясь сбросить со спины неожиданную ношу. Но Герáкл обвил его рога цепью и крепко держал её. Бык жалобно заревел и понёсся к морю. Он бросился в волны и поплыл. В море бешенство покинуло его, он стал смирен, как рабочий вол на поле, и послушно приплыл с Герáклом в Микены.

Герáкл сам отвёл его на скотный двор царя Еврисфёя. Но пастухи боялись свирёпного быка и не могли удержать его в хлеву. Он убежал от них и стал гулять по всему Пелопоннесу, никому не даваясь в руки, пока его не поймал друг Герáкла, Тезей, и не принёс в жертву богам.

ВОСЬМОЙ ПОДВИГ

Герáкл добывает коней Диомеда

Вновь велел Еврисфёй Герáклу отправиться в дальний путь — добыть коней фракийского царя Диомеда.

В первый раз за время своей службы царю Герáкл смутился. Он не испугался ни льва, ни гидры, ни долгих скитаний, ни тяжёлой работы, ни кровавой битвы, ни людского коварства. Но дело, на которое теперь посылал его царь, каза-

Герáкл обвiл рогá бéшеного быкá цепью
и крѣпко держáл её.

лось ему недостойным героя. Добыть у другого то, что ему принадлежит по праву,— значило отнять силой или похитить украдкой, а Герáкл не хотел быть ни разбойником, ни вóром.

С тяжёлым сердцем отправился он в дорогу, решив, что путь до Фракии долгий и он успеет обдумать, как ему быть.

Он пришёл в Фессалию, в город Феры, где царствовал счастливый и добрый царь Адмёт, любимец бога Аполлона.

Бог света когда-то в гнѣве совершил убийство, и за это Зевс приказал ему целый год служить человеку.

Аполлон явился к царю Адмѣту и целый год пас его стада. И счастье пришло к Адмѣту: щедры́й урожай давала ему земля, стада его умножались без числа, мир и довольство царили в Ферах и во дворце царя.

Но лучше богатства и доро́же благополучия была молодая царица Алкѣста, которую Аполлон помог Адмѣту добыть себе в жены.

Отец её, Пѣлий, объявил, что выдаст дочь лишь за того, кто сумеет впрячь в колесницу льва и медведя вместе и на них приехать за невестой. Аполлон укротил диких зверей, они послушно впряглись в колесницу Адмѣта и отвезли его к отцу Алкѣсты. Алкѣста стала женой Адмѣта; они жили счастливо и имели детей.

Когда окончился срок службы Аполлона Адмѣту, бог света, уходя, захотел сделать ещё что-то доброе для царя. По желанию Аполлона, Мойры, богини судьбы, которые держали в руках нить каждой человеческой жизни, согласились отсрочить Адмѣту смерть, если в час кончины найдётся человек, который захочет его заменить.

И вот пришёл час, когда повелитель царства мёртвых послал Смерть за Адметом, и Мёйры спросили:

— Кто хóчет заменить собóй Адмёта и вмéсто него умерéть?

Ни друзья, ни вёрные слуги, ни да́же ста́рые родители царя — никто́ не хотёл расстáться со своéй жízнью и умерéть за друго́го. Тогда́ пре-красная Алкэста сказа́ла му́жу:

— Мой ми́лый, я с ра́достью пойду́ за тебя́ на смерть. Всё равно́ без тебя́ мне не жить на свéте. Пусть умру́ я, живи́ ты. То́лько об одно́м прошу́ тебя́: не вводи́ в наш дом друго́й же́нщины. Обеща́й мне э́то, и я умру́ споко́йно.

Адмёт обеща́л никогда́ не вводи́ть в дом дру-го́й же́ны.

Алкэста надéла чи́стые оде́жды, легла́ на постéль и ста́ла ждать Смерть, кото́рая должна́ была́ прилетéть за нею. Мо́лча стоя́ли вокру́г неё де́ти, муж и все бли́зкие и печа́льно смотре́ли на неё в послéдний раз. И вот чёрная тень упáла на лицó цари́цы, глаза́ её закрýлись, за́мерло дыха́ние.

Плач и сто́ны напóлнили дворе́ц и го́род. Жи́тели Фер в знак печáли острíгли ко́ротно свои́ во́лосы и грíвы свои́х конéй. За го́родом постро́или пы́шную гробни́цу и назна́чили день похоро́н.

Как раз в э́то вре́мя Ге́ракл, ничегó не зная́, пришёл во дворе́ц Адмёта и, как пу́тник, попроси́лся переночевáть. Адмёт, хоть был опечáлен сме́ртью же́ны, не мог отказáть Ге́раклу в гостепри́имстве; ла́сково при́нял его́, велéл пригото́вить ему́ ко́мнату во дворе́це и хорошо́ угости́ть геро́я, а сам отпра́вился на по́хороны Алкэсты.

Уста́лый Ге́ракл с удо́вольствием отды́хал в прохла́дной и чи́стой ко́мнате, а насы́тившись и вы́пив вина́, развесели́лся, стал шуметь и доса́довал, что нет у него́ собесéдника за столóм.

Ста́рый слуга́, кото́рый подава́л ему́ ку́шанье, смотре́л на него́ суро́во и не мог скрыть свою́ печа́ль.

Ге́ракла рассерди́л его́ мра́чный вид.

— Что ты гляди́шь на меня́ так стро́го? — спроси́л он.— Твой госпо́дин меня́ при́нял, как дру́га, а хоро́ший слуга́ привётствует тех, когó ла́скowo встреча́ет хозя́ин. Подойди́ ко мне, вы́пей со мной, что́бы мне не́ было ску́чно пить одному́. Вы́пей со мной и развесели́сь!

Но ста́рый слуга́ с укро́ром покача́л голово́й и сказа́л:

— Нехорошо́ смеяться и пить, когда́ в до́ме го́ре.

— Го́ре? — спроси́л уди́вленный Ге́ракл.— Что же случи́лось в э́том счастли́вом до́ме? И услы́шал в отве́т, что жена́ Адме́та умерла́ и в э́тот час её хорони́ли.

Разгоре́лось се́рдце Ге́ракла, и он реши́лся на небыва́лое де́ло.

Бы́стро накинóл он на плéчи свой плащ и поспеши́л на моги́лу ца́рицы. Он остано́вился по́даль и ждал.

Когда́ родные́, друзья́ и согра́ждане бе́дной Алкэ́сты разошлись в печа́ли, Ге́ракл подошёл к моги́ле и укры́лся за де́ревом у входа́. И е́два то́лько Смерть яви́лась на моги́лу, что́бы унести́ в подзе́мное ца́рство блéдную те́нь умерше́й, Ге́ракл вы́ступил из заса́ды и бро́сился в бой со Смертью. С тако́й си́лой напáл он на неё, что Смерть сму́тилась и вы́ронила свой меч на зе́млю. Ге́ракл схвати́л Смерть за плéчи свои́ми могу́-

чими рука́ми и не отпуска́л её до тех пор, пока́ она́ не согласи́лась отда́ть ему́ Алкэсту.

Одино́ко сиде́л Адме́т в своём опусте́вшем до́ме. Вдруг шу́мно и весе́ло воше́л Ге́ракл, ве́дя за собо́й же́нщину под дли́нным покрыва́лом.

— По́лно, Адме́т,— сказа́л Ге́ракл царю́,— заче́м тебе́ печа́литься? Уте́шься! Посмотри́, я привё́л к тебе́ э́ту же́нщину. Я добы́л её для тебя́ в поеди́нке. Она́ уте́шит тебя́. Развесели́сь же и будь сча́стлив, как пре́жде!

Адме́т отве́тил Ге́раклу:

— Я обеща́л моёй люби́мой, что никогда́ не возьму́ себе́ друго́ю же́ну. Уведи́ э́ту же́нщину из моего́ до́ма: я не хочу́ смотре́ть на неё.

Тогда́ Ге́ракл снял с же́нщины покрыва́ло, и

Адмёт уви́дел Алкэ́сту. Он брóсился к ней и остано́вился в стра́шном испу́ге: ведь она́ умерла́, он сам похорони́л её!

— Не бо́йся,— успоко́ил его́ Ге́ракл,— она́ жива́я: Смерть отдала́ мне её, и я возвраща́ю тебе́ твою́ подру́гу. Живите́ и бу́дьте сча́сливы до́лгие го́ды!

Ра́достно брóсились друг дру́гу в объ́ятия царь и царя́ца.

Чуде́сная весть мгнове́нно разнесла́сь по дворцу́ и по все́му го́роду.

Весе́лье смени́ло печа́ль, жи́тели Фер покры́ли свои́ стри́женные го́ловы, пы́шно разукра́сили свои́ конёй и устро́или весе́лый пир.

А Ге́ракл уже́ шага́л да́льше, дово́льный, что ему́ уда́лось прине́сти ра́дость лю́дям.

Дойдя́ до мо́ря, он сел на кора́бль и поплы́л во Фра́кию. Моря́ки, кото́рые скита́ются по все́му све́ту и зна́ют бо́льше други́х люде́й, рассказа́ли Ге́раклу все́, что зна́ли про фра́кийского царя́ Диоме́да и его́ конёй.

Этот царь́ был свире́п и жесто́к и не люби́л чужезе́мцев. Он вы́строил у мо́ря кре́пость с вы́сокими ка́менными стена́ми и глубо́ким рвом во́круг и жил там, окру́женный свои́ми во́инами.

Когда́ незнако́мый кора́бль показыва́лся у бе́рега, Диоме́д посыла́л свои́х слуг звать прие́зжих в го́сти. Он угоща́л их у себя́ во дворце́ и хвали́лся пе́ред ни́ми свои́ми коня́ми.

Четве́рка ди́ких конёй была́ у царя́ Диоме́да. Ни́кто не мог ни обузда́ть их, ни впрячь в колесни́цу. Желе́зными цепя́ми они́ бы́ли при́кованы к сто́йлам. Ого́нь и дым вылета́ли у них из па́сти. Пита́лись они́ не травой́, не зерно́м, а све́жим челове́чьим мя́сом. Но э́того не говори́л Диоме́д гостя́м. Когда́ же го́сти вы-

ража́ли желáние посмотре́ть на чуде́сных коней, царь отводи́л чужеземцев в коню́шню и отдава́л на съедéние своим любима́м.

Вот что рассказа́ли моряки́ Гера́клу.

Тепе́рь рассея́лись все сомне́ния Гера́кла: изба́вить мир от стра́шных чудовищ-коней и от жесто́кого царя́ Диомéда бы́ло дéлом, досто́йным геро́я.

Подплыва́я к Фраки́йской землé, Гера́кл собра́л са́мых сме́лых из моряко́в и, сойдя́ на бе́рег, потре́бовал у царя́ Диомéда его́ коней. Царь вы́слал против Гера́кла войско, но Гера́кл с товари́щами разби́л его́, уби́л Диомéда и о́тдал тéло злóго царя́ на растерза́ние его́ коня́м-людоéдам.

Пото́м он погрузи́л коней на кора́бль и отвёз к царю́ Еврисфе́ю. Еврисфе́й приказáл отвести́ коней в Арка́дию, в Ликейские го́ры, и выпустить в лесу́. Там их растерза́ли ди́кие зве́ри.

ДЕВЯТЫЙ ПОДВИГ

Геракл завоёвывает пояс Ипполиты

У царя́ Еврисфе́я была́ юная дочь Адме́та. Одна́жды она́ пришлá к отцу́ и сказа́ла:

— Говорят, дале́ко на восто́ке есть ца́рство, где вла́ствуют же́нщины. Там же́нщина — гла́ва и опóра семьи́ и госпожа́ в до́ме. Же́нщины там управл́ют городáми, торгуют и сýдят, принóсят в хра́мах же́ртвы богáм и решáют дела́ госуда́рства. Вооружённые, ска́чут они́ на боевы́х коня́х и хра́бро вою́ют с врага́ми. Они́ назывáют себя́ амазо́нками, презира́ют мужчи́н и хва́лятся своёй непобедимостью. Моя́

покровительница Гэра, супруга великого Зёвса, открыла мне, что вся сила воинственных амазонок в кожаном поясе, который бог войны Арес подарил царице Ипполите. Пока она носит этот пояс, никто не может победить её, а с нею и всех амазонок. Отец! Я хочу быть непобедимой, как эта женщина, и царствовать, ни с кем не разделяя власти. Я хочу получить пояс Ипполиты!

Царь приказал Герáклу отпра́виться в страну амазонок и добыть пояс царицы Ипполиты.

Цáрство амазонок было далеко на востоке, в Ма́лой Азии.

Герáкл снарядил корáбль, позвал с собо́й своих верных друзей — Иола́я, афи́нского царевича Тезе́я и других. Они́ поплыли тем путём, который был открыт для всех мореплавателей отважными аргона́втами. Долго плыли они́; наконец по бу́рному Чёрному мору́ приплыли к реке́ Фермодóнту, поднялись по течению и достигли го́рода Фемиски́ры — сто́лицы амазонок.

У воро́т стояли вооружённые женщины; кожаные шлэмы были на них, корóткие рубáшки и узкие, длинные штаны́ до щиколоток; че́рез плечó у амазонок висели щиты́ в фо́рме мёсяца, а в руках они́ держали топо́рики с двумя лезвиями.

Стра́жа не впустила Герáкла с товарищами в го́род, и они́ вы́нуждены были располо́житься на берегу́ реки́, протека́вшей близ городско́й стёны.

Вскóре прискакала на великолéпном коне́ сама́ царица Ипполита с отря́дом вооружённых де́вушек. Среди́ них была́ красáвица Антио́па, любима́я подру́га царицы.

Её красотá однажды едва не погубила амазонок. Давно задумывали амазонки поход в Грецию и вот, переплыв море, явились под стенами Афин и осадили прекрасный город. Афиняне не были готовы к осаде. Ещё немного, и город был бы в руках воинственных женщин. Но среди афинских воинов Антиопа увидела царевича Тезея, и в сердце её вспыхнула любовь к нему. Тезею тоже приглянулась красавица амазонка; с её помощью он надеялся спасти родной город. Ночью он явился тайком в лагерь амазонок — увидеться с Антиопой.

Ипполита догадалась о любви своей подруги и, боясь измены, приказала немедленно снять осаду. Амазонки отступили от Афин и вернулись в свою страну. Антиопа была разлучена с Тезеем. Но она не забыла его и теперь, увидев среди товарищей Геракла Тезея, обрадовалась, и любовь её разгорелась ещё сильнее.

Тезей тоже узнал её, незаметно приблизился к ней и условился о тайном свидании.

Ипполита спросила Геракла, зачем он явился в страну амазонок.

Геракл ответил, что ему приказано добыть пояс царицы Ипполиты.

— Только в бою, только победителю отдам я свой пояс, — сказала царица. — Бейтесь с нами, и, если вы победите, пояс будет ваш!

Так говорила Ипполита, зная, что, пока пояс на ней, никто не сможет её победить.

Оба отряда разошлись — готовиться к бою. Амазонки умчались в город, а спутники Геракла расположились на ночлег в своём лагере у реки.

Тезея всю ночь не было в лагере. Утром

он явился торжествующий и отдал Герáклу волшебный пояс.

— Как! Ты добыл его без боя? — удивился Герáкл.

— Антиопа похитила его у царицы и отдала мне, — сказал Тезей.

Герáкл не захотел воспользоваться добычей, полученной обманом, и бой начался.

На диком коне, быстром, как ветер, помчалась на Герáкла Аэла, самая стремительная из амазонок. Герáкл на всем скаку выбил из её рук топор. Она хотела спастись бегством, и конь помчал её прочь, но стрела Герáкла догнала её и поразила насмерть. И другая амазонка, Протоя, семь раз победительница в поединках, была убита Герáклом.

Тогда вышли вперёд три девушки, три великолёпные охотницы, которых сама богиня Артемида брала с собой на охоту, — не было

им равных в метании копья. Сразу все вместе стремительно метнули они свои копья, но промахнулись. А копье Геракла, просвистев, перебило руки всем трём.

Страх напал на амазонок при виде поражения их лучших воительниц.

— Горе нам! Горе нам! Где же твой пояс, Ипполита? — кричали они.

Тоска сжала сердце Антиопы, предавшей своих подруг, но в толпе эллинов она увидела Тезея, и любовь победила в ней все другие чувства.

Грозная с виду, с отчаянием в душе, выехала вперед Ипполита. Только она и Антиопа знали о том, что волшебный пояс — в руках врага. Войнственная царица не хотела выдать подругу свирепым амазонкам и решила лучше умереть в бою.

Отважно бросалась она в самые опасные

места битвы, сама искала смерти и вдруг упала, смертельно раненная стрелой.

Увидев гибель своей царяцы, амазонки смутились и обратились в бегство. Многие из них были взяты в плен, другие убиты.

Пленицу Антиопу Геракл отдал Тезею, и Тезей сделал её своей женой.

Геракл вернулся в Микены, к царю Еврисфее, и принёс ему пояс Ипполиты. Царь подарил его своей дочери, но она не решилась носить его и отдала в храм Геры как дар богине.

ДЕСЯТЫЙ ПОДВИГ

Геракл открывает дорогу к океану и пригоняет стадо Гериона

Всё дальше и дальше посылал Еврисфей Геракла. Когда герой возвратился из похода в страну амазонок, царь велел ему отправиться на край света, туда, где заходит солнце, на Багровый остров посреди океана, где трёхголовый великан Герион пас стадо красных быков. Царь приказал Гераклу пригнать этих быков в Микены. Геракл отправился на закат солнца.

Он прошёл всю Грецию, долго шёл по разным странам, отдыхал у реки Эридана, наконец подошёл к высоким горам на краю земли и стал искать выхода к океану. Но горы стояли сплошной, непроходимой грядой. Тогда Геракл расшатал две огромные скалы и раздвинул их. Между ними хлынула вода, и это была вода океана. Море, которое лежало посреди земли и которое люди называют Средиземным, соединилось с океаном. И до сих пор стоят там

на берегах пролива, как два каменных стража, огромные Геракловы Столпы.

Герáкл перешёл через горы и увидел необозримые воды океана, омывающего землю. Там где-то посреди океана лежал остров — цель его путешествия. Но как переплыть океан?

Целый день просидел Герáкл на берегу в раздумье. Жар стал спадать, и ветер с океана принёс на землю прохладу. Вдруг увидел Герáкл совсем близко спускающуюся с неба огненную колесницу Гелиоса — бога Солнца. Герáкл вскочил и ждал приближения Гелиоса. Золотым блеском засверкала поверхность океана, и у самого берега Герáкл увидел золотую, круглую, как чаша, лодку, в которой бог Солнца, оставив свою колесницу, каждый день переплывал океан. Тогда Герáкл подумал, что Гелиос может перевезти его в своей лодке на Багровый остров. Герóй махнул рукой и закричал Гелиосу:

— Стой, или я буду стрелять!

И, натянув тетиву своего лука, ждал. Но Гелиос не обернулся.

Тогда Герáкл рассердился и крикнул опять:

— Я не шучу, и стрелы мои смертельны!

Гелиос улыбнулся, остановил коней и, сойдя с колесницы, спросил:

— Кто ты, дерзкий, и чего ты хочешь от меня?

Герáкл рассказal ему, кто он, куда и зачем послан, и просил Гелиоса перевезти его на Багровый остров.

Усмехаясь, Гелиос взял героя в свою золотую лодку. Они поплыли по океану. Ночная темнота покрыла землю. Каждый вечер переплывал Гелиос с запада на восток, чтобы,

отдохну́в в своёмъ высо́комъ до́ме на восто́ке, сно́ва появѣться у́тром на небе́.

Когда́ они́ бы́ли уже́ на полпу́ти, что́-то зачерне́ло впередѣ́ — это́ былъ желанны́й о́стров.

Золота́я ло́дка прибли́зилась к бе́регу. Ге́раклъ вы́шел, и богъ Со́лнца пожела́л геро́ю уда́чи.

Бы́ло темно́, и Ге́раклъ ниче́го не могъ различѣ́ть вокру́г себя́. Дово́льный, что́ достѣгъ це́ли, онъ лёгъ подъ скало́й, заверну́лся в льви́ную шку́ру и кре́пко усну́л.

Утромъ его́ разбудѣ́л протя́жный и хри́плый лай. Ге́раклъ просну́лся и уви́дел, что́ онъ действѣ́тельно на Багрово́м о́строве: всё́ вокру́г бы́ло кра́сного цвѣ́та — ска́лы, песо́к, доро́га. И да́же грома́дный лохма́тый пёс, что́ стоя́л пе́ред геро́ем и свире́по ла́ял на него́, былъ то́же багрово-кра́сный.

Уви́дев, что́ Ге́раклъ просну́лся, пёс бро́сился на него́, вцепѣ́лся зубами́ в его́ оде́жду. Ге́раклъ схватѣ́л свою́ дубѣ́нку, уда́рил пса, и тотъ, завизжа́в, покати́лся на зѣ́млю с проби́той голо́вой.

Тогда́ с опу́шки багрово́го ле́са, ро́сшего невдалеке́, прибежа́л огро́мный кра́сный пасту́х: и во́лосы, и борода́, и лицо́, и оде́жда — всё́ у него́ бы́ло о́гненно-кра́сное. Разма́хивая своѣ́й пасту́шьей па́лкой и крича́ непоня́тные слова́, онъ набро́сился на Ге́ракла.

Ге́раклъ бы́стро вы́бил па́лку из рукъ кра́сного пастуха́ и так си́льно уда́рил великана́ в грудь, что́ уложи́л и его́ ря́дом с уби́тым псомъ.

Ге́раклъ напра́вился к ле́су и уви́дел на опу́шке два ста́да: одно́ кра́сное, какъ всё́ на о́строве, друго́е че́рное, какъ ночь, и сторожи́л

его чёрный пастух в чёрной одежде, с чёрными волосами и чёрным лицом:

При виде Геракла чёрный пастух с криком убежал в лес. Потом из леса послышался страшный тройной рёв, и из-за деревьев показался великан Герион. Три туловища, срощенные вместе, шагали на шести ногах, три головы глядели грозно на Геракла, шесть рук угрожали ему. Геракл поднял свой лук — стрела засвистела и вонзилась в грудь великану. Тотчас бессильно склонилась одна голова, две руки повисли, как плети, вдоль тела, две ноги перестали двигаться и потащились за другими, мешая им. Но великан был уже так близко, что Геракл не успел выстрелить вторично. Он поднял свою дубинку и ударил Гериона по второй голове. И эта сникла тоже, и ещё две руки опустылись, и уже четыре ноги болтались снизу и мешали Гериону идти. Тогда Геракл отбросил дубинку прочь и схватился с великаном врукопашную. Могучими руками он обхватил его, и они стали бороться. Два мёртвых тела мешали великану, лишние руки болтались бессильно по бокам, лишние ноги толкались между ногами — и скоро пришёл Гериону конец.

Теперь Геракл мог увести красное стадо. Чёрный пастух убежал, красный пастух был убит, и сам великан валялся на земле огромной мёртвой глыбой. Но стадо не хотело слушать героя, быки не двигались с места. Геракл стал искать вокруг, чем можно было бы их погнать, и нашёл возле убитого пастуха красную пастушью дудочку. Он приложил её к губам, дудочка запела, и красные быки послушно встали с земли и пошли за Гераклом. Окру-

жённый красным ста́дом, стоял Ге́ракл на берегу́ океа́на и ждал.

Вечером приплыла́ золотая́ круглая́ лодка, и Ге́ракл стал проси́ть Ге́лиоса перевезти́ его́ со ста́дом на зе́млю.

— Что ска́жут лю́ди, уви́дев, что Со́лнце возвра́щается наза́д? — сказа́л Ге́лиос.

Но сме́лый геро́й понравился бо́гу Со́лнца, он уступи́л ему́ свою́ лодку, а сам оста́лся ночевать на о́строве.

В золотой лодке Ге́лиоса Ге́ракл довёз красное ста́до до кра́я землё́и и погна́л его́ че́рез го́ры, че́рез чужие стра́ны — в Гре́цию.

По доро́ге случи́лось с ни́ми мно́го приключе́ний. У реки́ Ти́бра велика́н Как укра́л у него́ не́сколько быко́в. Ге́раклу пришло́сь с ним дра́ться, и геро́й уби́л велика́на.

Пото́м оди́н бык упáл в мо́ре; во́лны отнесли́ его́ в Сици́лию, и Ге́раклу на́до бы́ло, оста́вив ста́до на попече́ние Ге́феста, плыть на о́стров и сража́ться с царём Сици́лии, кото́рый не хоте́л верну́ть быка́.

Наконе́ц, уже́ недалеко́ от Аргоса, Ге́ра, кото́рая всячески стара́лась помеша́ть Ге́раклу, напуга́ла быко́в, и они́ разбежа́лись. С трудо́м собра́л Ге́ракл всех быко́в и привё́л в Мике́ны. А царь Еврисфе́й подарил всё красное ста́до своёй покрови́тельнице Ге́ре.

ОДИННАДЦАТЫЙ ПОДВИГ

Геракл доходит до края света
и достаёт яблоки Гесперид

Давно́-давно́, когда́ на све́тлом Оли́мпе бо́ги справля́ли сва́дбу Зе́вса и Ге́ры, Ге́я-Земля́ подарила́ невесте́ волшебное де́рево, на кото́ром

росли золотые яблоки. Эти яблоки обладали свойством возвращать человеку молодость, и тот, кто сумел бы их достать, никогда не состарился бы.

Но никто из людей не знал, где находился сад, в котором росла чудесная яблоня.

Пока Геракл, по приказу царя, ходил по земле и сражался с чудовищами, Еврисфей в своём дворце старел и с каждым днём становился слабее и трусливее. Уже он начинал бояться, что Геракл, победив весь свет, перестанет его слушаться и сам захочет стать царём над всей Грецией. Еврисфей решил послать Геракла так далеко, чтобы он не вернулся назад. Царь приказал герою достать три золотых яблока с дерева молодости.

Геракл отправился по свету искать золотые яблоки. Он опять прошёл всю Грецию из конца в конец, побывал в холодной, северной стране гипербореев¹ и пришёл к реке Эридану, где уже был однажды. Нимфы узнали его, пожалели и научили обратиться за советом к морскому царю Нерее, который видел всё, что скрыто от глаз людей.

Геракл пошёл к морю и стал звать морского царя. Волны хлынули на берег, и на резвых дельфинах всплыли навёрх весёлые Нереиды, дочери морского царя, а за ними появился вдали старый Нерей с длинной седой бородой. Геракл заманил его на берег, обхватил своими могучими руками и сказал, что не выпустит его, пока он не откроет, где растёт волшебная яблоня Геры. Нерей вдруг превратился в боль-

¹ Так древние греки называли народ, живший на крайнем севере Греции.

шую рыбу, и она выскользнула из рук Геракла. Он быстро наступил ей на хвост — рыба зашипела и стала змеей. Герой схватил змею и хотел задушить — змея обернулась огнём. Геракл зачерпнул воды из моря и хотел залить огонь — огонь превратился в воду, вода потекла в море. Герой преградил ей путь и вырыл ямку своей дубинкой — вода поднялась из ямки и стала деревом. Геракл вытащил меч и хотел срубить дерево — оно обернулось белой птицей. В гневе схватил Геракл свой лук и уже натянул тетиву. Тогда Нерей принял свой первоначальный вид и рассказал Гераклу, что дерево молодости растёт на краю света, в саду нимф Гесперид, дочерей титана Атланта, что сторожит его стоглазый дракон, а Геспериды следят, чтобы он не уснул ни днём ни ночью, и что путь на край света лежит через Ливийскую пустыню. Геракл потребовал, чтобы Нерей перенёс его через море в Ливию, и пошёл искать край света.

Долго брёл он по сыпучим пескам пустыни и встретил великана ростом с корабельную мачту.

— Стой! — закричал великан. — Что тебе нужно в моей пустыне?

— Я иду на край света, ищу сад Гесперид, где растёт дерево молодости, — ответил Геракл.

— Здесь я хозяин, — сказал великан. — Я — Антей, сын Земли. Я никого не пропускаю через пустыню; ты должен бороться со мной. Если победишь меня — пойдёшь дальше. Если нет — останешься здесь. — И он показал на кучу черепов и костей, полузасыпанных песком.

Нечего делать, пришлось Гераклу бороться с сыном Земли.

Сначáла онѣ кружили одѣн вокрѹг другóго, как звѣри, потóм рáзом напáли друг на дрѹга, сцепѣлись рукáми и сжимáли друг дрѹга изо всѣх сил. Антѣй был громáден, тяжёл и крѣпок, как кáмень, но Герáкл был сильнѣе — он повáлил великáна на зѣмлю. Антѣй сейчáс же вскочѣл и набрóсился на Герáкла. Снóва борóлись онѣ, и во вторóй раз Герáкл опрокинул Антѣя. И опя́ть, коснѹвшись землѣ, Антѣй бѣстро встал и со смѣхом отражáл удáры Герáкла. В трѣтѣй раз свáлил герóй великáна, и Антѣй вновѣ легкó поднѣлся, слóвно от падѣния у негó прибавлялось сил...

Герáкл удивѣлся силѣ великáна. Вдруг он вспóмнил, что Антѣй — сын Землѣ, и пóнял, что Землѣ-мáть поддѣрживáла своегó сына и кáждый раз, как он прикасáлся к ней, давáла емѹ нóвую силу. Тогдá Герáкл стремѣтельно напáл на Антѣя, схватѣл егó, пóднѣл вверх и держáл над землѣй — и срáзу потерявѣший силу Антѣй задохнѹлся в могѹчих рукáх герóя.

Герáкл без помѣх пошѣл дáльше.

Наконѣц дошѣл он до края свѣта, тудá, где нѣбо спускаѣтся к землѣ. Там, на сáмом краю, стоял титáн Атлáнт и держáл на своѣх плечáх небѣсный свод. Он стоял так ужѣ мнóго лет, потóму что влáдыка мѣра Зевс назначѣл егó на этѹ рáботу и никтó за всѣ врѣмя не смѣнил егó.

— Кто ты и зачѣм пришѣл на край свѣта? — спросѣл Атлáнт Герáкла.

— Мне нужнѣ три золотѣх яблóка с дѣрева мóлодости, что растѣт в садѹ Гесперѣд,— отвѣчáл Герáкл.

— Тебѣ не достáть этѣх яблóк. Их сторожит стóглазый дракóн, он не спит ни днѣм ни нóчью

Герáкл стремительно напáл на Антéя, пóднял егó вверх и держáл над землём.

и никогó не подпускаёт к дéреву,— сказа́л Атла́нт.— Но я могу́ помо́чь тебе: ведь Геспери́ды — моё дóчери.

Герáкл обра́довался и стал проси́ть тита́на помо́чь ему́.

— Стань на моё ме́сто,— сказа́л Атла́нт,— и подержи́ не́бо, а я пойду́ в сад Геспери́д и принесу́ тебе́ три золоты́х я́блока.

Герáкл положи́л на зéмлю своё ору́жие и льви́ную шку́ру, стал ря́дом с тита́ном и подста́вил плéчи под небéсный свод. Атла́нт распра́вил уста́лую спи́ну и пошёл в сад Геспери́д. И пока́ он ходи́л за я́блоками, Герáкл сто́ял на краю́ земли́ и держáл на плеча́х не́бо. Наконéц Атла́нт верну́лся и принёс три золоты́х я́блока.

Герáкл стал благодари́ть его́, но тита́н сказа́л:

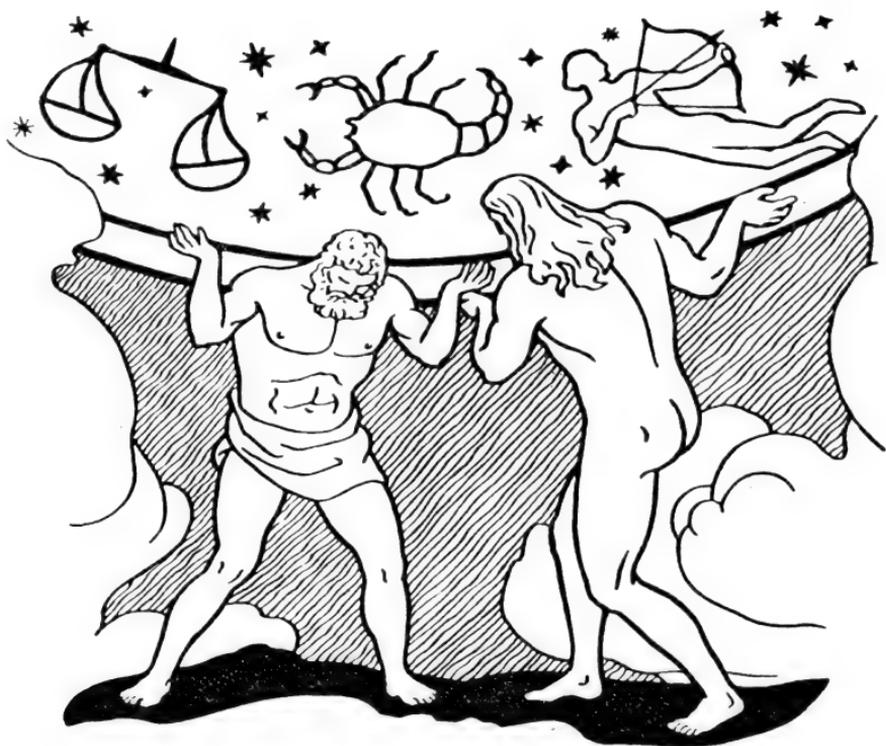
— Ко́му на́до отда́ть э́ти я́блоки? Скажи́, я пойду́ и отда́м. Мне хóчется погуля́ть по земле́. Надоело́ мне сто́ять не шевеля́сь здесь, на краю́ све́та, и держáть э́то тяжёлое не́бо. Я рад, что нашёл себе́ сме́ну. Проща́й!

И он хотёл уй́ти.

— Подожди́,— сказа́л Герáкл.— Дай я то́лько подложу́ себе́ на плéчи льви́ную шку́ру, что́бы небéсный свод не натё́р мне шею́. Положи́ я́блока на зéмлю и возьми́ на мину́тку не́бо, пока́ я устрою́сь поудóбнее.

Атла́нт положи́л на зéмлю золоты́е я́блока и о́пять взвали́л не́бо себе́ на́ спину. Герáкл по́днял с земли́ свой лук и колча́н, взял три золоты́х я́блока, заверну́лся в льви́ную шку́ру, поклони́лся Атла́нту и ушёл.

Он шёл бы́стро и ни ра́зу не огляну́лся. Но звёзды́ па́дали дожде́м, и он догада́лся, что

Атлánt сёрдится и в гнёве сільно трясёт нёбо.

Спрятав золотые яблоки на груди под плащом, Герáкл спешил в Микёны, радуясь, что выполнил и это требование царя.

— Вот я принёс тебе яблоки Гесперид — теперь ты можешь снова стать молодым! — сказал Герáкл Еврисфёю.

Но царь был так поражён, увидев перед собой Герáкла целым и невредимым, что не взял у него золотых яблок и прогнал его с глаз своих.

Герáкл отправился домой и по дороге думал, что ему делать с золотыми яблоками. Вдруг

пéред ним явѣлась богѣня рáзума и мýдрости Афѣна.

«Мýдрость дорóже мóлодости»,— подумал Герáкл и óтдал Афѣне три золотых яблока.

А она́ вернула их в сад Гесперид на дéрево Гéры.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ

Геракл спускается в царство мёртвых и побеждает Кербера

Всю зéмлю с восхода до заката обошёл Герáкл, воевал и трудился, сражался с чудовищами и со злыми людьми, прокладывал дорóгу на вершину гор, вместе с Солнцем переплывал океан, дошёл до края свёта — и вернулся победителем.

Тогда́ отчаявшись, решил Еврисфей послать Герáкла туда́, откуда никто́ из смёртных ещё ни рáзу не приходил назад,— в страну́ мёртвых, в подземное царство А́йда.

У мѣдных ворот Тáртара — у входа в царство мёртвых — дремлет на страже страшный трёхголовый пёс Кéрбер. У него́ на шее́ вместо шерсти выются чёрные змеи, хвост у него́ — живо́й драко́н, а из разинутых па́стей высовываются три языка́ пламени. Когда́ открываются ворота и в царство смёрти входит блédная тень человека́, Кéрбер приветливо машет хвостом и в свирéпом веселье старáется лизнуть пришельца своими óгненными языками́. Но горе́ тому́, кто захóчет вернуться!..

В послéдний раз позвал к себе́ Герáкла царь Еврисфей и сказал ему́.

— Приведи́ ко мне́ Кéрбера из царства А́йда, и это́ бóдет тво́я послéдняя слóужба мне!

Герáкл ничегó не отвéтил и отпра́вился в путь.

Он отыска́л пещéру Тенáра, откúда по рúслу подзёмной ре́ки на́до бы́ло спуска́ться в глублину́ земл́и.

Стра́шно живóму по своéй во́ле уходи́ть в ца́рство смёрти!

Герáкл остано́вился у вхо́да в пещéру, посмотре́л на цветúщую зéмлю, на синее мо́ре, на весь тёплый, со́лнечный мир, и тоскли́во и стра́шно е́му ста́ло. Но он пересíлил тоску́ и страх и отва́жно шагну́л в темноту́. И срáзу услы́шал за собо́й лёгкие шаѓи. Это догоня́л его́ Гермес, крыла́тый вéстник Зéвса, котóрого влады́ка мíра посла́л проводи́ть Герáкла к А́иду. Гермес взял герóя за́ руку, и вдвоём о́ни ста́ли спуска́ться в подзёмное ца́рство.

Скóро в сýмраке забелéла высóкая скала́: под нéю ё́ле слы́шно, со́нно стру́илась т́хая река́, зарóшая высóкой травóй без цвёта и за́паха.

Герáкл нагну́лся к реке́ и хоте́л напи́ться.

— Не пей,— остано́вил его́ Гермес,— ё́то Лéта, река́ Забвёния. Кто напьё́тся воды́ из неё́, позабúдет всё на свéте.

Дáльше пошли́ о́ни, и Герáкл уви́дел своего́ ста́рого учíteля и своего́ ю́ного дру́га, умёршего в походе. Герáкл ра́достно броси́лся к ним, протя́гивая им рúки, но о́ни глядéли на него́ неживы́ми гла́зами, не узнавáя, слóвно не ви́дя его́, и, как тéни, скользи́ли мíмо.

— О́ни не узнаю́т тебя́,— сказа́л Гермес.— О́ни пи́ли из ре́ки Забвёния и всё позабýли.

Но одна́ из тенéй вдруг остано́вилась, при́близилась. Герáкл узна́л калидо́нского царя́ Мелеáгра.

— Герáкл,— сказа́ла тѣхо тень царя́,— помоги́ мне. На землѣ я оста́вил сестру́ Деяни́ру, ю́ную и беззащитную. Мысль о ней трево́жит меня́ и здесь. Прошу́ тебя́: возьми́ её к себѣ в дом, жени́сь на ней,— она́ бу́дет тебе́ ве́рной жено́й. А я успоко́юсь наве́ки.

И Герáкл обеща́л испо́лнить про́сьбу дру́га. Все́ ниже́ спуска́лись они́ в глубину́ земли́ и вдруг уви́дели челове́ка, тащи́вшего на крутизну́ подзе́мной горы́ о́грóмный, тяжёлый ка́мень. Весь в поту́ и пыли́, напряга́я все си́лы, обе́ими рука́ми усер́дно кати́л он наве́рх ка́мень, подпира́я его́ всем своимъ тѣлом. Оди́н то́лько шаг остава́лся ему́ до верши́ны горы́,

но камень внезапно вёрвался из ослабёвших рук и с грóхотом покатылся вниз. Человек поспёшно спустился за ним к подножию горы и опять потащил свою тяжёлую ношу. И снова, не достигнув вершины, сорвался и упал с высоты камень, и снова спустился вниз и без отдыха, без остановки потащил его навёрх человек.

Остановился Геракл и смотрел на этот тяжкий и бесплодный труд.

Это был Сизиф из Коринфа, осуждённый вечно таскать этот тяжёлый камень — за жадность, за то, что при жизни присваивал себе чужие богатства, за то, что прожил на земле не трудясь.

Дальше пошёл Геракл со своим спутником Гермесом и увидел человека, стоявшего в прозрачной и чистой реке. Вода доходила ему до плеч, но едва он наклонялся, чтобы утолить жажду, смочить пересохшие, чёрные губы, мгновенно спадала вода, пропадала, уходила вся в землю. С берега склонялись к человеку ветви, полные спелых плодов, янтарная кисть винограда почти касалась его лица. Но едва он протягивал руку сорвать румяное яблоко или сочный гранат, ветви уходили от него, поднимались высоко-высоко, и голодный не мог дотянуться до них.

Геракл узнал человека, наказанного так жестоко.

Это был Тантал, царь Сипила, когда-то любимец богов и счастливейший из смертных, навеки осуждённый владыкой мира Зевсом за обман богов, за вероломство, за непомерную, неукротимую зависть.

С тяжёлым сердцем Геракл проходил мимо

страшных видений подземного царства. Наконец он пришёл на берег подземной реки Ахеронта. У берега ожидала чёрная лодка. Мрачный и безмолвный перевозчик Харон стоял с веслом в руке на корме, и тени умерших робко протягивали ему монету, которую заботливые родные положили покойнику в рот при погребении.

Старый Харон удивился, увидев живого в царстве мёртвых, но Гермес приказал ему пропустить Геракла в лодку. Лодка поплыла поперёк чёрной, недвижной реки. Тени умерших с отчаянием глядели назад, словно хотели в последний раз увидеть то, что они оставили на земле. Лодка плыла через Ахеронт, и скоро стал приближаться пустынный берег. Геракл с Гермесом первые вышли на берег и двинулись вместе с толпой к медным воротам Аидова царства. Широко растворены были тяжёлые ворота, и возле них Геракл увидел Кербера. Пёс лениво помахал своим страшным хвостом и отошёл, пропуская героя.

— Он ещё не знает, зачем ты пришёл сюда,— сказал Гераклу спутник,— а то бы он встретил тебя по-другому.

С жалобным стоном тени умерших направились ко дворцу подземного царя.

Там, в обширном и мрачном зале, перед троном Аида сидели строгие и неподкупные судьи мёртвого царства: Радамант, Эак и Минос. Они судили каждого за его жизнь, за его земные дела и каждому назначали по заслугам наказание или награду.

Увидев живого человека во дворце повелителя мёртвых, удивились и судьи и слуги Аида. А Геракл спокойно стоял перед троном под-

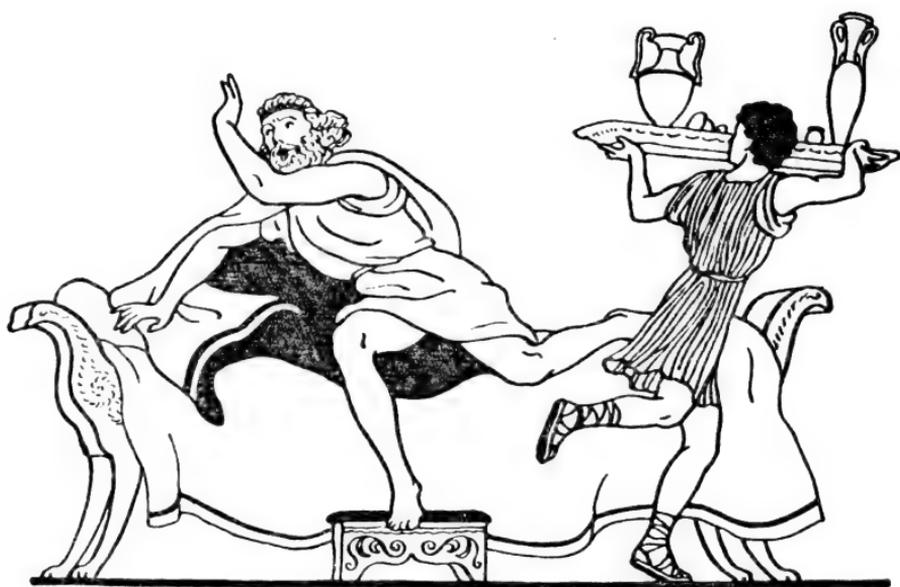
зёмного царя, с львиной шкурой на плечах, держа в руках свою дубинку, и просил Аида позволить ему вывести на свет Кербера, чтобы показать его царю Еврисфею.

— Я позволю тебе, — сказал ему Аид, — взять на время с собой на землю моего пса, если он выпустит тебя отсюда и если ты сумеешь взять его, не ранив, без меча и без стрел, одними своими руками.

Геракл поблагодарил Аида и пошёл назад к медным воротам. Теперь они были закрыты, и Кербер спал перед ними, положив все три головы на чёрную дорогу.

Услышав шаг Геракла, он проснулся, вскочил, сердито зарычал, и дракон на конце хвоста грозно разинул пасть.

Геракл быстро приблизился к Керберу и, выставив вперёд левую руку, обернутую львиной шкурой, правой рукой схватил пса за шею. Пёс

завыл; дикий вой его разнёсся по всему подземному царству. Он вцепился зубами всех трёх голов в левую руку героя, лизал её огненными языками, все змеи на его спине впились в львиную шкуру, но она была неязвима, и Геракл не чувствовал боли. Крепко сжимал он шею пса и волók его за собою, на берег реки, к перевозу. Наконец полузадушенный Кёрбер зашатался, ослабел и лёг перед Гераклом. Герой набросил ему цепь на шею и потащил за собою, и страшный пёс подземного царства послушно поплёлся за победителем.

Харон ужаснулся, увидев Геракла с Кёрбером, но не посмел удержать их и перевёз на другую сторону.

Когда они приблизились к выходу на землю, Кёрбер стал жалобно визжать и почти полз за Гераклом. А когда вышли они из мрака на земной вольный простор, солнечный свет ослепил под-

зёмного сторожа; он задрожал, забился, жёлтая пена закапала из его пастьей, и всюду, где она падала на землю, выростала ядовитая трава.

Герáкл привёл Кёрбера в Микены и заставил Еврисфёя взглянуть на него. Но Еврисфёй закрыл лицо руками и в ужасе стал просить Герáкла поскорее увести страшного пса обратно.

— Ну, беги, возвращайся назад и жди царя у ворот,— сказал Герáкл и снял с Кёрбера цепь.

И пёс в одно мгновение умчался в царство мёртвых.

Так окончилась служба Герáкла Еврисфёю, и царь отпустил героя.

ГЕРАКЛ В ПЛЕНУ

Окончив свою службу у царя Еврисфёя, совершив двенадцать подвигов, Герáкл вернулся домой. Здесь его ждали новые испытанья.

Прямодушный и добрый, Герáкл часто бывал нетерпелив, вспыльчив и в припадке гнева не помнил себя.

Однажды мальчик-слуга подал ему напиться воды, приготовленной для умыванья. Герáкл рассердился, ударил его и убил нечаянно. Тогда, чтобы научить героя терпению, Зевс наслал на него долгую, мучительную болезнь. Отважный герой, не боявшийся ни диких зверей, ни чудовищ, ни вражеского войска, не мог терпеливо переносить боль. Он не выдержал, обратился к Аполлону и потребовал, чтобы бог света, которому известно будущее людей, сказал ему, когда прекратится болезнь и придёт избавление. Аполлон не захотел открыть герою эту тайну. Герáкл пришёл в ярость и поднял руку на бога

свѣта. Громовѣржец разгнѣвался, послалъ тучу разнѣть дерущихся и приказалъ Гермесу наказать непокорного героя.

Лукáвый богъ торговли продалъ Герáкла лидйской царѣце Омфáле за три мѣдные монеты на три гóда в рабство.

Весёлая царѣца Омфáла не посылала Герáкла в дальние походы и не требовала от него героическихъ делъ и побѣд. Она отняла у героя оружье — его мечъ и лукъ со стрѣлами, сняла с плечъ его львиную шкуру, нарядила Герáкла в женское платье и забавлялась, заставляя его, какъ служанку, прислуживать ей.

Она сажала его за прялку вмѣстѣ с женщинами и развлекалась, слушая, какъ сказки, его рассказы о далёкихъ странствіяхъ, трудныхъ походахъ и грозныхъ битвахъ.

Этотъ плен у Омфáлы былъ для героя труднѣе самыхъ хитроумныхъ порученій Еврисфѣя. И часто Герáкл такъ тосковалъ и томился, что, наскучивъ его мрачнымъ видомъ, царѣца отдавала ему лукъ и стрѣлы и отпускала погулять по окрестностямъ.

Однажды, уйдя от Омфáлы, Герáкл зашелъ далекó, в сосѣднюю с Лидіей страну, усталый, лёгъ подъ дѣрево и уснулъ. Сквозь сонъ онъ почувствовалъ какую-то возню вокругъ себя, словно маленькіе зверьки бѣгали по его тѣлу. Онъ проснулся, протянулъ руку, поймалъ одного. Это былъ не зверёкъ, а смешной карликъ — кекропъ.

Много ихъ возилось около героя на землѣ — имъ понравился лукъ Герáкла, и они собирались утащить его. Герáкл сталъ ловить ихъ, связывая за руки, за ноги, потомъ нанизалъ на длинную палку и понёсъ в Лидію.

Кекропы не испугались: они прыгали на палке, стараясь освободиться, громко пищали и такъ

грози́ли Ге́ра́клу и бра́нили его́, что он смея́лся всю до́рогу.

Гля́дя на э́тот ма́ленький сме́лый наро́дец, Ге́ракл развесели́лся.

До́йдя до гра́ницы их ца́рства, он развяза́л свои́х кро́шечных плéнников и отпу́стил на во́лю, а сам верну́лся к Омфа́ле и стал тре́бовать и себе́ свобо́ды. И Омфа́ла наконéц отпу́стила его́.

ГЕРАКЛ ОСВОБОЖДАЕТ ПРОМЕТЕЯ

Мно́го ещё по́двигов соверши́л Ге́ракл, и и́мя его́ просла́вилось по всей Гре́ции.

Когда́ Язо́н постро́ил быстрохо́дный кора́бль «А́рго» и созва́л геро́ев Гре́ции, что́бы плыть за три мо́ря, в Колхи́ду, добы́вать золотое руно́, могу́чий Ге́ракл отпра́вился в похóд вме́сте с отва́жными а́ргона́втами.

Но по до́роге, на одной из сто́янок «А́рго» у бе́рега неведомой земли́, Ге́ракл уше́л далеко́ в прибре́жный лес, не верну́лся во́время на кора́бль, и а́ргона́вты отплы́ли без него́. А Ге́ракл сухи́м путе́м отпра́вился в глубь страны́ и ско́ро пришёл в го́ры.

Ди́кий и вели́чественный край откры́лся пе́ред ним. Грядо́ю вста́ли высо́кие го́ры, у подно́жия поро́шенные ча́стым ле́сом, а на верши́нах покры́тые ве́чными снега́ми. Чем вы́ше поднима́лся геро́й, тем суро́вее и непристу́пнее бы́ли го́ры. Наконéц он взобра́лся на го́лую скалу́, обрыва́вшуюся над мо́рем.

Вдруг Ге́ракл услы́шал го́лос, зову́щий его́, и уви́дел прико́ванного к скале́ тита́на.

Ге́ракл узна́л Промете́я — сы́на Феми́ды, боги́ни справедливости, и тита́на Иапе́та, от кото́рого начался́ на земле́ род людско́й.

Герáкл почúвствовал, слóвно мáленькие зверьки бéгали по егó тéлу. Он поймáл одногó.
Этo был смешнóй кáрлик — кекрóп.

Когда-то, в давние-давние времена, людей было мало на земле. Как звери, бродили они по лесам, гоняясь за добычей, ели сырое мясо, дикие плоды и корни, покрывались звериными шкурами и от непогоды прятались в пещерах и дуплах деревьев. Разум у них был, как у малых детей; они были беспомощны в устройстве своей жизни и беззащитны против хищных зверей и грозных сил природы.

Прометей жалился над людьми и захотел помочь им.

Он отправился к своему другу Гефесту, сыну Зевса, божественному кузнецу и мастеру. На острове Лемнос, в глубине огнедышащей горы, была мастерская Гефеста. Жарко горел в огромном горне священный огонь, без которого невозможно никакое искусство и мастерство. Три одноглазых великана — Киклопы — работали в мастерской Гефеста. Две статуи, которые он сам отлил из золота, двигались, как живые, по мастерской, и хромой бог-кузнец опирался на них при ходьбе.

Прометей застал Гефеста за работой — бог-кузнец ковал огненные стрелы-молнии для Зевса Громовержца. Прометей стоял и смотрел на искусную работу Гефеста. Когда же Киклопы стали мехами раздувать огонь в горне и сверкающие искры разлетелись по всей мастерской, Прометей поймал священную искорку и спрятал в пустой тростинке, которую держал в руке. Эту тростинку с искрой священного огня Прометей принес людям, и люди зажгли от нее повсюду на земле костры, очаги и горны. Люди научились бороться с природой, добывать и обрабатывать скрытые в недрах земли медь и железо, золото и серебро и делать себе из них домашние вещи,

оружие и украшения. Люди стали строить себе жилища из дерева и камня и корабли, окрылённые парусами, чтобы плавать по рекам и морям. Люди приручили диких животных и заставили коня носить на себе человека, а козу и корову — кормить его и от овцы стали брать тёплую и прочную шерсть для одежды. Свет от священного огня прояснил мысли людей, пробудил их дремлющий ум, зажг в их сердцах стремление к счастью.

И многому ещё научил Прометей людей с помощью священного огня. Он научил их варить целебный сок растений, который помогает при болезнях и ранах, и люди избавились от постоянного страха смерти. Прометей открыл им науку чисел и научил записывать знаками слова, чтоб передавать свои мысли тем, кто живёт далеко.

С гордостью смотрел Прометей, как люди становились сильнее, разумнее и искуснее во всяком труде.

Но владыка мира Зевс разгневался на Прометей и решил сурово покарать похитителя священного огня. Царь богов послал своих слуг Силу и Власть схватить Прометей и отвести его на край света, в пустынную горную страну, а Гефесту приказал приковать титана к горе. Горько было Гефесту выполнять это — ведь Прометей был ему другом, но такая была воля Зевса. В железные кольца заковал Гефест руки и ноги Прометей, неразрывной цепью приковал его к каменной громаде, острым алмазным клином пробил ему грудь, пригвоздив его к скале.

И повелел Зевс, чтобы навсегда, на веки веков, остался Прометей прикованным к этой скале.

Прошли́ века́. Мно́гое измени́лось на землё. Но не прекраща́лись му́ки Прометёя. Со́лнце жгло́ его́ иссо́хшее те́ло, ледяно́й ве́тер осыпáл его́ колю́чим сне́гом. Ка́ждый день в назна́ченный час прилета́л огро́мный оре́л, разрыва́л когтя́ми те́ло тита́на и клева́л его́ пе́чень. А но́чью ра́ны зажива́ли вновью́.

Но недáром он носил́ ймя «Прометей», что значит «предвídaющий»: он знал, что настанет вре́мя, и среди́ людей на землё явится вели́кий геро́й, кото́рый соверши́т мно́го по́двигов, что́бы очи́стить зёмлю от зла, и придет́ освободи́ть его́.

И вот наконёц Прометей услышал шаги́ идущего по гора́м челове́ка и уви́дел геро́я, кото́рого ждал всё вре́мя.

Герáкл прибли́зился к ско́ванному Прометёю и уже́ по́днял меч, что́бы сбить око́вы с тита́на, но высо́ко в небе́ раздался орли́ный крик: это́ Прометеев оре́л в урочный час спешил́ на свой крова́вый пир. Тогда́ Герáкл схватил́ свой лук, метну́л стрелу́ в летящего орла́ и убил́ его́. Ме́ртвый оре́л упáл с высо́ты в мо́ре под скало́ю, и во́лны унесли́ его́.

Герáкл разби́л цепь, ско́вывавшую Прометёя, и вы́нул из его́ груди́ алма́зное острие́, кото́рым он был приби́т к скале́. И освобождённый Прометей распрямился, вздохну́л всей гру́дью и просветлёнными глаза́ми смотре́л на зёмлю и на геро́я, принёсшего ему́ свобо́ду и мир с бога́ми.

Зевс приказáл Гефе́сту сде́лать кольцо́ из звена́ Прометеевой це́пи и вста́вить в него́ ка́мень — оско́лок скалы́, к кото́рой был при́кован тита́н. Это́ кольцо́ Зевс велел́ Прометёю надеть на па́лец и всегда́ носить его́ в знак того́, что не нару́шено сло́во влады́ки ми́ра и наве́ки Прометей при́кован к скале́.

КОНЕЦ ГЕРАКЛА

В битвах, в походах, в странствиях по свету проходила жизнь Геракла. Он обошёл всю Грецию, побывал во многих городах, но нигде не жил долго, и многие годы у него не было ни семьи, ни дома. Но однажды он вспомнил, что в царстве мёртвых обещал своему другу Мелеагру взять в жены его сестру Деяниру, и отправился в Калидон, где она жила.

В Калидоне в это время шли состязания женихов — многие добивались красавицы Деяниры. Вдруг среди них явился речной бог Ахелой — страшнелице с бычьими рогами на голове, с зелёной бородой, по которой струилась вода. Увидев такого соперника, все женихи разбежались. Деянира горько плакала от страха.

Геракл пришёл ей на помощь, вступил в единоборство с Ахелоем и выломал у него один рог. Тогда Ахелой признал себя побеждённым, выпросил у Геракла обратно свой рог, а Деянире подарил взамен чудесный Рог изобилия, наполненный цветами и плодами, которые никогда не переводились в нём.

Геракл женился на Деянире и отправился с женой в город Трахин, где они собирались устраивать свой дом. По дороге им пришлось переходить через реку. Тут они встретили кентавра Несса, который за плату переносил прохожих через реку на своей широкой конской спине. Геракл посадил жену на спину кентавра и пошёл вперёд. Он был уже на середине реки, как вдруг услышал крик Деяниры и, оглянувшись, увидел, что кентавр скачет по берегу, унося похищенную красавицу. Геракл быстро схватил свой лук, и меткая стрела мгновенно догнала кентавра.

Умирающий Несс решил отомстить Герáклу и сказа́л Деяни́ре:

— Кровь моя течёт из смертёльной раны. Собери́ и сохрани́ её — в ней чудодёйственная сила. Если когда-нибудь Герáкл тебя́ разлюбит, натри́ моёй кро́вью его́ оде́жду — и любóвь его́ вернётся к тебе́.

Деяни́ра пове́рила кента́вру, собралá его́ кровь и спря́тала.

Герáкл с Деяни́рой посели́лись в Трахи́не, жи́ли дру́жно. Ско́ро у них роди́лся сын.

Шли го́ды. Сын ви́рос. Герáкл ча́сто уходил из до́ма воева́ть. Одна́жды он до́лго не возвраща́лся из похода, и Деяни́ра си́льно тревожи́лась. Она́ собира́лась уже́ посла́ть сы́на разыски́вать отца́, но яви́лся вестник от Герáкла, сказа́л, что геро́й жив и здоро́в, возвраща́ется домо́й и посыла́ет вперёд плéнных, взя́тых в чужо́й стране́. Среди́ плéнных Деяни́ра уви́дела де́вушку необыкновенно́й красото́й и спроси́ла вестника, кто она́. Вестник отвеча́л лука́во, что это не проста́я плéнница, а дочь побеждённóго царя́, кото́рую Герáкл когда-то хоте́л взять в жёны.

Деяни́ра ви́дела, что царевна́ мо́ложе её и краси́вее, и думала, что Герáкл тепе́рь разлюбит её и оста́вит одну́. Она́ вспо́мнила предсмертны́й совет кента́вра Нэсса: его́ запёкшейся кро́вью натёрла но́вую, пра́здничную оде́жду, кото́рую сама́ ви́ткала для му́жа, и посла́ла её с гонцо́м навстрéчу Герáклу.

Герáкл приня́л подаро́к жёны́ и захоте́л то́т-час надéть его́. Но едва́ оде́жда косну́лась те́ла, яд из кро́ви Нэсса проник в него́ и то́чно ого́нь стал жечь его́. Герáкл рвал с себя́ прокля́тую оде́жду, но она́ приросла́ к те́лу и причиня́ла нестерпи́мую боль. Он прише́л в неистовство,

метался, кричал и мучился невыразимо. Когда пришли сказать об этом Деянире, несчастная поняла коварство кентавра.

В отчаянии, что погубила мужа, она бросилась грудью на меч и умерла.

Узнав о смерти жены, Геракл перестал стонать и метаться, собрал последние силы, наломал ветвей в лесу, сложил на холме высокий костёр и накрыл его львиной шкурой. Потом он лёг на неё, позвал сына и просил поджечь костёр.

Но ни сын, ни товарищи не решались исполнить его просьбу.

Вдруг большая чёрная туча закрыла солнце, засверкали молнии, загрел гром. Молния из тучи ударила в костёр и зажгла его. Костёр разгорелся, густой дым поднялся над ним к небу.

Тогда, невидимая в этом дымном облаке, спустилась с неба золотая колесница, и мудрая Афина Паллада умчала на Олимп своего героя. Там встретила Геракла с улыбкой примирения богиня Гера, взяла его за руку и повела на пир богов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловіе</i>	3
------------------------------	---

АРГОНАВТЫ

Баран с золотым рунóm	9
Человек в одной сандалии	15
Отплытие	22
На острове Лёмнос	26
Медвѣжья горá	32
Ссóра на кораблѣ	36
В царстве бѣбриков	41
Аргона́вты в Салмидѣссе. Гóлубь Финѣя	46
Между дви́жущимися ска́лами	51
Конец пути́	53
Язón у царя́ Колхиды	57
Волше́бница Медѣя	61
На по́ле Арѣса	64
Похище́ние золотóго рунá	67
Возвраще́ние «Аргó»	70
Смерть Язónа	78

ПЕРСЕЙ	83
-------------------------	----

ДЕДАЛ И ИКАР	94
-------------------------------	----

ТЕЗЕЙ	99
------------------------	----

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА	113
-----------------------------------	-----

ГЕРАКЛ

Рождѣние герóя	120
Гѣра хóчет погубить Герáкла	122
Выбор пути́	124
Пѣрвый пóдвиг. <i>Герáкл убивáет Немѣйского льва</i>	128

Второй подвиг. <i>Герáкл уничтожает Лернейскую гидру</i> . . .	132
Третий подвиг. <i>Герáкл догоняет Керинейскую лань</i> . . .	134
Четвёртый подвиг. <i>Герáкл избавляет зёмлю от Эриманфского вёпря</i>	138
Пятый подвиг. <i>Герáкл разгоняет Стимфáльских птиц</i> . . .	142
Шестой подвиг. <i>Герáкл очищает Авгиевы конюшни</i> . . .	144
Седьмой подвиг. <i>Герáкл укрощает Критского быка</i> . . .	148
Восьмой подвиг. <i>Герáкл добывает коней Диомёда</i> . . .	150
Девятый подвиг. <i>Герáкл завоёвывает пояс Ипполиты</i> . . .	157
Десятый подвиг. <i>Герáкл открывает дорогу к океáну и пригоняет стадо Гериона</i>	162
Одиннадцатый подвиг. <i>Герáкл доходит до края свёта и достаёт яблоки Гесперид</i>	166
Двенадцатый подвиг. <i>Герáкл спускается в царство мёртвых и побеждает Кёрбера</i>	173
Герáкл в плену	180
Герáкл освобождает Прометёя	182
Конец Герáкла	187

Литературно-художественное издание

Для восьмилетней школы

ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

Из мифов Древней Греции

Ответственный редактор

Г. В. Кузнецова

Художественный редактор

И. Г. Найдёнова

Технические редакторы

Е. В. Буташина, Г. Г. Седова

Корректоры

Т. В. Беспалая, Л. А. Лазарева

ИБ № 10492

Сдано в набор 29.06.87. Подписано к печати 17.02.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 7,89. Тираж 300 000 экз. Заказ № 6611. Цена 60 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Г39 Герои Эллады: Из мифов Древней Греции/ Рассказала для детей В. Смирнова; Рис. И. Архипова.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1988.— 191 с.: ил.— (Школьная б-ка для нерусских школ).

ISBN 5—08—001208—0

Мифы Древней Греции. Эти народные сказания, пришедшие к нам из далёкой древности, полны поэзии и глубокого смысла. Пересказала для детей эти мифы русская советская писательница Вера Васильевна Смирнова (1898—1977). Первое издание было осуществлено в 1953 году.

Г 480000000—214 448—88
M101(03)—88

ББК 82.3(0)

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».